

ОТ АВТОРА

Мы обязаны знать свою историю. И древнюю, и новейшую. Но это не так просто. До подлинной истории ещё надо докопаться, продираясь сквозь частокोल официальных историков, их субъективности и ангажированности, их недоговорённостей и заблуждений.

В юриспруденции бытует поговорка: два юриста — три мнения. У историков этих мнений гораздо больше. Однако главную опасность представляют фальсификаторы истории. Люди, умышленно извращающие её события и факты, и делающие это профессионально. Причём масштабы фальсификаций в наше время невероятно возросли. По сути дела, мы являемся свидетелями, как переписывается вся мировая история. Особенно острый интерес фальсификаторов привлекает история России. Казалось бы, давно ли закончилась Вторая Мировая война, а что только о ней не понаписано, чтобы умалить, а то и вовсе свести на нет подвиг народа-победителя! Дело дошло даже до того, что Борис Ельцин, являясь президентом (а скорее позором!) России, видимо, как всегда по пьянке, однажды подписал указ о запрещении носить боевые награды фронтовикам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, что до глубины души оскорбило и возмутило популярного актёра кино, одного из главных героев художественного фильма «Офицеры», Народного артиста СССР Василия Семёновича Ланового.

Таким же наглым посягательством на историю было и заявление отпетоного негодяя, недобитого троцкиста Н.С. Хрущёва о мнимом культе личности И.В. Сталина в феврале 1956 года. Ему вообще много принадлежит, как говорится, самого беспардонного вранья о нашем героическом прошлом. Зачастую оно бывало далеко не безобидным, а представало в виде особо опасного государственного преступления, как это случилось с посмертной реабилитацией большой группы советских военачальников времён Гражданской войны во главе с маршалом М.Н.

Тухачевским, в своё время вставших на путь прямой государственной измены, вредительства и террора, наконец связавших свою судьбу с ярким русоненавистником, непримиримым врагом исторической России и эмиссаром мирового сионизма Лейбой Бронштейном, больше известным у нас и на Западе как Лев Троцкий.

Обстоятельства этого антисоветского военно-троцкистского заговора против СССР настолько вопиющи, что писатель Алексей Полянский, издав книгу о Н.И. Ежове, обошёл гробовым молчанием эту ключевую тему. А она ведь, по существу, была главным фактом биографии Николая Ивановича на посту «железного наркома», т.е. главы НКВД. Причём, именно этот период и рассматривался А.Полянским. Отсюда, умышленное замалчивание главного в данном случае выступает одной из форм фальсификации отечественной истории. Это неоспоримо, потому что лукавый автор скрыл, на каком краю пропасти находился СССР в сложное предвоенное десятилетие, а также, как были обезврежены военные заговорщики, готовившие крах своей (!) стране.

Реабилитация высокопоставленных армейских изменников, получивших по заслугам, — это, без сомнения, — продолжение давнего предательства, о котором читатель узнает из этой работы.

Реки слёз пролиты по маршалу Тухачевскому, разыгрывая для простодушных сердец глубокую скорбь по невозполнимой утрате. И уж чего только лестного о нём не сказано! И выдающийся-то военный талант полководца и теоретика, мол, на корню загублен! И прекраснее его не было никого среди военачальников! Тухачевский был «человек, сделавший больше для спасения революции, чем Сталин и все его палачи, взятые вместе»¹, — эмоционально утверждал бывший глава отдела печати рейхсминистерства иностранных дел фашистской Германии и личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт, ставший после войны западно-германским историком Паулем Кареллом, автором книги «Война Гитлера против России», вышедшей также и под названиями «Гитлер идёт на восток. 1941-1943» и «Предприятие Барбаросса». «Сталин уничтожил многих офицеров Генерального штаба, казнил опытных командиров и, главное, разрушил ту атмосферу дисциплины и организованности, которую так упорно создавал Тухачевский»², — продолжал сокрушаться П. Карелл (Шмидт), будто сидел в то время в Москве, а не у себя в Германии. «Преступные действия Сталина против талантливых советских генералов и офицеров поставили Советский Союз на грань поражения...»³, — по-прежнему заливался он, всем видом показывая, что русские дела ему куда ближе своих, немецких. «Были репрессированы почти все командующие фронтами и армиями, выдающиеся полководцы времён гражданской войны...»⁴, «...Судили прославленных командиров, героев гражданской войны, людей, ничем себя не запятнавших»⁵, — вторили именитому немцу о Тухачевском и его сообщниках по заговору скорые на потребу отечественные поддыгалы. «К концу своей боевой деятельности в русской армии Тухачевский пришёл признанным героем. Я не помню, чтобы встречал за всю войну ещё кого-нибудь, кто подобно Тухачевскому за полгода получил 6 боевых наград. Он имел эти награды за подлинные доблести, а не за присутствие на войне. Среди них орден Анны IV степени с надписью «За храбрость», III степени с мечами и бантом, II степени с мечами, Владимира IV степени с мечами и бантом»⁶, — задыхаясь от восторга, писал о своём кумире знаменитый сочинитель 40 тысяч жертв сталинских репрессий среди военных генерал-лейтенант А.И. Тодорский в книге «Маршал Тухачевский», увидевшей свет в разгар хрущёвской «оттепели», в 1963 году. Ещё раньше «блестящий талант крупного стратега-полководца», развернувшийся «в громких победах!»⁷ восхищал известного газетчика-правдиста М.Е. Кольцова (Фридлянда), современника Тухачевского и родного брата одного из Кукрыниксов, художни-

ка Бориса Ефимова. Заданное направление безудержного славословия особенно наглядно проявилось в высказываниях родных сестёр хваленного маршала, отдающих явно отредактированной казёнщиной: «Михаил Николаевич Тухачевский был интеллигентом в самом лучшем смысле этого слова, то есть человеком больших знаний, нерушимых принципов, всесторонней культуры. Человеком, не прожившим впустую ни одного дня!»⁸ В итоге все эти восторги и восхищения воплотились в скупые и ёмкие строки энциклопедий, утверждающих, что Тухачевский «сыграл важную роль в техническом перевооружении Красной Армии. Труды Тухачевского оказали значительное влияние на развитие советской военной науки и практику военного строительства»⁹.

Читая и перечитывая все эти дифирамбы, поневоле согласишься со словами современного исследователя Германа Смирнова, заметившего однажды, что «трудно было не подпасть под обаяние личности М.Н. Тухачевского в том виде, в каком она представляла в начале 60-х годов, да и сейчас ещё преподносится порой нашим читателям и слушателям»¹⁰.

Добавим ещё, чтобы посильнее запечатлеть в сознании советских людей положительный образ самого молодого маршала и его соратников, на несколько лет предали полному забвению подлинных героев и выдающихся военачальников Великой Отечественной войны. О них не писали: в это время одна за другой выходили книги только об якирах, уборовичах и прочих гамарниках, которые по высокопарному выражению парновых, жить не могли без армии. Об одном только Тухачевском вышло с десяток хвалебных биографий! Но это так, к слову. Впрочем, в импозантности Михаилу Николаевичу действительно не откажешь. И молод был, и красив, высок ростом и статен. Не зря же на вопрос редактора АПН А. Миркиной об отношении к Тухачевскому наш прославленный маршал Г.К. Жуков с нескрываемой иронией ответил: «Очень был красивый мужчина! Очень!»¹¹, — ни словом не обмолвившись о главном, о его полководческих дарованиях.

Однако всё приведённое выше является лишь голым славословием, которого, конечно же, явно недостаточно для того, чтобы сделать какие-то конкретно определённые выводы о Тухачевском, как о человеке и военачальнике. А потому попробуем поближе познакомиться с ним на основе подлинных свидетельств, документов и фактов, практически закрытых от нас сплошным туманом хвалебных од и умолчаний. На это невольно толкает и то непомерное превозношение Тухачевского, как некоего уникама в военном деле, что само по себе внушает обоснованные подозрения. И они, как увидим, не напрасны, т.к. в случае с «самым молодым маршалом» неприятные неожиданности подстерегают на каждом шагу.

Десятки лет нам упорно твердили, что И.В. Сталин — кровожадный тиран, злодей, деспот и диктатор, от одного только взгляда которого, по М.А. Булгакову, люди падали в обморок. Этой злонамеренной ложью тщательно скрывалась крайне сложная внутривластная обстановка в молодой стране Советов после смерти В.И. Ленина, где не только жизнь И.В. Сталина, но и само существование советского государства были под большим вопросом, о чём очень точно сказал замнаркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский: «Весь советский строй висел на волоске!»¹² А его шеф, Н.И. Ежов, вообще считал, что «советская власть чудом уцелела!»¹³

И.В. Сталин принял от В.И. Ленина далеко не лёгкое наследство. Откровенный вождизм соратников Ильича никем и ничем не ограничивался. Каждый из них мнил себя пупом земли, бравировав революционным прошлым как мандатом вседозволенности личного поведения. Среди этой пёстрой толпы зиновьевых, каменевых, бухаринных и пятаковых выделялась зловещая демоническая фигура Л.Д. Троцкого (Бронштейна), который из-за своего чрезвычайно склочного характера сумел переругаться со всеми, которого боялись и который вскоре стал открыто

противопоставлять себя партии, резко пикируясь во взглядах на будущее СССР с её главными деятелями того периода и лично с И.В. Сталиным. Такое поведение одного из вождей Октября 1917 года не являлось неожиданностью. «Этакая свинья этот Троцкий»¹⁴, «подлейший карьерист и фракционер»¹⁵. «Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует...»¹⁶, — честил Ленин ближайшего соратника, который был для него ещё «шельмец» и «проходимец», но свой. Поэтому уничтожающие эпитеты и высказывания перемежались похвалами, миром и покровительством. Всё быстро менялось и забывалось. Между тем Лейба Троцкий был виновником многих крупных авантюр и провокаций на заре советской власти. Не кончились они и после января 1924 года. Поэтому не удивительно, что он стал принципиальным противником генеральной линии партии, отстаивающей ленинскую позицию построения социализма в стране, где победила пролетарская революция. И.В. Сталин, как и В.И. Ленин, считал это возможным. Неистовый же проповедник «перманентной» или непрерывной революции Троцкий, такую возможность отвергал напрочь. Причём наивно полагать, что кто-то из сторонников «демона революции» или других оппозиционеров дрожал перед И.В. Сталиным как осиновый лист, панически боялся его взгляда или хотя бы уважительно относился к нему, как к главе РКП-ВКП(б). Напротив, все они ни во что не ставили своего Генсека, зачастую не удосуживаясь даже скрывать этого. За спиной же И.В. Сталина, руководителя партии, злословили самым непозволительным образом. Например, редактор «Известий» Ю.М. Стеклов (Нахамкес), третировавший В.В. Маяковского, иначе как «невежественным грузином» или «бандитом» И.В. Сталина в своём кругу не называл и негодовал, утверждая, что «...всё население скоро будет обучать марксизму бандит Сталин. А кроме бандитского понимания марксизма, — продолжал он, — сей бандит другого не знает»¹⁷!!! Тем же настроениям в отношении И.В. Сталина был подвержен и Тухачевский, с менторским высокомерием говоря: «...когда бывший семинарист хочет показать, что он, по меньшей мере, Мольтке, — это смешно...»¹⁸!

Кстати сказать, как раз эти стекловы-нахамкесы ещё в бытность В.И. Ленина «...всё национально-русское, даже самое слово «Россия» или «Русь»¹⁹ нещадно охаивали и оплёвывали безо всякого стеснения. «У нас нет национальной власти, — разглагольствовала газета «Известия» 8 февраля 1921 года, — у нас власть интернациональная. Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных всех стран»²⁰! Это полностью соответствовало взглядам самого «вождя мирового пролетариата», который в интересах планетарного революционного пожара, не задумываясь, готов был пожертвовать девятью десятыми населения страны, прямо заявляя при этом: «а на Россию мне наплевать»²¹! Даже после смерти В.И. Ленина, 1 января 1925 года, с прежней настойчивостью проводилась в жизнь жёсткая линия воинствующего антинационализма и русофобии: «Писатели должны выкинуть за борт литературы... национальную точку зрения», — провозглашала главная газета страны «Правда». «Русь!... Сгнила?... Умерла?... Подохла?... — ликуя ёрничала она 13 августа того же 1925 года. — Что же!... Вечная память тебе»²²! Но куда хлеще Ю.М. Стеклова (Нахамкеса) и Тухачевского выкинул тогда номер «лихой» командир червонного казачества, а в конце своей военной карьеры — командир 8-й отдельной механизированной бригады Киевского ВО РККА, комдив Дмитрий Аркадьевич Шмидт, которого, наряду с другими заговорщиками взахлёб славословит бывший червонный казак, а позднее писатель И.В. Дубинский в своей книге «Особый счёт». В его глазах это был выдающийся герой Гражданской войны, любимец казаков, рубашка-парень Митька Шмидт, самого что ни на есть пролетарского происхождения, из... рабочих. Но этот специалист по лживым панегирикам времён хрущёвской «оттепели» был далёк от правды, которую он старательно скры-

вал, вводя в заблуждение доверчивых читателей. В действительности «лихой» кавалерист Митька Шмидт никакого отношения не имел ни к казачеству, ни тем более к рабочему классу, т.к. был сыном раввина. Об этом по простоте душевной поведал миру известный американский исследователь Роберт Конквист, «забыв» согласовать отдельные факты биографии своего героя с Ильёй Дубинским. Да и Митькой Шмидтом боевой комдив был тоже фальшивым. Под простецким именем любителя анекдотов, весельчака и балагура скрывался Давид Аронович Гутман, близкий человек командующего Киевским ВО И.Э. Якира. Да и как им не дружить? Один — сын раввина. Другой, в прошлом студент Базельского университета, — сын богатого еврея-аптекаря из Кишинёва, «недоучившийся фармацевт», как его мило величает остролов Александр Бушков. Так вот, этот самый Д.А. Шмидт (Гутман) позволил себе неслыханную дерзость в период работы XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 года. Приехав «в Москву на съезд партии как раз в тот момент, когда было объявлено об исключении из партии троцкистской оппозиции. Он был одет, как обычно, в форму своей дивизии: большая чёрная бурка, пояс с серебряными украшениями, огромная сабля и папаха набекрень. Выходя вместе с Радеком из Кремля, он столкнулся со Сталиным. Политические страсти в тот момент были накалены. Сталин активно интриговал в партийных делах, но ему ещё не удалось подчинить себе партию. Шмидт подошёл к нему и начал полушутя-полусерьёзно поносить его, как только может делать это настоящий солдат, то есть такими словами, которые надо слышать, чтобы поверить в это (в общем, площадной бранью — В.Ц.). А под конец, сделала вид, что обнажает шашку (а по другой версии, немного вытасила её из ножен — В.Ц.), и пообещал Генеральному секретарю когда-нибудь отрубить ему уши. Сталин выслушал обиду, не проронив ни слова, с бледным лицом и плотно сжатыми губами...»²³!!! Когда же начались аресты и показательные процессы над троцкистами, к которым Д.А. Шмидт (Гутман) примыкал в 1925-1927 годах, а потом на словах откестился от них, ему было над чем задуматься. Тем более, что на Киевских военных манёврах 1935 года, проходивших в присутствии иностранных гостей, комдиву поручалось устранить наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова. На его место заговорщики планировали выдвинуть И.Э. Якира, используя благосклонность к нему советского вождя. Покушение не состоялось, но это было не единственное, чем отметил себя в троцкистском заговоре липовый казак. Не забыл он и случай с И.В. Сталиным. Поэтому в предчувствии близкой расплаты говорил своему окружению: «Вот я смеюсь, шучу, паясничая, а на душе кошки скребут»²⁴! 6 июля 1936 года, когда И.Э. Якир отдыхал в Карловых Варах, Д.А. Шмидт-Гутман был арестован и, не думая запираяться, стал давать показания о заговоре и его участниках. Г. Ягода же немедленно известил обо всём Я.Б. Гамарника, начальника Политуправления РККА, а по тайному совместительству — одного из главарей антисоветского военно-троцкистского заговора.

Случай с Д. Шмидтом (Гутманом) может кому-то показаться невероятным, потому что за толщей лжи в правду верится трудно. Поэтому есть смысл привести прелюбопытный эпизод его поступления в Академию Генерального Штаба, в последующем, переименованную в Академию имени М.В. Фрунзе:

«На вступительных экзаменах Шмидт был трогательно беспомощен... Прихрамывая, со своей огромной саблей на боку, он медленно подошёл к столу.

- Назовите годы правления Петра Второго, — попросили его.
- Не имею представления, — сухо ответил он.
- Назовите войны Екатерины Второй.
- Я их не знаю.

Генералы переглянулись между собой, и Мартынов повторил вопрос: — Назовите нам годы правления Екатерины Великой и год её смерти.

— Меня тогда не было на свете, и это меня не интересует.

Это взорвало Мартынова:

— Господа, это недопустимо! Я отказываюсь экзаменовать далее этого кандидата.

Тут вмешался комиссар академии, и этот замечательный кавалерист был принят...»²⁵!

Естественно, что такая обстановка в партии неминуемо вела к острой борьбе И.В. Сталина и его соратников с воинствующей оппозицией всех цветов и оттенков, составлявших «правый» и «левый» уклоны от генеральной линии партии. А линия эта предусматривала в качестве архиважной задачи в кратчайшие сроки выйти из послевоенной разрухи и ненужной полемики в партии и обществе. Надо было, засучив рукава, дружно заниматься государственным строительством на новой, социалистической основе, чтобы не погибнуть во вражеском окружении капиталистических держав. Лучше других эту необходимость понимал И.В. Сталин со своими единомышленниками.

«Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет, — говорил Иосиф Виссарионович на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года. — Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомянут»²⁶!!! «...Сталин недавно одной фразой всё замечательно определил: нужна индустриализация, и настоящая, а не с плюгавенькими темпами»²⁷, — поддерживал чёткую позицию вождя В.В. Куйбышев. «Наиболее опасным в тот период являлся «левый» троцкистский уклон, — отмечал историк партии Ф.М. Ваганов. — Политическая суть его заключалась в отрицании возможности построения социализма в СССР без прямой государственной помощи западно-европейского пролетариата...»²⁸. Другие оппозиционеры мало чем отличались от «левых»: «Правые» заявляли, что политика партии в области индустриализации неизбежно приведёт к провалу»²⁹. Они считали «будто бы взятый темп развития промышленности слишком высокий, чрезмерно напряжённый, что большие капиталовложения в промышленность производятся в ущерб сельскому хозяйству, много внимания уделяется развитию тяжёлой индустрии и недооценивается лёгкая промышленность»³⁰. «Мы переиндустриализировались», «мы зарвались в капитальном строительстве», «нельзя ли помедленнее развивать промышленность»³¹, — слышалось то здесь, то там. Проводниками таких взглядов были Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, Н.А. Угланов и другие.

Как видим, «левых» и «правых» объединяло общее неприятие последовательного претворения И.В. Сталиным ленинских установок на построение социализма. Одинаково не принимали они и личность самого Генсека ВКП(б), заклеив его руководство страной презрительным словосочетанием «сталинский режим». Причем дело не ограничивалось одной только борьбой мнений, но подкреплялось и прямыми враждебными вылазками сторонников оппозиции. Например, «на Украине с октября 1928 года по август 1929 года было совершено 848 террористических актов. В Московской области с января по сентябрь 1929 года произошло 2198 случаев террора, в результате которых 480 активистов было убито, над 830 работниками совершена физическая расправа»³². Ноябрьский, 1928 года, Пленум ЦК ВКП(б) заявил по этому поводу: «Правый уклон стал главной опасностью потому, что его политическая линия объективно отражает настроения и интересы капиталистических элементов вообще и кулака в частности»³³.

Устранение с политической арены страны Троцкого, в 1927 году исключённого из ВКП(б), затем, в январе 1928 года, сосланного в Алма-Ату, а ещё через год выдворенного из СССР, не только не разрядило внутривластную обстановку в молодом советском государстве, а, напротив, ещё больше осложнило её. «Если в международных отношениях, благодаря неимоверным усилиям и византийской хитрости Сталина,

— отменяют исследователи, — у нас был хоть и качающийся, но мир, то внутри страны мира не было нигде и никакого»³⁴!!! Между прочим, «беседа 5 ноября 1927 года с делегациями иностранных рабочих, Сталин пророчески сказал: «Социал-демократия Троцкого в стране диктатуры пролетариата является контрреволюционной силой, работающей на буржуазную «демократию»... Она есть демократия для ничтожного меньшинства, ломающего волю громадного большинства»³⁵!!! А через пару дней, 7 ноября 1927 года, Троцкий и Зиновьев провели демонстрации в Москве и Ленинграде. Эти акции оппозиции были направлены против политики И.В. Сталина и повлекли жёсткие меры, о которых частично упомянуто выше. Подобные выступления троцкистов были не единичны и не поддерживались широкими слоями населения. Вот как, например, говорит о них очевидец: «Вспомнил 1927 год. Воздвиженку. Москвичи толпами возвращаются с парада на Красной площади. В окнах квартиры Каспаровой над приёмной Калинина выставлен портрет Троцкого. Дворники и милиция железными кошками с крыши пытаются зацепить портрет, а Зиновьев и Каменев, защищая его одной рукой, другой тянут на себя кошки. В народе издевательский смех — бесплатный цирк! А тут, спускаясь с Воздвиженки, с пением «Интернационала» показываются колонны троцкистов...»³⁶. Это, в конце концов, и повлекло выдворение Троцкого из страны в январе 1929 года. Причём произошло оно очень символично на пароходе «Ильич». Его доставили до Константинополя и высадили на берег.

Но большинство из нас и понятия не имеет, с какой помпой сопровождался до этого отъезд Троцкого в Алма-Ату. Он несколько не походил на изгнание замученного, издёрганного, сломленного духом и физически измождённого вождя оппозиции, а выглядел со стороны пышным торжеством церемониального отбытия признанного лидера мощной оппозиции, ни на йоту не сомневающегося в своей силе и скором успехе дерзких планов на будущее. Троцкий был уверен, что оставляет Москву ненадолго, а потому до 1932 года сохранял советское гражданство. К его услугам был предоставлен чуть ли не целый железнодорожный состав, где были вагоны для него самого, родных и близких, окружения, а также для личного имущества и архива. Кроме того, Троцкому выплатили крупную сумму выходного пособия в иностранной валюте.

Как всегда, «не обошлось без очередного спектакля. Демонстрируя сопротивление, Троцкий отказался выйти из дома. Тогда его наиболее пыliche сторонники вынесли своего вождя на руках и так доставили вначале в автомашину, а затем до вагона поезда. Всё это сопровождалось воплями сына — Льва Львовича Седова, который истерически кричал: «Смотрите, как несут Троцкого!»³⁷. «Провожать его на вокзал отправилось около трёх тысяч человек. Проводы вылились в демонстрацию, завершившуюся столкновением с милицией. 19 человек было задержано»³⁸! «Многие члены партии и советские люди выражали опасение, что за границей он способен принести больше вреда Советской власти, чем оставшись в Советском Союзе»³⁹. Впоследствии Троцкий с лихвой оправдал эти опасения.

Удивительно тонкое понимание политической ситуации в молодой Советской Республике явил тогда известный австрийский писатель Лион Фейхтвангер, став гостем СССР: «Русским патриотом Троцкий не был никогда, — писал он. — «Государство Сталина» было ему глубоко антипатично. Он хотел мировой революции... Что же являлось за все эти годы изгнания и является и ныне главной целью Троцкого? Возвращение в страну любой ценой, возвращение к власти»⁴⁰! Воплощению маниакальной мечты Троцкого — вернуться в СССР на белом коне победителя — по существу и была подчинена деятельность разноцветных оппозиций разрушенной и обескровленной страны, составившая основу почти всех заговоров внутри СССР, выявленных и обезвреженных во второй половине 30-х годов прошлого XX столетия. Отсюда, всю подрывную

работу разномыслных шулеров-оппозиционеров, игравших на одну мощеначескую руку Троцкого, можно и нужно свести в единую систему подрыва советского строя, построенную, как хохломская матрёшка, по принципу ддящегося многоступенчатого заговора, решающая роль в котором отводилась армии и ОГПУ-НКВД, осуществлявшему тогда одновременно и функцию государственной безопасности. Именно они должны были присущими им методами, силами и средствами увенчать успехом главную цель троцкистского заговора против ненавистного им политического руководства и правительства СССР того времени во главе с И.В.Сталиным. Чтобы скрыть подлинную картину тех дней, по сию пору тщательно скрывается громадный размах и широкая разветвлённость этого заговора, державшего в своих удушющих щупальцах всю страну. Потому-то и правы были руководители НКВД СССР Н.И. Ежов и М.П. Фриновский, утверждая, что советский строй сохранился только чудом. Они-то знали это не понаслышке, а непосредственно столкнувшись с реалиями впечатляющего по масштабам заговора против СССР.

Правда, сегодня уже не скрывается наличие заговоров в советской стране первой половины прошлого века. Признаётся и насильственное устранение И.В. Сталина в марте 1953 года. Однако всё это подаётся как отдельные частности, не объединенные общим умыслом. А он очевиден и настойчиво заявляет о себе. Заявляет потому, что цели Февраля и Октября 1917 года запалить весь мир пожаром революций, где России отводилась роль «хвороста», ныне тихо и незаметно достигается Глобализацией, которая не хуже «сжигает» в своей адской топке суверенные государства, устанавливая на земле единое государство антихриста. Тогда на пути его строителей встал И.В. Сталин. Вождь во многом разрушил планы троцких и их закулисных кукловодов. Почему и ненавистен он им и сейчас, даже спустя полвека со дня смерти.

Масла в огонь этой ненависти подлила ещё и ориентация И.В. Сталина на исторический путь России и её национально-русские основы, куда он повернул СССР в те же 30-е годы в преддверии неминуемой войны с Германией. Только это могло сцементировать страну перед лицом грозящей опасности. Сделать её единым непробиваемым монолитом для внешнего вторжения сильного врага. Не зря видный политический деятель Третьего Рейха Иоахим фон Риббентроп и наш философ Г.П. Федотов, впоследствии принявший священнический сан, независимо друг от друга пришли к выводу, что к 1939 году И.В. Сталин оставил коммунизм и вернулся к традиционному правлению русских царей. Троцкистская оппозиция, люто ненавидящая русский национальный дух и органично сочетающийся с ним патриотизм, сразу же обвинила советского вождя в отступлении от ленинизма и множестве других смертных грехов. Все эти факторы до предела обострили противостояние двух непримиримых сил: созидания и разрушения.

Были и такие, которые втянулись в него по заблуждению и собственной гордыне, считая себя способными разобраться в любых, даже самых сложных, политических хитросплетениях. К ним относился, например, утопитель Черноморского флота, моряк во множестве лиц, во времена Гражданской — муженёк небезызвестной комиссарши Ларисы Рейснер, а в последней роли — дипломат — Ф.Ф. Раскольников (Ильин). Как раз из-за граничи-то Фёдор Фёдорович и направил И.В. Сталину своё печально-знаменитое письмо, где с театральным пафосом и риторикой от Главреперткома, которым тогда успел покомандовать в своё время, умудрился вменить в вину советскому вождю даже его искренний патриотизм: «Под нажимом советского народа, — писал он. — Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут Вам больше, чем казнённые маршалы и генералы...»⁴¹!

Самым настырным из таких заблудших оказался редакционный деятель «Красной Звезды» Мартемьян Рютин. Не образумила его и двухднев-

ная беседа с И.В. Сталиным в Сочи: «Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма, социалистического строительства и социализма, для взрыва их изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики», — изощрялся он в своём обращении «Ко всем членам ВКП(б)»⁴². Блуждая в трёх соснах, М.Н. Рютин, как и С.И. Сырцов с Бесо Ломинадзе, видя не видели настоящей опасности, невольно подыгрывая врагам СССР. А потому И.В. Сталину, проводя в жизнь генеральную линию партии по созданию могучей советской державы, кроме сопротивления мощной и прекрасно организованной троцкистской оппозиции, приходилось преодолевать сопротивление и вышеприведённых гордецов, возомнивших из себя искушённых знатоков марксизма-ленинизма и ревнующих о нём не по разуму.

Но вернёмся к главному. На ловца, как говорится, и зверь бежит. На счастье «левых», «правых» и серо-буро-малиновых оппозиционеров одного и того же троцкистского толка подвернулся Тухачевский. Он был для них драгоценной находкой, подарком судьбы, который Лейба Троцкий зорко заметил и выделил ещё летом 1918 года в свою бытность наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета молодой Советской Республики. Непомерное честолюбие, выраженный эгоизм, холодная конъюнктурная расчётливость и бездушие Тухачевского, который, ставя перед собой шкурно-карьеристские цели, добивался их любой ценой, нисколько не обременяя себя муками совести, конечно же, очень приглянулись Троцкому. А, главное, 25-летний Тухачевский был очень перспективен. По существу, вся жизнь у него была впереди. Но вначале получше посмотримся в будущего маршала.

Что касается его нелицеприятной характеристики, то не мы ей виной. И она, отнюдь, не надуманна, а вполне объективна и подтверждается всей биографией Тухачевского с молодых лет. Выходец из дворянской семьи Пензенской губернии, после Кадетского училища он оказывается в Императорском Александровском военном училище Москвы. Учились в нём два года. В первый год молоденький Тухачевский выслуживается там до редкостного звания портупей-юнкера. Правда, без должности. На старшем курсе он быстро становится фельдфебелем своей 2-й роты, получив тем самым большие права над юнкерами. Причём, друзей у Тухачевского никогда не было. Более того, его боялись и сторонились, т.к. он безжалостно взыскивал, без какого бы то ни было снисхождения, за малейшую провинность с любого юнкера. Нечеловеческое бездушие и жесткость Тухачевского стоили жизни трём юнкерам — Красовскому, Яновскому и Авдееву. Доведённые фельдфебелем, они один за другим покончили с собой самоубийством в пределах каких-то двух месяцев. Начальнику училища едва удалось замять страшные последствия этого ЧП. Ещё двое юнкеров, Евгений Немчинов и Георгий Маслов, тоже из-за Тухачевского, были вынуждены перейти в соседнее Алексеевское училище. Деспотизм рьяного фельдфебеля особенно проявлялся на младших юнкерах, где дело доходило до плохо завуалированных издевательств. Точно так же, позднее, в Гражданскую, из-за сущего пустяка Тухачевский довёл до самоубийства свою первую жену, Марию Игнатьеву, делавшую с молодым командармом боевые будни военного времени в персональном вагон-салоне, где, кроме прислуги, находились и другие родственники «генерала-вундеркинда». Как и Троцкий, он раскатывал по фронтам в своём специальном вагоне с максимумом тогдашних удобств и охраной. Кстати, в отличие от других, около его вагона трудно было пройти. Тебя сразу шпыняли: «Ты кто? Проходи, не останавливайся!»⁴³. Тухачевский вообще был склонен к вызывающей роскоши и пресыщенной жизни. Не зря В.М. Молотов называл его барином. Будучи отправлен после своих бредовых предложений по перевооружению РККА в Ленинградский ВО, как рассказывал служивший там в это время отец директора Пушкинского музея-заповедника в Святогорье С. Гейченко,

Тухачевский тут же занял один из царских дворцов под Ленинградом. По субботам, усевшись на царском троне и разложив перед собой пачки денег, он одаривал ими любимчиков и приближённых.

Окончив училище, Тухачевский уже видел себя в честолюбивых мечтаниях в составе высшего командования, по поводу чего заявил буквально следующее: «Если не стану генералом в тридцать лет — застрелюсь»⁴⁴. Поэтому карьеристские соображения во время службы всегда преобладали в Тухачевском над всем остальным. Ещё французский офицер Реми Рур, став его союзником по немецкому плену, характеризовал Тухачевского как человека, крайне честолюбивого, не останавливающегося ни перед чем ради роста по службе. Впоследствии Реми Рур издал книгу о Тухачевском под псевдонимом Пьер Фервак. Она увидела свет в 1928 году. Точно так же его характеризовали и офицеры рейхсвера, имевшие многочисленные контакты с Тухачевским. К тому же, по протекции Троцкого как раз он и курировал секретное советско-германское сотрудничество в военной области, установленное отдельными соглашениями после Рапальского договора, инициированного всё тем же вездесущим Троцким-Бронштейном. Наблюдательный полковник Мирчински, подчинённый старого волка германской разведки, генерала Карла Шпальке, так описывал Тухачевского на основе личных впечатлений. По его мнению, советский военный руководитель был чрезвычайно тщеславный и высокомерный позёр, человек, «на которого ни в коем случае нельзя было положиться»⁴⁵. «О способности Тухачевского менять убеждения в угоду целесообразности говорит отзыв о нём ответственного сотрудника штаба сухопутных войск рейхсвера полковника Х. Миттельбергера: «Он является коммунистом исключительно по соображениям карьеры. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь (в Германии — В.Ц.) отдают себе отчёт в том, что у него хватит мужества, способности и решимости пойти на риск разрыва с коммунизмом, если в ходе дальнейшего развития событий ему это покажется целесообразным»⁴⁶!

Интересно, что, несмотря на тягу к карьере, службой Тухачевский себя явно не утруждал. Его личный врач Л.И. Кагаловский свидетельствовал по этому поводу, что «на службе Михаил Николаевич не переутомлялся»⁴⁷! Одной из самых характерных и отрицательных черт натуры маршала было то, что «Тухачевский плохо ладил с людьми»⁴⁸! «Передвижение Тухачевского по фронтам отмечается радужным хвостом склок и жалоб»⁴⁹, — констатируют исследователи. «...На каком бы фронте, в каком бы учреждении ни появлялся Тухачевский, там немедленно возникали конфликты и склоки. С Восточного фронта на Южный он просился из-за конфликта с членом РВС армии С.П. Медведевым, с Южного снова на Восточный — из-за плохих отношений с комфронта В.М. Гиттисом. Но, едва появившись на Восточном фронте, он снова затевает конфликт. Командующий фронтом А.А. Самойло из-за неясности обстановки несколько раз переместил 5-ю армию и тут же получил от молодого командарма издевательскую просьбу «соблюдать статью 19-ю Полевого устава 1918 г., в которой говорится, что прежде чем отдать приказ, надо подумать»⁵⁰! «Не менее издевательским было отношение Тухачевского и к нижестоящим командирам. Там же, на Восточном фронте, он любил подначивать подчинённых — Кожевникова, Востречева, Чапаева и др. — дескать, хорошие вы ребята, а только не мешало бы вам подучиться. И эти советы исходили от человека, который сам, не имея высшего военного образования»⁵¹, и не думал позаботиться о нём в отличие, скажем, от С.М. Будённого, С.К. Тимошенко или К.Е. Ворошилова, которые сочли не зазорным для себя пойти учиться в более зрелом возрасте, чем молодой Тухачевский.

Не очень-то украсила биографию хвалёного маршала и Первая Мировая война. Попав на фронт в составе лейб-гвардии Семёновского полка, подпоручик Тухачевский, в отличие от своего ротного, капитана

Ф. Веселаги, ничем не отличился. Единственную (!!!) дореволюционную награду, орден Святого Владимира IV степени, он получил как младший офицер роты за её успешные действия под фольварком Викмундово. Зато потом, угодив с лёгким ранением в московский госпиталь, восторженно заливался, что его знает уже вся дивизия, только непонятно, за какие геройства и заслуги. После этого не удивительно, что, не провоевав и полгода, новоявленный Мюнхаузен из-под Пензы, в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года, в Ломжинских боях, без единой царапины и малейшего сопротивления оказался в плену у немцев, в то время, как его доблестный командир, капитан Ф. Веселага, отчаянно дрался до последнего и пал смертью храбрых, сражённый множеством огнестрельных и колотых ран: на теле героя их насчитали более 20! В плену Тухачевский провёл два с половиной года, т.е. в пять раз больше, чем на фронте. Режим там был щадящий: можно было устраивать пирушки и выходить в город. Бравого подпоручика быстро заприметила немецкая разведка, которая активно работала среди пленных. Тухачевский пользовался у неё особым вниманием, т.к. был, напомним, очень и очень перспективен. А отсюда мечты о будущей карьере не оставили нашего подпоручика, то бишь лейтенанта, и в неволе, где он прямо заявил французским офицерам, что станет генералом уже в 25 лет! Представьте себе такие мечты в условиях Бухенвальда, Дахау, Майданека, Освенцима или других «лагерей смерти» фашистской Германии! То-то и оно! Поэтому для героизации плена изобретательные биографы, «адвокаты» и прочие обожатели Тухачевского типа А.И. Тодорского разукрасили его целой серией захватывающих побегов с риском для жизни, которые, конечно же, и близко не походили, например, на настоящий побег из фашистского плена будущего руководителя Белоруссии П.М. Машерова, бежавшего с товарищами на ходу поезда, пропилив пол в вагоне! А, чтобы кто-то не подумал, что краткий рассказ о необременительном плене Тухачевского является выдумкой досужего публициста, разочарую сомневающихся почитателей казнённого маршала. О нём, этом плене, достаточно подробно рассказал всё тот же союзник советского военачальника, француз Реми Рур. В своей книге, которую мы уже упоминали, он привёл и любопытнейшее высказывание Тухачевского: «Я ненавижу социалистов, евреев и христиан»⁵². После этого вообще непонятно — любил ли хоть кого-нибудь, кроме себя, этот крайне самолюбивый и тщеславный человек?!

Кстати, в стенах IX форта Ингольштадта Тухачевский содержался с молодым французским капитаном Шарлем де Голлем. В отличие от целёхонького подпоручика, бесславный плен которого является его личным позором, будущий Президент Франции угодил в неволю в бессознательном состоянии. Пытаясь организовать круговую оборону от наседавших немцев, а потом прорваться из окружения, де Голль был тяжело ранен. Причём, атаковавшие их немцы переоделись во французскую форму, чтобы усыпить бдительность оборонявшихся, что, понятно, осложнило положение подразделения капитана де Голля. Автор книги о нём Н.Н. Молчанов тоже не преминул «украсить» свой труд трогательной дружбой Тухачевского с де Голлем, особенно выделив примечательного подпоручика: «Среди всех пленников выделялся красивый, энергичный, дерзкий 23-летний русский офицер Тухачевский, мечтавший только о побеге и возвращении на родину»⁵³. Каково?! А! Это ещё умильнее читать, зная, что за ворота крепости вело лишь честное слово и роспись на КПП, почему писатель Роман Гуль и сделал вывод, что Тухачевский поступился своим честным словом. Да чего оно могло стоить, когда уже были завязаны отношения с разведкой, к разочарованию которой в последующем «работал» он вяло. Впрочем, там, в отношении советского маршала уже действовали совсем другие соображения.

Покинув плен в относительно безопасное время, Тухачевский попутал по Европе на деньги русского посольства в Париже и, наконец, накануне революции появился в запасном батальоне своего полка. Время

было смутное. Следовало определяться. Тухачевский думал недолго. А о присяге не вспоминал вообще. Своему сослуживцу Голумбеку на вопрос о том, что он намерен делать, 24-летний подпоручик бодро ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У них нет вождя»⁵⁴. Намерение Тухачевского, а скорее это было тайное задание немецкой разведки, перейти к красным, потому что его будущий всесильный покровитель, наркомвоенмор Троцкий-Бронштейн, сам работал на несколько разведок, в том числе и на немецкую, было у подпоручика ещё задолго до возвращения в Россию, во вражеском плену и во Франции. Не случайно, когда, узнав о желании Тухачевского вернуться в Россию, французские офицеры стали отговаривать его от этого шага, опасаясь за жизнь своего союзника, тот только рассмеялся в ответ. Вдобавок здесь же и сказав, что будет генералом именно в 25 лет, как потом и случилось. Ясно, что для такой уверенности нужны были соответствующие гарантии, которые у будущего маршала, конечно же, имелись. Ещё откровеннее тогда же он был со своим сослуживцем по Семёновскому полку Н.Н. Ганецким, успешно устроившимся в Париже. Узнав о планах Тухачевского перейти к красным, Николай очень удивился, искренне заявив, как можно пойти на такое?! «Я ставлю на сволочь...», — коротко отрезал Тухачевский! Так что ставка «на сволочь», несомненно, заранее обговорённая до деталей, являлась единственным «зовом» души продажного подпоручика, который заранее знал, куда и зачем он шёл. Потому-то и можно было смеяться в лицо и смело называть свой будущий генеральский возраст.

Не останавливаясь на всех подробностях биографии Тухачевского, скажем только, что судьба благоволила к нему. Спустя короткое время, с помощью знакомого семьи Тухачевских Н.Н. Кулябко, будущий маршал оказался в числе сотрудников Военного отдела ВЦИК. Здесь всё тот же Н.Н. Кулябко предложил ему вступить в партию большевиков. «Именно так, — подчёркивает П.Ф. Билый, — не Тухачевский просил принять его в партию, а ему предложили сделать это. Это и открыло путь никому не известному подпоручику к головокружительной карьере, — полагает исследователь. — При содействии Кулябко он получает должность в военном отделе ВЦИК, которым заведовал Енукидзе, который, в свою очередь, представил Тухачевского Троцкому и даже Ленину»⁵⁵. «Как видим, попал Тухачевский в Кремль не благодаря личным заслугам и героизму «на полях сражений», а благодаря своей пронырливости и протекции Кулябко и Енукидзе»⁵⁶.

Здесь следует остановиться на личности одного из лидеров «правых» А.С. Енукидзе, так по-отечески обласкавшего молодого подпоручика и более того, вместе с Н.Н. Кулябко рекомендовавшего его в РКП(б). Вот как представляет Авеля Софроновича, прекрасно знавшая его современница: «Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил всё вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех... он использовал всё это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом: будучи эротически ненормален и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на всё более и более юных и, наконец, докатился до девочек в 9-11 лет, развращая их воображение, растлеывая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам... В учреждение набирался штат только по половым признакам... Контрреволюция, которая развивалась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков: стоило ему поставить интересную девочку или женщину и всё можно было около его носа разделять...»⁵⁷. Кстати, в числе многочисленных любовниц

высокопоставленного советского развратника была Голда Горбман, или Екатерина Давидовна, будущая жена К.Е. Ворошилова. Из-за неудачного аборта времён связи с Авелем Софроновичем она лишилась счастья материнства. Это печальное обстоятельство наложило свой негативный отпечаток на совместную жизнь супругов, было причиной их постоянных огорчений. Чтобы хоть как-то скрасить своё одинокое существование, они охотно взяли на воспитание осиротевшего сына М.В. Фрунзе Тимура и ещё одного 4-летнего мальчика Петю. Впоследствии первый стал лётчиком и героически погиб в Великой Отечественной войне, посмертно удостоившись высокого звания Героя Советского Союза. Прекрасно зная о прошлой любовной связи жены с Авелем Енукидзе, К.Е. Ворошилов питал к нему неискоренимую неприязнь. Видимо, из-за этой грязной сущности Авеля Енукидзе упорно пытаются выдавать за друга И.В. Сталина, чтобы мерзкими нечистотами растлителя малолетних испятнать и кристально чистую личность советского вождя. Но друзьями они не были и быть не могли. Поэтому Енукидзе, как и Бухарин, настаивал на устранении И.В. Сталина, распевая те же самые песни, что и любой деятель антисоветской троцкистской оппозиции. С арестом Енукидзе сразу же прекратило своё существование и «Общество старых большевиков». Оно было распущено И.В. Сталиным к большому неудовольствию «ленинской гвардии».

Благодаря удачной адаптации Тухачевского в Военном отделе ВЦИКа, прочная база для реализации многих мечтаний об армейской карьере была заложена, а учитывая, что партийных подпоручиков в молодой Советской Республике почти не было, он сразу же ухватил «быка за рога» и поехал на Восточный фронт. Тухачевский хотел, было, взяться там за формирование 1-й армии. Волшебный мандат ВЦИК доверял неоперённому подпоручику исполнение работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими. Но на новом месте организаторские таланты нашлись и без него: армия была уже сформирована. Тухачевскому осталось только возглавить её, что красный подпоручик и сделал 28 июня 1918 года. Армия, понятное дело, «немножко» отличается по количеству штыков и боевой техники от взвода Семёновского полка, которым бездарно командовал Тухачевский. И хотя ему не пришлось командовать ни ротой, ни батальоном, ни полком, ни тем более, дивизией или корпусом, необъятные горизонты новой должности несколько не смутили бойкого подпоручика. Да и стрелять теперь было без надобности. Ведь должность-то оказалась не какого-то там завалящего генералишки, а сразу «генерала армии» в современном представлении. Как раз тогда, как подсказывает Г.В. Смирнов, приняв чуть позже 5-ю армию, пользуясь случаем и громадными возможностями, свежее испечённый командарм и продиктовал себе послужной список с множеством царских наград, которые ему никто и не думал вручать и которые привели в телячий восторг генерала А.И. Тодорского, подтолкнув его к фантазиям на тему мнимой доблести своего кумира. А вскоре здесь же, на Восточном фронте, состоялась решающая судьбоносная встреча 25-летнего командарма с всеильным наркомвоенмором Республики и председателем её Реввоенсовета Л. Троцким, возможно, припомнившим подпоручика-коммуниста в связи с мимолетной встречей в Москве по инициативе Енукидзе. Безобразий тогда на Восточном фронте было предостаточно: сплошная неорганизованность, отсутствие дисциплины, а равно, и желания воевать за Советы. Фронт же ввиду колчаковской угрозы приобретал решающее значение. Вот и приехал туда главный военный начальник наводить «революционный порядок». Делал он это мастерски, с присущей ему твёрдостью, изобретательностью и разнообразием:

В 4-м Латышском полку Троцкий приказал расстрелять полковой комитет; в Петроградском — каждого десятого, куда попали командир полка и комиссар. В полках, сформированных из казанских татар,

убивали всех подряд без разбора, о чём незабвенная Лариса Рейснер вспоминала, что «простых красноармейцев стреляли, как собак»⁵⁸. А чего, собственно, их жалеть?! Ведь не зря же, в отличие от И.В. Сталина, говорившего, что армию надо лелеять, наркомвоенмор считал, что её невозможно создать без репрессий. Правда, его «репрессии» носили какой-то уж больно странный избирательный характер. При нём этнических братьев Троцкого спасали даже из петли, а с остальными попросту не считались. Но это мы ещё увидим. Там же, а это было в Свияжске, Троцкий, с прицелом на будущее, лично участвовал в формировании 5-й армии. В конце своих «боевых» будней на Восточном фронте нарком-палач, как повествует Роман Гуль, «обвинил в бездействии и бездарности едва ли не всех его командиров и комиссаров, поставив им в пример одно только «славное имя товарища Тухачевского»⁵⁹, который уже успел отличиться, первым бросившись выполнять леденящий душу приказ Троцкого о принудительной мобилизации царских офицеров. Он заканчивался в свойственном для наркомвоенмора угрожающем стиле: «...виновные в противодействии будут раздавлены. Настоящее предупреждение является первым и последним»⁶⁰. Надо заметить, что таких «виновных» русских офицеров за бурную деятельность наркомвоенмора-сатаниста оказалось слишком много. Невинные жертвы его произвола исчисляются сотнями тысяч. «Начало этому счёту положено в годы Гражданской войны, когда по указаниям Троцкого были уничтожены десятки тысяч «не приглянувшихся» ему командиров, в своём большинстве бывших офицеров, имевших смелость отстаивать собственную точку зрения либо уличать Троцкого или его ближайших сподвижников в некомпетентности.

Вместо уничтожаемых либо изгоняемых из Красной Армии бывших офицеров назначались евреи: командармами стали М.М. Лашевич, Г.Я. Сокольников, Н.С. Соркин, В.С. Лазаревич, И.Э. Якир. 21 еврей занял должности начальников штабов армий, что же касается евреев-начальников дивизий, а тем паче членов РВС и военкомов всех степеней — им попросту нет числа»⁶¹, — пишет руководитель пресс-группы Союза казаков России, писатель А.И. Серба. Страшные цифры расправ над русским офицерским корпусом кровавого наркома-палача Лейбы Троцкого-Бронштейна (по данным В.В. Карпова им уничтожено 2,5 млн человек! — В.Ц.) до сих пор с успехом скрывают за нескончаемым воем о «37-м годе» и раздутыми до предела данными справедливого возмездия. Однако и он сам, и его методы, похоже, очень импонировали Тухачевскому: «Летом 1918 года Михаил Николаевич выбрал Троцкого...»⁶², — заключает исследователь. Отныне высокое покровительство Лейбы Давидовича делало дальнейшую службу Тухачевского в РККА просто сказочной, а его самого, как мы уже заметили, высокомерным и до избалованности капризным. Всё это и обусловило постоянные конфликты «генерала-вундеркинда» с прямым или непосредственным начальством. Даже находясь на самом армейском верху в должности первого заместителя наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова, он, по обыкновению, терпеть не мог своего начальника и не очень-то скрывал это. Точно так же относилась к Клименту Ефремовичу и вся троцкистская свора. Главная причина этой ненависти хорошо видна в едком четырёхстишии острого на язык Карла Радека (Собельсона):

*Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина*⁶³.

Разумеется, что склочному и капризному командарму сходило с рук всё. Более того, возмущение его поведением упоминавшемуся выше командующему Восточным фронтом А.А. Самойло, обошлось немедленным

освобождением от должности. Всесильный наркомвоенмор зорко следил за Тухачевским, не упуская из вида своего любимчика. Он даже подбадривал его при случае: «Сил у нас достаточно для победы, — писал Троцкий Тухачевскому в неофициальном доверительном письме в августе 1918 года. — Нужна воля к победе. Соберите партийные элементы, разъясните им положение и ударьте на врага. Вы должны победить»⁶⁴. В итоге, восходящая военная звезда, затмившая вскоре всех и вся, была окружена таким вниманием, при котором любые её ошибки, промахи и провалы, как уже говорилось, не замечались и замалчивались. В то же время выискивался любой повод или предлог, чтобы наградить Тухачевского, повысить его в должности, «прокрутить» у руководства Республики или всячески славословить на всех углах. Так, например, Тухачевский получил Почетное Золотое оружие аж за три месяца до его официального учреждения в качестве высшей военной награды Советской Республики. В тот же год ему вручают ещё и орден Красного Знамени; в порядке исключения причисляют к лицам, имеющим высшее образование! А были ещё золотые часы № 8561 от Реввоенсовета. В наградной лихорадке дошло до конфуза. Так на польскую кампанию Тухачевскому загадя вручили ценный подарок — бинокль с выгравированной надписью: «Победителю под Варшавой». Вместо победы случилась катастрофа, но биноклик горе-комфронта этого не знал.

Вообще-то, говоря о Тухачевском, как о «выдающемся военачальнике», как нам его упорно навязывали и продолжают навязывать, необходимо, прежде всего, внимательно разобрать боевые дела Михаила Николаевича, за что только и ценят любого настоящего полководца. И вот тут-то обнаруживается самое интересное: у этого разрекламированного «полководца», оказывается, нет абсолютно никаких заслуг и самостоятельных побед на главном жизненном поприще, а отсюда, грамотных, тщательно спланированных и эффектно исполненных боевых операций, обогативших сокровищницу мирового или хотя бы советского военного искусства. Несмотря на то, что Тухачевский, как правило, всегда имел значительный перевес над противником в живой силе и технике, ему всё время, как плохому танцору, что-то мешало. Поэтому героико-мажорные биографии Тухачевского представляют собой сплошной блеф и написаны лишь для того, чтобы втереть нам очки, старательно скрыть от нас правду о военной бездарности и гнусном изменнике, имя которого навсегда останется символом позора, одной из самых отвратительных страниц в истории отечественных вооруженных сил. Например, в Варшавской катастрофе лета 1920 года у Тухачевского было в руках всё. То есть, его Западный фронт располагал для победы всем необходимым и должен был успешно завершить операцию на Висле. Силы и средства для этого были более чем достаточны, почему не желая делиться будущей славой, командующий Западным фронтом самонадеянно отказался от совместных действий по взятию Варшавы с Юго-Западным фронтом А.И. Егорова. Причем последний, располагая куда более скромными силами и средствами, успешно развивал своё наступление на Львовском направлении.

Обстоятельства трагедии под Варшавой были настолько вопиющи, что этот позорнейший факт военной биографии Тухачевского не смог скрыть даже его очень находчивый обожатель Г.С. Иссерсон, в прошлом командир 4-й стрелковой дивизии, а позднее начальник оперативного факультета Академии имени М.В. Фрунзе, профессор, автор ряда научных трудов, таких как «Эволюция оперативного искусства», «Основы глубокой операции» и других. Георгий Самойлович, всячески оправдывавший и выгораживавший своего кумира в духе всех подснежников хрущёвской «оттепели», на этот раз был вынужден признать: «В то время, когда на Висле разыгрывалась тяжёлая драма и когда обессиленные войска Западного фронта без патронов и снарядов, без снабжения и без управления сверху дрались за своё существование, прижатые к восточ-

но-прусской границе, Тухачевский со своим штабом находился далеко в тылу. Всё его управление ходом операции держалось на телеграфных проводах, и когда проводная связь была прервана, командующий оказался без войск, так как не мог больше передать им ни одного приказа. А войска фронта остались без командующего и без управления. Весь финал операции разыгрался поэтому без его участия»⁶⁵. Уточним, что во время ужасной трагедии Западного фронта его «доблестный» командующий Тухачевский находился в Минске, в личном вагон-салоне, окружённый как всегда прислугой, родственниками и охраной. Их разделяли сотни километров. И что бы вы думали?! Вину Тухачевского словно бы не заметили, обвинив в случившемся... И.В. Сталина, С.М. Буденного и кого угодно, только не прямого виновника трагедии — командующего Западным фронтом! И на этой бессовестной лжи потом многие годы настаивали с пеной у рта!

Точно так же, командуя Южным фронтом, он поставил цель «отрезать деникинской армии пути отхода на Новороссийск, окружить её и уничтожить»⁶⁶. С этой задачей, как всегда, не справился и по своему обыкновению обвинил С.М. Будённого с его Конармией, которые непосредственного отношения к задуманной операции Тухачевского не имели. Ещё раньше, когда изменил командующий Восточным фронтом М.А. Муравьёв и туда пришлось срочно командировать И.И. Вацетиса, Тухачевскому впервые, правда временно, до приезда нового комфронта, доверили целый фронт. Исполнение обязанностей командующего Восточным фронтом длилось всего десять дней. Но Тухачевский и за это короткое время умудрился провалить всё и вся. «В результате этого десятидневного командования, — пишет исследователь, — красные потеряли Симбирск и положение на Восточном фронте стало резко ухудшаться»⁶⁷. На самом же деле, тогда потеряли не только Симбирск: «За десять дней, пока к месту назначения ехал новый комфронт И.И. Вацетис, белые захватили Сызрань, Бугульму, Мелекесс, Сенгилей... Первая армия, во главе которой Михаил Николаевич собирался стянуть лавры на полях сражений, отступала весьма «непланово»⁶⁸. Это слишком деликатное выражение многое скрывает. В действительности армия Тухачевского предалась панике и бежала как ошалелая: «Бросали орудия, броневой поезд, войсковое имущество, — писал позднее Вацетис, — несмотря на то, что никакой особенной опасности не было...»⁶⁹. «Попытки комфронта разыскать Тухачевского оказались безрезультатными, и он в крайнем раздражении потребовал, чтобы Михаил Николаевич побольше находился в штабе армии, «а не болтался по тылам»⁷⁰. «Мне совестно оправдываться, — смиренно лепетал в ответ Тухачевский, — но я никак не ожидал, чтобы моя работа была оценена как бездеятельность»⁷¹.

Его заячья трусость проявлялась повсеместно и была врождённой чертой этого советского псевдополковника. «В начале августа под напором Вацетиса Тухачевский попытался отбить у белых Симбирск с помощью новоизобретённого им «концентрического наступления». И поначалу всё развивалось как нельзя лучше: к 14 августа ударная группа Первой армии на правом фланге перехватила Волгу, а на левом позиции белых начала охватывать Курская бригада. «И вдруг неожиданно всё рухнуло, — пишет биограф Тухачевского В.Иванов. — Противник контратакой офицерского батальона прорвал фронт Курской бригады, разбил её и стал развивать прорыв...»⁷² «Это «вдруг», увы, стало неизменным спутником большинства операций Тухачевского, — замечает исследователь, — и неизвестно, как такие «вдруг» повлияли бы на его полководческую репутацию и карьеру, не получи он явных свидетельств благорасположения и поддержки Троцкого в конце августа 1918 года. И как всё изменилось в службе Михаила Николаевича после того, как Лев Давидович поставил его в пример командирам и комиссарам Восточного фронта»⁷³. Однако высокое покровительство наркомвоенмора Троцкого было не в силах превратить Тухачевского в действительно яркий военный талант полковника.

Правда, истинную цену своему «любимчику» Троцкий знал прекрасно, признавая, что «в его стратегии был явственным элемент авантюризма»⁷⁴. Троцкому же принадлежат слова: «Необеспеченное наступление представляет вообще слабую сторону товарища Тухачевского»⁷⁵. Отсюда только и оставалось, что прославлять своего протеже искусственно.

7-8 сентября вчерашний подпоручик снова начал готовить Симбирскую операцию. Против его армии стояла 1-я белогвардейская дивизия, к тому же ослабленная выделением части своих сил под Казань. Получив двойное (!) превосходство над противником в полосе главного удара, 12 сентября Тухачевский, наконец-то взял Симбирск и стал развешивать наступление на восток, форсировав Волгу. И вдруг опять произошло неожиданное... «18 сентября трёхтысячный отряд полковника В.О. Каппеля нанёс удар и, отбросив бригаду (Симбирской дивизии — В.Ц.) назад за Волгу, начал штурмовать Симбирск!» Тухачевский запритчал о помощи. Комфронта С.С. Каменев срочно бросил в помощь подпоручику-горемыке части 5-й армии, действовавшей против Казани. Они-то во главе с П.А. Славеном и «спасли Тухачевского от серьёзных осложнений»⁷⁶. Быстро оправившись от испуга, он тут же дал подобострастно-бравурную телеграмму В.И. Ленину: «Дорогой Владимир Ильич. Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара»⁷⁷. Предприимчивый в подхалимаже подпоручик имел в виду покушение на жизнь «вождя мирового пролетариата» Фанни Каплан (Ройд), совершённое ею в заводе Михельсона в конце августа 1918 года и расстрелянной тогда же по приказу Я.Свердлова в кремлёвском гараже комендантом Кремля П.Д. Мальковым.

«В конце 1918 года у овечьего слабой «освободителя родины Ленина» Тухачевского по его же вине возник»⁷⁸, упоминавшийся выше, конфликт с членом РВС 1-й армии С.П. Медведевым. Пришлось ехать на Южный фронт командовать 8-й армией. Но не прошло и двух месяцев, как Тухачевский «из-за плохих отношений» с командующим Южным фронтом Гиттисом снова просит освободить его от обязанностей командарма⁷⁹. Вмешательством наркомвоенмора Тухачевского возвращают на Восточный фронт, где вручают ему 5-ю армию, к созданию которой приложил руку сам Троцкий в Свияжске после памятного наведения «революционного порядка» на Восточном фронте. И не по инициативе ли «Иудушки Троцкого» там вскоре появился памятник предателю Христа, Иуде Искариоту?! Именно командование 5-й армии принесло Тухачевскому славу покорителя Сибири и победителя Колчака. Этому способствовали Бугурусланская, Златоустовская, Челябинская, Петропавловская и другие операции, в которых участвовала армия. Но основательный разбор каждой из них в который раз убеждает в абсолютной бездарности Тухачевского, как полководца, да ещё со своим «почерком», на котором так настаивает неутомимый обожатель казнённого маршала, генерал А.И. Тодорский. «Чем же характеризовался этот самый «почерк?», — задаётся естественным вопросом непредвзятый исследователь и отвечает: «Прежде всего, обилием пресловутых «вдруг». Так во время Бугурусланской операции усиленной 5-й армии было приказано окружить и уничтожить два корпуса белых. Войска Тухачевского пошли в наступление и вдруг... были остановлены контратакой белых на реке Сок»⁸⁰. Пришлось, опять же, из-за Тухачевского снимать дивизии с других участков фронта. Белые отступили, а вышестоящий приказ так и остался невыполненным.

Аналогичная задача Тухачевскому была поставлена и в районе Златоуста. Однако окружить и уничтожить противника, который организовано отступил к Челябинску, вновь не удалось. Позднее 5-я армия Тухачевского, форсировав Тобол, завязала бои на дальних подступах к Петропавловску. «Но вдруг... белые нанесли контрудар по всему фронту и войска Тухачевского оказались прижатыми к Тоболу. Спеша спасти Тухачевского, командующий фронтом В.А. Ольдерогге изменил задачу соседней 3-й армии и приказал ей атаковать левый фланг белых»⁸¹.

«Говоря об этом панегирическом бегстве за Тобол, даже Тодорский в своей в целом панегирической биографии Тухачевского признавал, что эта неудача была вызвана просчётами самого Михаила Николаевича, который, имея минимальный опыт вождения войск, усвоил манеру действовать наскоком»⁸².

«Не исключено, что весной 1919 года Троцкий далеко не случайно назначил своего фаворита Тухачевского командующим именно 5-й армией. Ведь к ней Лев Давидович тоже питал слабость: он был причастен к её рождению в Свияжске в августе 1918 года, когда карательствовал там с Ф. Раскольниковым, И. Вацетисом, К. Данишевским, С. Гусевым (Драбкиным), К. Мехоношиным и другими»⁸³. К последним относился Иван Никитич Смирнов, старый большевик, член первого состава Реввоенсовета Республики, много работавший в Сибири и даже прозванный за свою популярность там «Сибирским Лениным». Вместе с убийцей Царской Семьи Ф.И. Голощёкиным он поддерживал связь с глубоко законспирированным Сибирским бюро ЦК РКП(б), созданным специально для руководства подпольем в тылу Колчака. С весны 1919 года, обильно финансируемое из центра, подполье с его разветвлённой агентурой готовило восстания в прифронтовых городах при подходе к ним Красной Армии; организовывало и возглавляло партизанское движение в тылу противника, засылало через линию фронта отряды и группы особого назначения для диверсий, захвата мостов, тоннелей и других важных стратегических объектов. Так что Тухачевский зачастую шёл, так сказать, на готовенькое: «многие крупные города — Самара, Кузнецк, Томск, Челябинск и другие были освобождены от белых партизанами или восставшими рабочими до подхода красных частей»⁸⁴. Всё это было результатом деятельности члена РВС И.Н. Смирнова. «Хотя он не был командующим армией, — не без оснований пишут об Иване Никитиче его биографы А. Литвин и С. Спирин, — но, именно его в те двадцатые называли победителем Колчака»⁸⁵. Но усилиями Троцкого «на Смирнова пал лишь отблеск той славы, которую с середины 1919 года стали усиленно создавать Тухачевскому и 5-й армии высшие военные руководители Республики»⁸⁶. 5-я армия тогда получила поздравление от Ленина и была признана лучшей в Республике Советов. В адрес командарма «в приказе РВСР расточаются неумеренные похвалы... за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела»⁸⁷!!! Вот как гениально просто ковался насквозь лживый образ победителя всего и вся Тухачевского!

На волне этой дутой славы его отзывают в Москву, где предлагают подготовить доклад для Ленина о недостатках высшего командного состава РККА. «Вождь мирового пролетариата» лично принимает Тухачевского, одобряет его работу и поручает писать доклад о подготовке красных командиров на имя заместителя председателя РВСР Эфраима Склянского. В дурмане непомерного славословия в свой адрес Тухачевский выступает в Академии Генштаба РККА с лекцией «Стратегия национальная и классовая». Как видим, мнимый ореол полководческой славы работал безотказно и необходимая «обкатка» новоявленного военного гения шла полным ходом и очень умело. «Похоже, — полагает исследователь, — что 5-я армия Восточного фронта должна была стать как бы вооружённой силой Троцкого, но это значение она сохраняла недолго. Осенью 1919 года Троцкий, по достоинству оценивший возможности Первой конной армии, на вождей которой Будённого и Ворошилова решил опереться Сталин в грядущей политической борьбе, решил организовать подобное соединение и для себя. Его выбор пал на Первую конную бригаду червоного казачества, командующим и одновременно военкомом которой был лично преданный Троцкому В.Примаков. В ноябре 1919 года одновременно с приказом РВСР об учреждении Первой конной Троцкий преобразует примаковскую бригаду сначала в кавдивизию, а потом в октябре 1920 — в Первый конный корпус червоного казачества. Таким

образом, Примаков — это как бы Будённый Троцкого, а Тухачевский — его Ворошилов»⁸⁸.

После идеальной московской «обкатки» Тухачевского было назначили на 13-ю армию, но тут же переиграли, сделав его командующим Кавказским фронтом. ореол незаслуженной славы вчерашнего подпоручика ввёл в заблуждение даже осторожного И.В. Сталина и 3 февраля 1920 года он телеграфировал своим сподвижникам — Будённому и Ворошилову: «Я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака...»⁸⁹

По малости своего звания Тухачевский маниакально ненавидел офицеров царской армии, особенно высшего командного состава, всё время сился доказать их профессиональную непригодность. По этой причине он был инициатором целого ряда гонений и репрессий против военспецов дореволюционной выучки, основанной на глубоком знании военного дела. Сам же Тухачевский вопреки утверждениям обожателей, как мы убедились, был никудышным военачальником, совершенно не способным к проведению грамотных в военном отношении операций, учитывающих соотношение сил и средств противных сторон, обстановку на местности и многое другое, что крайне необходимо настоящему полководцу. Характерным «почерком» горе-командарма был излюбленный «наскок», авральная атака в лоб всеми имеющимися силами, пренебрежение разведкой и резервами, забвение тылов. Глядя на его руководство войсками, можно подумать, что Тухачевский никогда не слышал о стратегии и тактике, понятия не имел о маневрировании вверенными силами и средствами. Как раз это и привело к провалу в Варшавской операции, где поначалу всё шло вроде бы успешно. Да так, что комфронта уже предвкушал лёгкую победу: «По плану, Варшаву следовало взять совместными усилиями Западного и Юго-Западного фронтов. Но убеждённый Тухачевским, главком С.С. Каменев разрешил взять Варшаву силами одного Западного фронта. Юго-Западный фронт начал наступление на Львов, удаляясь от варшавского направления. Михаил Николаевич не хотел делиться славой»⁹⁰, — заключают по этому поводу А. Колпакиди и Е. Прудникова, полностью подтверждая сказанное ранее. Как всегда Тухачевский попал в очередной свой просак и заверещал о помощи, которую ему поспешил оказать, конечно же, сам наркомвоенмор Троцкий. Он немедленно издал приказ для Юго-Западного фронта, но очень странный своей двусмысленностью. В двух словах Юго-Западному фронту А.И. Егорова приказывалось вырывать Тухачевского и в то же время продолжать начатое наступление в другом направлении. А разрыв между ними уже достиг 300-400 км! Поэтому предотвратить катастрофу Западного фронта было невозможно. Но поскольку она разразилась по вине Тухачевского, всё троцкистское отребье намертво замалчивало его вину, перекадывая её на И.В. Сталина, бывшего всего лишь одним из членов Военного Совета Юго-Западного фронта, и извращало события трагического лета 1920 года. Следуя этому, энциклопедия Гражданской войны отделилась скупыми фразами о крахе под Варшавой, «скромно» умолчав имя командующего Западным фронтом, намеренно не желая высвечивать имя Тухачевского в негативном плане на фоне утвердившегося славословия: «Командующий Западным фронтом неверно определил район сосредоточения основных сил противника, и оперативное построение войск Западного фронта оказалось неправильным, левое крыло фронта было слабым, резервы отсутствовали»⁹¹. Несмотря на лукавое замалчивание страшной трагедии, отзвуки её всё же прорывались. Да и не могли не прорываться, т.к. к катастрофе на Висле прямо или косвенно возвращали труды А.И. Егорова — «Львов-Варшава», Б.М. Шапошникова — «На Висле», В.А. Меликова — «Марна — 1914 года, Висла — 1920 года, Смирна — 1922 года», Г.Д. Гая — «На Варшаву», а также отдельные публикации в периодике. По признанию современников, от дебатов по этому вопросу было не уйти.

В итоге, в 1929 году он был вынесен на открытое заседание военно-научного общества Академии имени М.В. Фрунзе, куда пригласили и Тухачевского. Академические круги придерживались взгляда остановки на Буге. Наиболее твёрдым проводником его был выпускник Академии, один из первых её адъютантов, а в последующем, уважаемый профессор В.А. Меликов. Он-то и стал самым непримиримым оппонентом хвалёного маршала, нисколько не смущаясь его славой и высоким положением в армии. Но обсуждение ситуации на Висле лета 1920 года на этот раз прошло сравнительно спокойно, если не считать резкую реплику с места в адрес Тухачевского В.А. Меликова. Однако совершенно неожиданный оборот она обрела в начале следующего, 1930 года, при обсуждении новой книги В.К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». Автор теоретического труда являлся выпускником Академии 1923 года, когда она ещё носила своё первое название, занимал высокое положение в армии, будучи начальником Оперативного управления Штаба РККА и одновременно замом Тухачевского по должности, когда тот являлся его главой. Кроме того, В.К. Триандафиллов, так же по должности, как практик, курировал кафедру оперативного искусства Академии.

Обсуждение труда, а тогда подобные события были редки, состоялось в ЦДСА под председательством Я.Б. Гамарника с участием А.И. Егорова, И.П. Уборевича, Р.П. Эйдемана, С.М. Будённого и М.Н. Тухачевского, сидевших в президиуме. Это событие привлекло всеобщее внимание и собрало полную аудиторию, в которой были работники Штаба РККА, профессорско-преподавательский состав высших военных учебных заведений, командиры Красной Армии и, конечно же, слушатели учебных заведений. С докладом по книге В.К. Триандафиллова выступил начальник кафедры оперативного искусства Академии имени М.В. Фрунзе Н.Е. Варфоломеев, дав высокую оценку труду начальника Оперативного управления Штаба РККА. Выступивший следом за ним С.М. Будённый, напротив, подверг книгу В.К. Триандафиллова уничтожающей критике, назвав её вредной. За Семёном Михайловичем вышел Тухачевский. Он, естественно, взял под защиту автора труда, своего зама по Штабу РККА и руководителя его ведущего управления. В своём выступлении Тухачевский кроме того заметил, «что конница, не оправдавшая себя уже в Первую Мировую войну, не сможет в будущей войне играть какую-либо важную роль»⁹². Эти слова вызвали бурю негодования со стороны С.М. Будённого, который прямо из президиума бросил реплику выступавшему, что «Тухачевский гробит всю Красную Армию»⁹³. Михаил Николаевич, обернувшись к прославленному командарму Первой Конной, с вежливой улыбочкой съязвил: «Ведь вам, Семён Михайлович, и не всё объяснить можно!»⁹⁴ Издевательско-ехидный ответ Тухачевского вызвал оживление и смех в зале. Но если поглубже вникнуть в этот далеко не случайный спор, так жарко полыхнувший в ходе обсуждения книги В.К. Триандафиллова, то легендарного командарма Конармии можно понять. Его переживания за любимую конницу были искренними и вполне оправданными, т.к. тогда же, например, в стенах Академии имени М.В. Фрунзе вышел в свет капитальный двухтомный труд В.Н. Готовского «Конница» и интересные работы его коллеги М.С. Свечникова, «Тактика конницы» и «Рейды конницы в обороне железных дорог». Да и последовавшая вскоре война с фашистской Германией наглядно показала немаловажное значение конных войсковых формирований Красной Армии. Достаточно сказать, что в тяжелейшие годы на фронтах действовало «17 казачьих кавалерийских корпусов, многие из которых были удостоены звания гвардейских»⁹⁵. А имена славных кавалеристов П.А. Белова, Л.М. Доватора, И.А. Плиева, Н.Я. Кириченко, Н.С. Осликовского, М.Д. Борисова, Т.Т. Шапкина, А.Г. Селиванова и других стали широко известны в войсках и навечно вошли в героическую летопись советской армии. Не остались тогда без дела и заслуженные ветераны — С.М. Будённый и О.И. Городовиков.

Но вернёмся в зал ЦДСА. Как оказалось, эта перепалка была лишь прелюдией. Гром грянул в следующем после Тухачевского выступлении. Присутствовавший на обсуждении труда В.К. Триандафиллова, уже известный нам «адвокат» Тухачевского Г.С. Иссерсон, обозначил выступавшего лишь буквой «Т», не назвав из «скромности» ни его имени, ни должности, ни звания. Но, судя по тону выступления, это мог быть только крупный командир, уже хорошо известный и авторитетный в РККА. Скорее всего, им был С.К. Тимошенко, который в этом же, 1930 году, как раз заканчивал курсы командиров-единоначальников при Военно-политической Академии РККА. Притом в Варшавскую трагедию лета 1920 года Семён Константинович непосредственно командовал 6-й кавдивизией в составе Первой Конной армии С.М. Будённого и был не только свидетелем, но и участником тех драматических событий. Как бы там ни было, остаётся фактом, что «Т» резко обрушился на Тухачевского за защиту своего подчинённого, во всеуслышание заявив, что В.К. Триандафиллов пропагандирует «идеи технически вооруженных западно-европейских армий, не учитывая нашей отсталости в этой области. «Когда ещё у нас будет такая техника!»⁹⁶, — справедливо возглашал он, настаивая на том, что конница ещё сохраняет своё значение, что показала Гражданская война и Польская кампания 1920 года, когда она дошла до Львова и успешно бы завершила намеченную операцию, если бы не была отозвана Тухачевским. «И тут, обернувшись к Тухачевскому, который тоже сидел в президиуме, и, подняв сжатые кулаки, выступавший «высоким голосом выпалил: «Вас за 1920-й год вешать надо!»⁹⁷. В зале мгновенно установилась мёртвая тишина. Тухачевский побледнел. Будённый хмылялся. Гамарник, нервно пощипывавший бороду, вдруг как-то неловко засуетился и незаметно исчез из президиума.

Если же разбираться по совести в печальных военно-политических итогах Варшавской трагедии, то, действительно, с Тухачевским нужно было поступить именно так — повесить! В результате неё по Рижскому договору 1921 года, пожалуй, несколько не лучше «похабного» Брестского мира, к панской Польше отошли Западные Украина и Белоруссия или территория с половину современной Польши и населением около 15 миллионов человек! Вся эта человеческая лавина из-за преступной халатности Тухачевского нежданно-негаданно для себя в одночасье оказалась в кабальной зависимости у злейшего врага России, чего не было с времён Государыни Императрицы Екатерины II. Более того, из-за хвалёного негодяя, обнаглевшего под крылом всеильного покровителя, молодая Советская Республика и Украина должны были ещё вернуть Польше военные трофеи А.В. Суворова 1772-го года и выплатить в пределах года 30 миллионов золотых рублей?! И это не считая изломанных и погубленных судеб красноармейцев и командиров, которых было сотни тысяч, потому что Тухачевский пополнил войска фронта принудительной мобилизацией в Белоруссии. В ходе её он впервые заявил себя как кровавый каратель. И всю эту человеческую армаду «доблестный» комфронта Тухачевский погнал на Варшаву без патронов и снарядов, без продовольствия и резервов?! В общем, отправил на гибель, отсиживаясь в комфортных условиях Минска?! 90 тысяч несчастных бойцов и командиров Западного фронта, после этой страшной трагедии, так и не вернулись из польского плена, где отношение к ним было самое варварское. Во всей этой трагедии сравнительно повезло 3-ему кавкорпусу знаменитого Г.Д. Гая, который тогда прорвался на территорию Пруссии, где был интернирован.

Кстати, скандалом в ЦДСА в начале 1930 года дело не закончилось. Спустя два года Тухачевский обратился с докладной запиской к И.В. Сталину, где жаловался, что в Академии неправильно подходят к рассмотрению событий у Варшавы лета 1920 года. Узнав об этом, В.А. Меликов вышел с встречной запиской на имя вождя, где указал, что трактовка Тухачевского неверна и затрагивает престиж Юго-Западного

фронта. Была назначена научная дискуссия. Она состоялась в том же 1932 году, где с учётом высокого положения Тухачевского в армии, не желая беречь старые раны, ответственность за поражение под Варшавой разделили на всех. В то же время, несмотря на громадный масштаб и военно-политические последствия для Советской России, трагедия под Варшавой прошла как бы незамеченной, если не считать необходимости проведения упомянутых переговоров в Риге 1921 года и вытекающих из них кабальных обязательств для Советской Республики. Но с Тухачевского опять, как с гуся вода. К нему никто и не собирался применять мер за провал операции под Варшавой, словно ничего не произошло. «Как это ни удивительно, — отмечает исследователь, — сокрушительное поражение, похоже, не произошло на Тухачевского сколько-нибудь серьёзного впечатления...»⁹⁸. Его «не только не наказали, но дали новое назначение»⁹⁹. 5 марта 1921 года Тухачевский получил в своё распоряжение 7-ю армию и двинулся усмирять мятежный Кронштадт. Но это, повторим, был уже не дебют: начало своей позорной карьеры кровавого карателя он положил ещё в Западной Белоруссии, бесславно командуя из Минска Западным фронтом молодой Советской Республики. Сейчас же псевдополководец уже по-настоящему вживался в новую для себя и полюбившуюся роль палача-карателя, на какую только и оказался годен, как, впрочем, и его высокий и всеильный покровитель Лейба Троцкий. К тому же у Кронштадта в марте 1921 года они снова оказались вместе и действовали рука об руку, как и летом 1918 года в Свияжске, что не преминул отметить исследователь. По существу, Кронштадтский мятеж — это ещё один мираж советской историографии, досадное недоразумение, возникшее по вине председателя ВЦИК М.И. Калинина. Прибыв в морскую крепость России, он от волнения и испуга не разобрался в претензиях моряков. А это были простые крестьянские парни, крайне встревоженные бесчинством продотрядов, обрекавших их близких в деревнях и сёлах на голодную смерть. Вместо того, чтобы спокойно выслушать моряков, понять, что их беспокоит, председатель ВЦИК начал сыпать привычными лозунгами, которые у него хорошо получались с подножки агитпоезда. Здесь же требовалось совсем другое. Поэтому моряки резко обрывали М.И. Калинина, требуя ответов по существу происходящего в русской деревне, а не революционной агитации. Неправильная информация председателя ВЦИК была раздута. Её преувеличили и извратили, превратив естественное волнение моряков в коварный белогвардейский заговор против Советов. Поэтому с их делегациями разговаривать не стали, а попросту расстреляли одну за другой. Сам же Кронштадт решили раздавить вооружённым путем.

Прозрение пришло, почему Ленин и сказал «несчастные кронштадтцы», но было поздно. На крепость уже двигались значительные силы Красной Армии, поднятые скоропалительными и непродуманными решениями в бредовой горячке. Руководству Советской Республики тогда всё время мерещились заговоры и сопротивления, которые пугались в их сознании без понимания, — где они мнимые, а где реальные. Это привносило нервозность, лишь усугубляя ситуацию. Моряки Кронштадта оказались значительно умнее большевистских деятелей. Не желая проливать братскую кровь таких же невольников обстоятельств, они по предварительной договорённости с правительством Финляндии ушли на территорию соседней страны. Всего туда ушло порядка 35 тысяч моряков. В крепости остались лишь отряды прикрытия из добровольцев, в задачу которых входило обеспечить отход товарищей. С ними-то и вступили в боевое соприкосновение регулярные части Красной Армии под командованием самого наркомвоенмора Троцкого и его протеже Тухачевского. Последний, никогда не утруждавший себя глубоким изучением обстановки и попытками мирного решения вопросов, остался верен себе и у Кронштадта. Он «приказал палить из всех орудий не только по крепости, но и по городу: «Стрелять буду по городу день и ночь», не счи-

таясь с потерями среди мирного населения!»¹⁰⁰. Такова была стратегия и тактика «сиятельного» полководца. Ворвавшись в Кронштадт, руководители штурма быстро разобрались в обстановке и буквально расстреляли. «По распоряжению Троцкого была учинена форменная резня, — пишет писатель В.Успенский. — Кровь текла по улицам Кронштадта, смешиваясь с весенними ручьями... Это была дикая вакханалия, которой нет никаких оправданий. Не с лучшей стороны проявил себя и Тухачевский. Когда ему впоследствии напоминали о кронштадтской резне, отделялся короткой фразой: «Я выполнял приказ»¹⁰¹.

Однако кровожадная жестокость палача-наркомвоенмора Троцкого была не так слепа, как это может показаться. Она была постоянной и отличалась строгой избирательностью. Ещё раз подчеркнём, что Троцкий с нескрываемым презрением и ненавистью относился, прежде всего, к гойской, т.е. нееврейской крови и жизни. Они не имели для этого кровавого палача-садиста никакой ценности и значения. Почему и губили по его приказам тысячами, что происходило повсюду. Даже в качестве особого вида поощрения учредили специальную награду — красные штаны. Они полагались за убийство 25 русских офицеров. Именно поэтому огромные потери Западного фронта Тухачевского под Варшавой не играли для «демона революции» никакой роли. Причём, нередко его врождённая злоба перерастала в маниакальную мстительность. Так, за отказ получить награду из рук наркомвоенмора Троцкого легендарный создатель Конармии Б.М. Думенко был обвинён в антисемитизме и вскоре расстрелян по подложному обвинению в убийстве военкома В.Н. Микеладзе и подготовке мятежа. За отказ уничтожить Балтийский флот поплатился жизнью его спаситель из ледового плена капитан I ранга А.М. Щастный. Преследуя «каперанга», жестокий маньяк с помощью Н.В. Крыленко добился его расстрела вопреки действовавшему тогда декрету Советской власти об отмене смертной казни!!! Эти мстительные расправы палача Троцкого были в одном ряду с гибелью в тюремной камере без суда и следствия командующего 11-й армией И.Л. Сорокина и во дворе Бутырок выдающегося командарма Второй Конармии Ф.К. Миронова. Так целенаправленно уничтожались русские самородки и настоящие, а не липовые герои. Зато на фоне этого, когда краса и гордость Троцкого 11-я «железная» дивизия, посланная им на помощь Царицыну, после отъезда оттуда И.В. Сталина, вместо включения в бои, ни минуты не мешкая и не задерживаясь у красных, перешла к белым в полном составе, да ещё в парадном строю, с развёрнутыми знамёнами и под музыку, с головы наркомвоенмора, естественно, не упал ни один волос и всего этого откровенного демарша знаменитой дивизии как бы не заметили.

Ещё интереснее своей вызывающей наглостью произошло с эсером-чекистом Яковом Блюмкиным. Тем самым, что 6 июля 1918 года дерзко, с провокационной целью, прямо в здании посольства убил немецкого посла, графа Вильгельма Мирбаха. Провокатор-убийца был приговорён к расстрелу. Но вместо немедленного исполнения единственно возможного приговора, по настойчивым просьбам Троцкого, смертную казнь Я. Блюмкину заменили направлением на фронт для искупления вины кровью. Вместо этого гнусный убийца стал начальником личной охраны Троцкого, где провёл в полной безопасности всю Гражданскую войну. Кара настигла подлеца лишь в 1929 году, когда вернувшийся в ОГПУ Я. Блюмкин, по пути с какого-то закордонного задания заехал на Принцевы острова к своему спасителю и благодетелю Троцкому, взял там кучу посланий сообщникам Иуды в СССР, где был с ними задержан. Как говорится, сколько верёвочке не виться... Столкнувшись как-то с другим своим соплеменником, уже не раз здесь упоминавшимся Митькой Шмидтом-Гутманом, грозный наркомвоенмор по всем правилам театрального действия разыграл крайнее негодование, рассылал угрозы вплоть до расстрела, а закончилось всё... наградой «лихому» ком-

диву. Видимо, за хорошо сыгранный спектакль с яркими мизансценами в полевых условиях. Такая вот была у господина Бронштейна-Троцкого всегдашняя и очень заметная дифференциация в общении с людьми: своих — спасать любой ценой, чужих — стирать с лица земли!

Наконец, спустя 40 дней после злодеяний в Кронштадте, военная деятельность Тухачевского, ставшего карателем № 1 Советской Республики, увенчалась его главным палаческим «подвигом». Это была расправа с доведёнными до отчаянного выступления крестьянами Тамбовской губернии. Ограбленные новой властью, поставленные ею на грань выживания, они восстали под предводительством народного вожака А.С. Антонова. Назначение Тухачевского на усмирение мощного крестьянского выступления было, конечно же, далеко не случайным, потому что не каждый бы согласился на столь позорное дело войны с собственным народом. Его же совершенно бесовской натуре это подходило как нельзя лучше, т.к. гласа Божиего в себе Тухачевский никогда не ощущал. 27 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б), принимая решение по Тамбовскому восстанию крестьян, определило ему на это «боевое» дело месячный срок. В пределах его Тухачевский должен был расправиться с восставшими и как некогда Троцкий на Восточном фронте, навести в русской губернии необходимый «революционный порядок». С готовеньким планом его наведения главный каратель РККА прибыл в Тамбов 12 мая 1921 года, где тут же издал свой постыдный приказ № 130, дополненный постановлением Полномочной Комиссии ВЦИК «О высылке семей и конфискации имущества бандитов». Бандитами тогда власть троцких назвала простых крестьян. Расправляясь с ними во главе с Тухачевским в Тамбов прибыли В.А. Антонов-Овсеенко от ВЦИК и И.И. Уборевич в качестве ближайшего помощника главного карателя страны. 17 мая под «мудрым» руководством Тухачевского оба репрессивных документа объединили в виде короткого и популярного изложения для населения под названием «Приказ участникам бандитских шаек», т.е. тамбовским крестьянам под началом А.С. Антонова. Последнего, иначе как бандитом, никогда в советское время не называли. В действительности это был честный начальник местной милиции. Да и кому же, собственно, и сострадать горестям и бедам простых людей, как не милиционеру?! Ведь само слово «милиция» означает «вооружённый народ». Но, когда история десятилетия находится под наукообразным гнётом непререкаемого авторитета из примаковской бригады червонных казаков Исаака Израилевича Минца, в прошлом ещё и командира 2-й Украинской советской, а затем 46-й Екатеринославской стрелковых дивизий, естественно, непременно обладателя красных штанов, то всё преподносится, как говорится, шиворот на выворот. В результате, русский народный герой, а заодно и его брат, всё советское время числились только бандитами, которых по любимому выражению троцких, минцев, примаковых и гутманов, следовало стирать с лица земли, как бешеных собак. Для этого вначале понастроили концлагерей на 15 тысяч человек в самом губернском центре Тамбове, а также в Борисоглебске, Кирсанове, Козлове, Моршанске и Инжавине. Разумеется, без концлагерей тогда было никак нельзя. Да ещё в бытность влюбленных в них Ленина и Троцкого. Почему и начали их строить для нас, грешных, ещё на заре советской власти, в 1918 году!

Всю территорию многострадальной губернии, которая по сей день вряд ли залечила свои раны, для удобства поделили на боевые участки во главе с политкомиссиями и политтройками, чтобы огнём и мечём проводить в жизнь карательный приказ Тухачевского. А он, как и Уборевич, не мыслился без войск, которые должны были иметь значительное превосходство над противником. Поэтому их нагнали под руку победителя всего и вся около 150 тысяч штыков, придав им 9 артбригад, 6 бронелетучек, 4 бронепоезда, 5 автобронепоездов и 2 авиаотряда! В числе задействованных сил были курсанты сразу 30-ти военных училищ.

Затесались туда и находчивые химзащитники, которым не терпелось опробовать свои знания и спецсредства на практике, что они и предложили победителю Сибири, Колчака, Крыма, Белоруссии, Кронштадта и прочих окрестностей. Тому идея понравилась. Только, чтобы скотина не пострадала, — предупредил хвалёный командарм, уже тогда, видимо, озабоченный выполнением Продовольственной программы партии.

Ум, как говорится, хорошо, а два — лучше. Похоже, знал это и Тухачевский. Поэтому «со товарищи», спустя месяц, 11 июня 1921 года, подготовил новый, так сказать, коллективный приказ № 171, который подписали кроме него ещё В.А. Антонов-Овсенко, председатель Тамбовского губисполкома А.С. Лавров и секретарь губкома РКП(б) Б.А. Васильев. Сей совместный труд не шутил: за отказ назвать своё имя, например, следовал расстрел на месте. Приказ вообще был расстрельным, потому что эта крайняя мера в нём явно преобладала. Можно было, опять же, расстреливать ни в чём не повинных заложников; старшего работника семьи за укрытие бандита или обнаружение оружия. Кроме того, предусматривались конфискация имущества и уничтожение домов. Драконовские меры приказа кровавых революционных маньяков неукоснительно проводились в жизнь: 26 июня, например, в селе Туголуново было расстреляно 5 заложников; на следующий день, 27 июня, в деревне Остроуховка Васильевской волости из 30 заложников расстреляли 10; в деревне Андриановка Борисоглебского уезда в два захода расстреляли 16 заложников; 4 июля, в соседней деревне Кулябовке, в три захода расстреляли 23 человека! Этого показалось мало. Июньским приказом Полномочной комиссии ВЦИК № 178 от населения требовали создавать отряды самообороны от «бандитов». Учитывая, что восстание было народным, то никакие даже самые жестокие меры в отношении несчастных людей, включая применение отравляющих газов, артобстрелы местности, бомбардировку её с воздуха, многократные прочёсывания войсками, не могли дать желаемого результата. В итоге, вместо определённого Политбюро ЦК РКП(б) месячного срока с восставшими крестьянами провозились год. При этом восстание распространилось на часть Воронежской губернии и по признанию Г.К. Жукова, тоже принимавшего участие в подавлении Тамбовского крестьянского восстания, так и не было побеждено до конца. Все эти «подвиги» Тухачевского вполне справедливо снискали ему у исследователей недобрую славу «кровавого маршала».

Всем обязанный Троцкому, прежде всего, своей фантастической военной карьерой, всегдашней безнаказанностью и ярким ореолом совершенно незаслуженной полководческой славы, да ещё намертво повязанный с ним морем невинной человеческой крови, Тухачевский насквозь пропитался духом своего всесильного покровителя и был с ним неразделим. Связь эта не прерывалась и после выдворения Троцкого из СССР, потому что многочисленные курьеры и эмиссары вождя оппозиции без конца курсировали за рубеж и обратно. Начало предательской деятельности хвалёного маршала, по его собственному признанию, относится к концу 20-х годов прошлого века. Но это не совсем так. По мнению исследователя С.Т. Минакова, первые контакты оппозиции с Тухачевским по этому поводу состоялись ещё 22-23 декабря 1923 года через В.А. Антонова-Овсенко, тесное общение с которым сложилось в Тамбове при жесточайшем подавлении восставших крестьян. К концу 1923 года Тухачевский повторно командовал Западным фронтом, а В.А. Антонов-Овсенко возглавлял Политуправление РККА. В этом убеждают конкретные факты. Так, по свидетельству К. Радека, В. Антонов-Овсенко предложил план, в соответствии с которым «Михаил Николаевич... должен был взять на себя осуществление переворота» после того, как вопрос этот будет согласован с Троцким¹⁰², за которого, как он уверял, Красная Армия выступит «как один человек!». И это была не пустая болтовня. Как раз тогда, в декабре 1923 года, соратник Тухачевского по палачеству на

Тамбовской земле В.А. Антонов-Овсеенко, являясь начальником ПУРА РККА, открыто бросил вызов руководству страны, отказавшись выполнять решение ЦК ВКП(б) о борьбе с оппозицией. То есть, он не скрывал, на чьей стороне находится. На стороне тех, кто с маниакальной ненавистью сокрушал всё русское. Как раз в эти годы массово сносились памятники русским героям и монархам, зачастую построенные на народные деньги, которые собирались по копейке по всей России. А сколько было разорено помещичьих имений с потерей ценнейшего имущества? Но ведь среди их владельцев далеко не все были салтычихами. Как раз наоборот, были потомственные дворяне с немалыми заслугами перед Россией. Например, в Тульской губернии до основания было разграблено и разрушено родовое имение русского национального героя, Всеволода Фёдоровича Руднева, контр-адмирала, командира легендарного «Варяга», чей подвиг на века прославил Россию! К счастью, он скончался перед Первой Мировой войной и не мог видеть этого позора. Семья же — жена с тремя маленькими детьми — была вынуждена бежать с родной земли на чужбину?! И в это же самое время, до имения Тухачевского, тщательно опекаемого «демоном революции», никто даже пальчиком не дотронулся. Оно стояло целёхонькое, по-прежнему находилось в его собственности и ожидало барина. Что тут говорить! Уж явно «наш Бонапартик», как ласково называл его незабвенный Ильич, был не нашим!

Кстати, точно копируя поведение своего всесильного покровителя Троцкого, который, как известно, не счёл нужным прибыть с Юга на похороны Ленина, Тухачевский тоже демонстративно и без особой нужды уезжает в Смоленск, так же не желая присутствовать на проходах «вождя мирового пролетариата», которому когда-то слал лакейские телеграммы с Восточного фронта. Да, собственно, зачем ему мёртвый вождь, когда гораздо важнее ориентироваться на живого и всесильного? Поэтому нет ничего удивительного, что именно Тухачевский сразу же встал во главе военной оппозиции. Она была объединена духом Троцкого, и каждый её член понимал другого с полуслова. Да иначе и быть не могло, т.к. все они практически были выдвинутыми наркомвоенмора. «В отношении этих военных деятелей, — говорил потом В.М. Молотов, — у меня никаких сомнений не было, я знал их как ставленников Троцкого — это его кадры. Он их насаждал с далеко идущими целями, ещё когда сам метил на пост главы государства»¹⁰³. Так же исподволь Троцкий готовил и опекал на всякий случай своего протеже Тухачевского, никогда и ни у кого, в основном, не вызывавшего ни малейших симпатий. «Я всегда знал Тухачевского как зловещую фигуру...»¹⁰⁴ говорил всё тот же В.М. Молотов. «...что касается Тухачевского, — убеждённо продолжал Вячеслав Михайлович, — и наличия у него группы военных, связанных с троцкистами, правыми, готовящими заговор, тут сомнений нет»¹⁰⁵. «Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком, которого в последний момент только поймали. Если бы не поймали, было бы очень опасно. Он наиболее авторитетный...»¹⁰⁶

Чтобы наглядно показать, какой славы достиг Тухачевский, благодаря неустанной популяризации Троцким, достаточно обратиться к выступлению псевдополководца на VII съезде Советов. Когда он вышел выступать, «весь зал стоя встретил его бурей аплодисментов. Эта овация, — вспоминал очевидец, — отличалась от других своей силой и искренностью»¹⁰⁷. В.М. Молотов даже представил картину возможного развития событий: «А если бы Тухачевский и Якиры с Рыковыми и Зиновьевыми во время войны начали оппозицию, пошла бы такая острая борьба, были бы колоссальные жертвы. Колоссальные. И та, и другая сторона были бы обречены. Сдаваться нельзя, надо идти до конца. Начали бы уничтожать всех беспощадно»¹⁰⁸. Не без дальнего прицела Троцкий внедрил в охрану Кремля и начальника своего поезда Р.А. Петерсона, настояв на замене им коменданта Кремля матроса П.Д. Малькова, человека Я. Свердлова. Основная задача ставленников Троцкого сводилась к тому,

чтобы на первых порах выявлять недовольных сталинским курсом и после соответствующей обработки предвлекать их на свою сторону. А таких при большой разногласии мнений разноцветной оппозиции было немало. В последующем, военные заговорщики активно спланировались и стали проводить в жизнь конкретные вредительские, предательские и террористические акции против Советской страны и её лидеров. Убийство самого близкого к И.В. Сталину человека, его личного друга С.М. Кирова, возглавлявшего Ленинградскую партийную организацию, было одной из них. Причём Сергею Мироновичу до этого угрожали. Письма с угрозами «любезно» сообщали ему: «...будем ловить таких паразитов, как ты, тов. Киров...»¹⁰⁹ Или: «Сволочь ты несчастная, и место тебе на виселице»¹¹⁰. Убийство С.М. Кирова было организовано ОГПУ. Причем, чтобы не допустить встречи И.В. Сталина с телохранителем друга Борисовым, его по дороге пристукнули ударом в висок, а официально заявили, что он погиб в результате автомобильной катастрофы, что было наглая ложью.

«Осиротел я совсем»¹¹¹, — с болью произнёс тогда И.В. Сталин, обвинив в смерти С.М. Кирова антисоветскую троцкистскую оппозицию.

В следующем, 1935 году, был тихо устранён другой верный соратник вождя, В.В. Куйбышев, занимавший тогда важные государственные посты — первого заместителя председателя Совнаркома СССР и СТО, как председатель Комиссии советского контроля. Его смерть особенно показательна своей неслучайностью. Валериану Владимировичу было всего 46 лет. Он был в расцвете сил и отличался отменным здоровьем: «Никак не верилось, — скорбела родная сестра В.В. Куйбышева, — что человек с таким богатырским здоровьем мог так внезапно, так неожиданно состареть»¹¹². А он и не сгорел. Его умышленно и целенаправленно сожгли, о чём в сталинское время хорошо знали и однозначно писали: «...был злодейски умерщвлён троцкистско-бухаринской фашистской бандой при помощи извергов врачей»¹¹³. И писали не зря: «...Куйбышев слишком много знал о деятельности оппозиции в аппарате НКВД, по этой причине он был очень опасен, всё время создавая угрозу разоблачения»¹¹⁴, резюмирует исследователь. Личный секретарь В.В. Куйбышева В.А. Максимов-Диковский, видя, что Валериану Владимировичу стало плохо, и он решил пойти домой, который был тут же, в Кремле, и не подумал о помощи своему начальнику. Мало того, что он не захотел отвести заболевшего домой, секретарь не соизволил даже позвонить его жене или вызвать дежурного врача кремлёвской амбулатории. Вместо этих неотложных действий, он поручил кому-то разыскать персонального врача В.В. Куйбышева, профессора Л.Г. Левина, подсунутого ему Г.Г. Ягодой. Досконально известно, что Валериану Владимировичу давали какое-то «невинное лекарство» типа биогенного стимулятора под предлогом поддержания нервной системы, якобы испытывающей большие перегрузки от слишком напряжённой работы. Но при всём этом В.А. Максимов-Диковский почему-то не забыл позвонить секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе и сообщить ему, что В.В. Куйбышеву плохо и конец приближается. Тот ответил: «Всё в порядке, не зовите врача и держитесь молодцом»¹¹⁵. Между тем, кое-как добравшись домой, В.В. Куйбышев из последних сил позвонил жене. Та подняла на ноги врачей. Вскоре около больного находилась уже целая группа медиков. Но было поздно. Официальный диагноз гласил: «Умер от разрыва сердца»¹¹⁶. Дело было сделано. И стоит ли после этого жалеть, что, в конце концов, В.А. Максимов-Диковский и доктор Л.Г. Левин угодили на скамью подсудимых третьего большого уголовно-политического процесса, начавшегося в Москве 2 марта 1938 года?!

К несчастью, с уходом В.В. Куйбышева смерти не кончились. С апреля по июнь 1936 года прокатилась целая серия подозрительных смертей: «скоропостижно скончались высокопоставленные авиационные военачальники»¹¹⁷ — заместитель начальника ВВС РККА Наумов; ещё один

из руководителей ВВС Леваневский; заместитель инспектора ВВС, прославившийся советский лётчик, Герой Гражданской войны Павлов. Тогда же был неожиданно уволен и вскоре умер бывший начальник штаба Московского ВО Степанов. Точно так же вдруг скорострительно скончался начальник автобронетанковых войск Ленинградского ВО Шаумян. Все перечисленные военные были молоды и физически здоровы. А последнему из них, С.С. Шаумяну, было всего 36 лет! «Эти смерти не могли быть случайны»¹¹⁸, — заключает исследователь С.Т. Минаков. Конечно, не могли, согласимся и мы. Так, высокопоставленные армейские заговорщики, следуя установкам Троцкого, «очищали» РККА от людей, симпатизировавших И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову, наркомую обороны СССР того времени.

Серьёзная угроза тогда нависла и над жизнью самого вождя. По сути, он всё время находился на волоске от смерти, что и близко не соответствует всем басням о диктаторстве, деспотизме и тирании И.В. Сталина. Например, к настоящему диктатору Древнего Рима Луцию Корнелию Сулле невозможно было приблизиться без риска для жизни. С И.В. Сталиным всё было гораздо проще. Не зря Троцкий, после Турции и Франции, временно обосновавшись в Норвегии, бахвалился оттуда, «что вопреки стараниям Сталина Красная Армия в нужный момент пойдёт за ним. При этом он упомянул знаменитый «тезис Клемансо», утверждавший, что наилучшим моментом для свержения правительства является тот, когда враг у ворот столицы»¹¹⁹. К сожалению, бахвальство Троцкого было далеко не пустым, т.к. его ставленники верховодили везде: И.Э. Якир командовал очень важным в стратегическом отношении Киевским ВО, его родственник и близкий друг начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника И.И. Гарькавый — Уральским, В.М. Примаков был в Ленинградском ВО, Б.М. Фельдман руководил Управлением по учёту командных кадров РККА, Р.П. Эйдеман возглавлял Академию имени М.В. Фрунзе, а А.И. Корк — Московский ВО. Подобное перечисление можно продолжать долго. Причём все эти ставленники Троцкого ещё активно насаждали и продвигали свои кадры. Так, командующий Белорусским ВО И.П. Уборевич буквально в приказном порядке заставил К.А. Мерецкова двигать своего будущего преемника Д.Г. Павлова. К началу Великой Отечественной войны Дмитрий Григорьевич заблаговременными стараниями И.П. Уборевича уже был генералом армии, да ещё и Героем Советского Союза. И как раз это он вдруг единственный, кто «потерялся» 22 июня 1941 года, допустив провал на вверенном Западном фронте, где фашисты добились наибольших успехов в наступлении группы армий «Центр». Спаянные одним духом и целью, «гирлянды» троцкистов в войсках были реальны и очень опасны. Они не так уж и отпирались в антисоветской деятельности. Якировский комбриг Дубовой признался в ней, сразу назвав соучастников. Более того, он с вызовом настаивал, чтобы, как следует, допросили Л.М. Кагановича, «потому что он тоже с нами»¹²⁰, твердил Иван Наумович, кстати, убийца легендарного Н.А. Щорса.

Серьёзным препятствием в физическом устранении И.В. Сталина и вообще в борьбе с ним для военных заговорщиков служили крупные свершения в народном хозяйстве, наметившиеся после XIV съезда ВКП(б), взявшего по инициативе вождя курс на индустриализацию СССР. «Вся страна находилась в лесах новостроек, — пишет Ф.М. Ваганов. — Строились такие крупные гиганты как Магнитогорский, Кузнецкий, Запорожский заводы чёрной металлургии, Сталинградский, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский автозавод, Уральский завод тяжёлого машиностроения, Ростовский и Новосибирский заводы сельскохозяйственного машиностроения, Березниковский химический комбинат. Производилась коренная реконструкция Луганского, Коломенского и Харьковского паровозостроительных, Краматорского машиностроительного, Московского автомобильного, «Красного путиловца»,

«Красного Сормова» и других заводов»¹²¹. «Вся политика, которую вёл Сталин, веда наша партия, совпадала с интересами страны, с интересами народа...»¹²², — вспоминал Л.М. Каганович. «...в 30-е годы XX века СССР за две пятилетки превратился из слаборазвитой страны в могучую индустриальную державу. И это было результатом проведения генеральной линии партии под руководством Сталина»¹²³, — отмечают исследователи советского прошлого. Это видели и за рубежом: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление»¹²⁴, — отмечал английский журнал «Раунд Тэйбл». Как и великий русский Царь Иоанн IV Васильевич Грозный, который был постоянным примером для вождя, И.В. Сталин обратился к неисчерпаемой творческой энергии народа. И результаты, как видим, не заставили себя ждать. Но, что хорошо понятно русскому человеку, часто непостижимо для иностранцев, не способных проникнуть в тайну России: «В советском обществе тех лет происходили большие перемены, — вынуждены были признавать зарубежные исследователи Ласло Белади и Тамаш Краус. — Характерной чертой общественных процессов было то, что миллионы бывших рабочих и крестьян становились преподавателями, служащими, офицерами и инженерами. Как это ни парадоксально, но такие преобразования укрепляли социальную базу сталинского руководства»¹²⁵, недоумевали они. Сегодня пытаются высмеять общеизвестную сталинскую фразу: «Жить стало лучше...жить стало веселее»¹²⁶. Ею ёрничают. Но напрасно, потому что в этих словах заключена абсолютная правда. Достаточно сказать, что средняя реальная заработная плата в СССР с 1929 по 1936 годы выросла на 278%. А именно реальная зарплата, которую у нас всячески душат и низводят, а не общая составляет основу нашего материального благосостояния. «Там жизнь человека с каждым днём явно улучшается, повышается не только количество получаемых рублей, но и покупательная сила этого рубля»¹²⁷, свидетельствовал о поре становления Советского Союза и Лион Фейхтвангер. Соотнося его успехи с Западом, австрийский писатель считал: «Никогда Советскому Союзу не удалось бы достичь того, чего он достиг, если бы он допустил у себя парламентскую демократию западноевропейского толка...»¹²⁸

И.В. Сталина прославили главным образом его государственные дела ради процветания огромной страны и её народов, а не чьё-то неуёмное желание создать ему культ по своей прихоти. И вот в то время, когда И.В. Сталин, опираясь на широкие народные массы и необыкновенную талантливость их низов, строил могучую державу, преступная банда троцкистов активно действовала вразрез. Благодаря ей «...к 1934 году оформился мощнейший стан противников правительственного курса...»¹²⁹ Он был прекрасно организован и дисциплинирован, имел средства и техническую базу, тщательно конспирировал свою подрывную деятельность против советского государства, отождествляя его с И.В. Сталиным и верными соратниками вождя. «Против Сталина шла борьба, и борьба жесточайшая! И самым опасным было то, что выступавшие против него люди были яркими, сильными, очень деятельными»¹³⁰, говорит Александр Бушков и с этим трудно не согласиться. Враждебный стан оппозиции игнорировал очевидные успехи СССР, маниакально ненавидя И.В. Сталина. Он никак не устраивал врагов России и русского народа. «Имели они и знаковую фигуру на место Сталина — опального «демона революции»¹³¹. Всё это означало только одно, что Иосиф Виссарионович был обречён. Пока же, до реального акта убийства вождя, оппозиция готовилась изподволя. Совершённых и замышляемых покушений на И.В. Сталина было множество. Но на сей счёт существует заговор молчания, чтобы закрепить в сознании людей лживый образ тирана, деспота, злодея, диктатора с неограниченной личной властью, кровожадного чудовища, в котором якобы не было ничего человеческого. В действительности же, И.В. Сталин «был чрезвычайно сдержанным и расчётливым человеком, умевшим подавлять свои личные чувства и амбиции»¹³².

Но вернёмся к покушениям на жизнь советского вождя. К ним, естественно, примешивались террористические действия и множества других организаций и лиц помимо троцкистской оппозиции. Так, в 1921 году, в эмиграции было основано Братство «Русская правда», явно соотносящее себя по названию с временами Великого Киевского князя Ярослава Мудрого. Основателями его стали герцог Лейхтенбергский, известный атаман Войска Донского и писатель, генерал-лейтенант П.Н. Краснов, а также публицист и издатель С.А. Соколов-Кречетов. Размах деятельности Братства впечатлял: его подразделения действовали на всех пяти континентах. Его создание одобрил Великий князь Николай Николаевич и благословил выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, Митрополит Антоний (Храповицкий), возглавлявший тогда её зарубежный Синод. Некие американцы жертвовали Братству несколько десятков тысяч долларов специально на убийство И.В. Сталина и взрыв Мавзолея на Красной площади. В 1924 году, тоже в эмиграции, был создан Русский Общевоинский Союз во главе со знаменитым белогвардейским контрразведчиком, генералом А.П. Кутеповым. Он объединил около 30 тысяч русских офицеров, волею судьбы оказавшихся за границей, и также действовал по всему миру. Задачей РОВСа было совершить переворот в Советской России и проводить террор в отношении её руководителей и в первую очередь против И.В. Сталина.

16 ноября 1931 года один из членов РОВСа, офицер Огарёв, связанный также с английской разведкой, оказался близко к цели. В 15 час. 35 мин. дня, у дома 5/2 по Ильинской улице, напротив Старо-Гостиного двора Москвы, он случайно встретил И.В. Сталина. Не растерявшись, Огарёв пытался выхватить револьвер, но был обезврежен сотрудниками госбезопасности. Ничего не подозревавшего И.В. Сталина проинформировали об этом ЧП специальной запиской ОГПУ № 40919 от 18 ноября 1931 года за подписью Окулова с приложением фотографии террориста. В 1927 году готовил покушение на И.В. Сталина журналист С.Н. Гуревич, купеческий отпрыск. Правда, он не собирался ограничиваться только Генсеком. В его планах было также устранение и других деятелей новой власти, в частности Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. В мае того же года группа бывших колчаковских офицеров по заданию заведующего консульской частью британской миссии в Москве Уайта готовила взрывы в Кремле и Большом театре, где проводились все торжественные мероприятия с участием руководства страны. В 1931-1932 годах убийство И.В. Сталина готовила террористическая организация генерала Хоршевского в Чехословакии. 22 марта 1935 года за подписью Г.Ягоды во все органы внутренних дел страны и особые отделы в войсках были разосланы «Материалы следствия по делу курсанта школы имени ВЦИК Лысака Е.Т. и других» на 40 страницах, где говорилось о разоблачении подготовки к покушению на жизнь руководителей партии и правительства и, прежде всего, опять же на И.В. Сталина. Летом того же 1935 года, в Абхазии, Генсека, находившегося в море на катере, недалеко от берега, обстрелял пограничник. Авторы книги «Двойной заговор» Александр Колпакиди и Елена Прудникова, датируя этот случай 1933-м годом, отрицают покушение, ссылаясь на то, что стрелявший действовал по инструкции. Но, думается, что личный телохранитель вождя, комиссар госбезопасности 2-го ранга Н.С. Власик, непосредственный свидетель ЧП, в таких вопросах разбирался значительно лучше. Его же мнение было прямо противоположным: «Летом 1935 года было произведено покушение на товарища Сталина. Это произошло на юге. Товарищ Сталин отдыхал на даче недалеко от Гагр. На маленьком катере, который был переправлен на Чёрное море с Невы из Ленинграда Ягодой, товарищ Сталин совершал прогулки по морю. С ним была только охрана... На мысе Пицунда есть маяк, и недалеко от маяка на берегу бухты находился пост погранохраны (она тоже была в ведении Г.Ягоды! — В.Ц.). Когда мы вышли из бухты и повернули в направлении Гагр, с

берега раздались выстрелы. Нас обстреливали. Быстро посадив товарища Сталина на скамейку и прикрыв его собой, я скомандовал моториста выйти в открытое море. Немедленно мы дали очередь из пулемёта по берегу. Выстрелы по нашему катеру прекратились. При допросе стрелявший заявил, что катер был с незнакомым номером, это показалось ему подозрительным и он открыл стрельбу, хотя у него было достаточно времени всё выяснить пока мы находились на берегу бухты, и он не мог нас не видеть»¹³³. Как потом оказалось, «дал несколько предупредительных выстрелов» командир пограничного наряда сержант Лавров. Однако оправдания пограничника малоубедительны, и прав Николай Сергеевич утверждая, что это было покушение. Но и без Власика здесь слишком многое говорит об умысле на жизнь вождя. Во-первых, катер не появился неведомо откуда, а вышел в море из Пицундской бухты, где и находился погранпост. Во-вторых, он в ней был ошвартован, вся группа вместе с И.В. Сталиным отдыхала тут же на берегу, на глазах пограничников, о чём и говорит начальник Управления охраны Н.С. Власик. В-третьих, «предупредительные выстрелы» не бывают прицельными, и от них не требуется закрывать своим телом охраняемое лицо. В-четвёртых, те же самые пограничники по внутриведомственным инструкциям и приказам, а также дополнительным ориентировкам были обязаны охранять жизнь одного из государственных деятелей, кем был И.В. Сталин, раз он оказался в зоне их боевого дежурства. Они обязаны это делать и вне службы, как и любой сотрудник НКВД. И, наконец, в-пятых, надо знать Пицундскую бухту в Абхазии, чтобы убедиться в неслучайности выстрелов по катеру с И.В. Сталиным. За минувшие десятилетия она мало чем изменилась.

Завершая основательный разговор о Пицундском покушении, даже если допустить, что ведомство Г. Ягоды специально не предупредило территориальные органы ГПУ и пограничников Абхазии о приезде туда И.В. Сталина, что само по себе маловероятно, то и так бы весь берег знал бы об этом. Конечно, обеспечение безопасности вождя в тогдашней Абхазии не идёт ни в какое сравнение с мерами охраны высокопоставленных деятелей партийно-советской номенклатуры позднейших времён. Тем не менее, и в 1935 году она осуществлялась достаточно надёжно, учитывая, что рядом с И.В. Сталиным тогда постоянно находился его верный телохранитель Н.С. Власик. Мы не случайно так подробно остановились на абхазском случае лета 1935 года, потому что в его пользу говорит и другой. «Бывший курсант школы ОГПУ И.Орловский вспоминал, что Ягода и его соратники в начале 1936 года «сформировал из курсантов школы ОГПУ особую роту боевиков. Туда подобрали парней двухметрового роста, богатырской силы и ловкости. Я был в составе этой роты, которая насчитывала 200 штыков... Ежедневно были занятия по самбо, ближнему штыковому бою, преодолению трудных препятствий. Нас хорошо обмундировали и вооружали... Позднее мы узнали, что нам предстояло при содействии коменданта Кремля...Ткалуна войти в Кремль и арестовать Сталина. Но заговор был раскрыт»¹³⁴. Вот вам и аптекарь-самоучка из Нижнего!

Кстати, и упоминавшийся выше катерок был тоже с подвохом, по той же «аптекарской» предусмотрительности: «Наш катер был маленький, речной и совершенно непригодный для прогулок по морю... — говорит всё тот же Н.С. Власик. — Присылка такого катера в Сочи была сделана Ягодой тоже, видимо, не без злого умысла — на большой волне он неминуемо должен был опрокинуться, но мы, как люди, не сведущие в морском деле, об этом не знали»¹³⁵.

1935 и 1936 годы вообще выделяются обилием покушений. Они далеко не исчерпываются только приведёнными примерами. Так в декабре 1935 года были расстреляны по приговору суда четыре террориста, пытавшиеся совершить покушение 7 ноября, пользуясь большим советским праздником и военным парадом на Красной площади. А 15

мая 1936 года «Правда» сообщила о награждении работников Наркомата Оборона и НКВД СССР, обеспечивших образцовый порядок при проведении Первомайской демонстрации трудящихся и военного парада. Ордена были вручены Алкснису — начальнику Военно-воздушных сил, Ракитину — командиру танкового корпуса, Паукеру — начоперода НКВД, Ткалуну — коменданту Москвы, Воловичу — заместителю Паукера, Вулю — начальнику милиции Москвы и ещё ряду лиц, вплоть до водителя танка Дубко. Это необычное награждение удивило многих. До этого ещё ни разу за обеспечение порядка на Красной площади не награждали никого. «Не случайно наградили многих товарищей за первомайский парад, — делился с Ильёй Дубинским знакомый по службе в РККА одессит Александр Круглов. — Скажу по секрету — готовилось покушение на вождей. Какая-то сволочь, учитель из Горького, с бомбой за пазухой затесался в колонну демонстрантов. Наше счастье — во время его обнаружили. Троцкисты не спят, вот до чего мерзавцы докатились, до терроризма...»¹³⁶, — возмущался он. Возможно, это кому-то покажется выдумкой, но в довоенном Горьком действительно сформировалось и действовало несколько групп боевиков антисоветской троцкистской оппозиции. Его непосредственная близость к Москве была очень удобна, что способствовало быстрому выдвижению туда террористов. Сложность акции требовала их в значительном количестве. Поэтому общее количество троцкистских боевиков составляло не менее двух десятков человек. Разобшённые на группы, они действовали по-разному. Одни, например, Попов, Лаврентьев, Храмов, Пугачёв и Пелевина должны были обеспечить себя всем необходимым для акции самостоятельно. С этой целью они выезжали из Горького в Арзамас и даже в Ардатовский район области. Другие действовали под прикрытием Педагогического института. Их командирование в столицу под видом отличников учёбы вуза возлагалось на его руководителя И.К. Федотова, одновременно бывшего главой антисоветской троцкистской организации в городе Горьком. Этим обеспечивалось прибытие в Москву под вполне благовидным предлогом и участие в демонстрации трудящихся на Красной площади, чего и добивались «отличники».

В 1936 году была обезврежена целая группа личных посланцев Троцкого с начала 30-х годов, проникших на территорию СССР, для организации убийства И.В. Сталина и его верных соратников. Среди них Берман-Юрин, В. Ольберг, работник Коминтерна Фриц-Давид, Горович, Гуревич, Быховский и другие. Все они получили инструкции непосредственно от «демона революции». Причем детальные. Не зря же сын Троцкого, Л. Седов, говорил: «Весь режим в СССР держится на Сталине, и достаточно его убить, чтобы всё развалилось»¹³⁷. Ясно, что этот отпрыск озвучивал отцовские желания и намерения. И делал он это неоднократно фразами, не допускающими никаких иных толкований: «Теперь колебаться нечего. Сталина нужно убить»¹³⁸, — настаивал Л. Седов в начале 1938 года в период подготовки большого уголовно-политического процесса над Пятаковым, Радеком и другими друзьями отца. Последний же такое открыто заявлял ещё в 1932 году в своём «Бюлетене оппозиции», явно адресуясь ко всей советской стране: «Сталин завёл вас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо — убрать Сталина»¹³⁹. Эти призывы «демона революции» являлись основополагающей установкой, приказом к действию для всей троцкистской оппозиции.

В том же 1932 году на квартирах троцкистов Марецкого и Астрова прошли тайные «конференции», где в качестве главного обсуждался вопрос, как «убрать силой» И.В. Сталина. Причём Иосиф Виссарионович и не думал цепляться за высокие должности, идти ради них по чьим-то головам, как нам это преподносят фальсификаторы истории. Наоборот, устав от происков ненавидящей его оппозиции, он трижды подавал в отставку, как делал это и после великой войны. Однако здоровые силы

в партии и народ видели во главе страны только Сталина, как своего признанного и любимого вождя. Поэтому оппозиции оставалось только одно — строить бесконечные планы физического устранения И.В. Сталина, на что рука у неё была хорошо набита. Естественно, что призыв Троцкого «Убрать Сталина» был призывом к безоглядному террору, жертвами которого и стали С.М. Киров, В.В. Куйбышев, А.С. Щербаков, А.А. Жданов. Такой же жертвой ещё раньше стал М.В. Фрунзе, которому не могли простить освобождение от безраздельного хозяйничанья в армии Л.Троцкого.

В соответствии с установками вождя оппозиции в стране умело нагнеталась обстановка недовольства И.В. Сталиным, разогревания ненависти к нему, что особенно успешно было проделано командой А.И. Эпштейна-Яковлева в годы коллективизации, когда проведение её на местах умышленно извращалось. Результаты этого изуверства не замедлили себя ждать. В пик антисталинских настроений обвиняемый «подпольного троцкистского центра», уже хорошо знакомый нам И.Н. Смирнов, невольно заметил: «Эдак, пожалуй, Сталин будет убит»¹⁴⁰. «В комсомоле, например, ещё в 1935 году наблюдалось удивительно сильное сопротивление сталинизму. Секретные архивы Смоленской области (они были захвачены немцами во время войны и позже попали на Запад) выявляют степень этого сопротивления. На комсомольской дискуссии по поводу убийства Кирова один член организации говорил: «Когда убили Кирова, то разрешили свободную торговлю хлебом; когда убьют Сталина, то распустят все колхозы...». Сохранился даже рапорт о девятилетнем пионере, который кричал: «Долой советскую власть! Когда я вырасту, я убью Сталина!» Об одиннадцатилетнем школьнике сказали, что он говорил: «При Ленине мы жили хорошо, а при Сталине мы живём плохо!» А 16-летний студент якобы заявил: «Кирова они убили; пусть теперь убьют Сталина». Время от времени даже высказывались случайные симпатии к оппозиции...»¹⁴¹

Германский историк Г.Т. Риттер-Спорн, опираясь на те же Смоленские архивы, пришёл к выводу, что в 1936-1938 годах И.В. Сталин не всегда был способен управлять ходом событий. Зато русофобствующие фальсификаторы с начала 20-х годов прошлого века выставляют его всемогущим тираном и деспотом с диктаторской властью. Авось кто-нибудь да клюнет. И клюют, бездумно повторяя ложь врагов России. Как раз, чтобы утвердить в обществе этот насквозь лживый образ И.В. Сталина — вселенского злодея, от нас упорно скрывают истинную обстановку вокруг него и множество покушений на жизнь вождя, в чём мы уже в какой-то мере убедились. Вероятность убийства особенно возросла после гибели С.М. Кирова, что вызвало заметную настороженность И.В. Сталина. Поэтому к его охране, как вспоминает А.Т. Рыбин, была привлечена дивизия имени Ф.Э. Дзержинского. Зная о причастности к убийству друга чекистов, о чём с риском для жизни поведала московской комиссии по расследованию обстоятельств гибели С.М. Кирова секретная сотрудница НКВД Ленинграда М.Н. Волкова, за месяц до убийства Сергея Мироновича случайно узнавшая о готовящемся покушении, И.В. Сталин стал откровенно опасаться охраны: «Заметили, сколько их там стоит? — как-то обронил Иосиф Виссарионович И.С. Исакову, известному советскому флотоводцу, в годы Великой Отечественной войны адмиралу флота СССР и начальнику штаба ВМФ, по поводу офицеров охраны НКВД. — Идёшь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернёшь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так, идёшь мимо них по коридору и думаешь...»¹⁴² И выстрел действительно раздался, но в кремлёвской библиотеке. И.В. Сталина «попыталась убить, как говорили, молодая представительница графского рода Орлова-Павлова, Сталин не пострадал»¹⁴³. Кстати, из-за возможности подхода к вождю, пытались использовать в качестве исполнителей акции физического устранения некоторых кремлёвских

жён, в т.ч. и Надежду Алилуеву, на которую воздействовали через члена нов семьи Алилуевых, старых революционеров. По этому каналу и был «подарен» пистолет, из которого в порыве душевных терзаний она и покончила с собой. Среди документов французского особого архива было обнаружено донесение французской разведки, где сообщалось, что 1 марта 1938 года во время вечерней прогулки по территории Кремля на Сталина было совершено покушение. Человек в форме офицера войск ГПУ попытался его убить. Этот факт в подробностях приводился не раз. Правда, указывается 11 марта вместо 1-го.

Такое дерзкое покушение на жизнь И.В. Сталина прямо в Кремле действительно было. Пошёл на это лейтенант Тульского гарнизона Данилов, переодевшись в форму офицера госбезопасности. В Кремль он проник по поддельным документам. Схваченный на месте преступления, лейтенант Данилов заявил, что хотел отомстить за гибель маршала Тухачевского и является членом тайной террористической организации, назвав соучастников. Это оказалось правдой. Узнав о провале, сообщники Данилова — инженер Астахов, штабной майор Войткевич и капитаны Одивцев и Пономарёв — покончили с собой, не дожидаясь ареста. В то же время, месть за Тухачевского вызывает немалое сомнение. К покушению смертника, похоже, подталкивало совсем другое. Этим «другим» вполне мог оказаться 3-й большой уголовно-политический процесс над антисоветскими троцкистскими заговорщиками, который должен был начаться на следующий день, 2 марта 1938 года, или уже шёл. И удайся убийство И.В. Сталина, все дальнейшие события в стране, скорее всего, пошли бы совсем по другому сценарию. Примечательно, что «переворот готовился серьёзно, а его информационная подготовка (в смысле дезинформации) была, судя по всему, хорошо продумана и умело осуществлена»: «В Москве и за границей с конца 1936 года активно распространялись слухи о тяжёлой или даже смертельной болезни Сталина, о скорой его смерти»¹⁴⁴. Оставалась только «самая малость»: убить Сталина. А потом последовало бы сообщение СМИ о «разрыве сердца» и т.п.: вариаций на эту тему современная медицина знает предостаточно. Наблюдая за организованной дезинформацией по поводу себя, Иосиф Виссарионович даже написал и отправил ироничное письмо заведующему бюро «Ассошиэтед Пресс», американцу Чарльзу Наттеру: «Милостивый государь!»¹⁴⁵

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением И. Сталин

26.X.36 г.»

Несомненно, убить советского вождя под прикрытием этой дезинформации намеревался террорист, который уже занял позицию, чтобы открыть огонь по трибуне Мавзолея во время первомайских торжеств 1937 года. Его тогда обезвредил молодой оперативник НКВД Павел Мещик, удостоенный за это ордена. В последующем он стал видным работником СМЕРШа, а до этого возглавлял госбезопасность Украины. Между тем 1 мая 1937 года был очень не простым днём в советской истории. Именно в этот день военные заговорщики во главе с Тухачевским планировали осуществить государственный переворот с захватом власти. Он был отложен только из-за того, что маршалу предстояло ехать в Англию на коронацию нового короля Георга VI, который должен был взойти на престол вместо отрёкшегося от трона Эдуарда VIII. Но коварные планы военных заговорщиков были прекрасно известны И.В. Сталину и его ближайшему окружению, о чём свидетельствует В.М. Молотов. Первомай 1937 года отличался особыми мерами предосторожности. Органы

государственной безопасности были приведены в состояние повышенной боевой готовности. На праздничном инструктаже их оперативный состав предупреждался об особой бдительности: накануне, 30 апреля 1937 года, был арестован дивизионный комиссар М.А. Имянинников, заместитель коменданта Московского Кремля. Одновременно отменили все пропуска туда и заменили пароли на прохождение постов. В довершение, оперативникам предлагалось быть готовыми к любым неожиданностям, и дополнительно было приказано, особенно, следить за военными. Всё это, разумеется, накладывало свой заметный отпечаток общей настороженности на праздник в целом, что не ускользнуло от внимания английского журналиста Фицроя Маклина, присутствовавшего на Красной площади. Он обратил внимание на повышенную нервозность членов Политбюро ЦК ВКП(б). «Лишь Сталин был невозмутим, — писал потом журналист, — а выражение его лица было одновременно «и снисходительным, и скучающе — непроницаемым»¹⁴⁶. Напряжение царило и среди военачальников на трибуне у подножия Мавзолея, куда первым пришёл Тухачевский.

Исключительный интерес в этой части представляют воспоминания руководителя советской военной разведки в Европе Вальтера Кривицкого, позднее попросившего политического убежища в США: «Последний раз я увидел моего старого начальника маршала Тухачевского 1 мая 1937 года на Красной площади. Праздник Первого мая — один из редких моментов, когда Сталин показывался на публике. Предосторожности, предпринятые ОГПУ в майский праздник 1937 года, превосходили все, что было в истории нашей секретной службы. Незадолго перед праздником я побывал в управлении Карнильева, в специальном отделе, который выдаёт разрешения правительственным служащим на проход в отгороженное место у Мавзолея Ленина, представляющее собой трибуну для наблюдения за парадом. Он заметил: «Ну и времена! 14 дней мы ничего не делаем в специальном отделе, кроме как разрабатываем меры предосторожности на майский день». Я не получил своего пропуска до самого вечера 30 апреля, пока, наконец, курьер из ОГПУ не доставил его мне. Утро майского дня было ярким и солнечным. Я рано отправился на Красную площадь, и по дороге меня, по крайней мере, 10 раз останавливали патрули, которые проверяли не только мой пропуск, но и документы. Я подошёл к Мавзолею Ленина без пятнадцати минут 10 — время, когда начинается празднование. Трибуна была уже почти заполнена. Весь персонал ОГПУ был мобилизован по этому случаю, их сотрудникам предписывалось одеться в гражданскую одежду, чтобы они выглядели как «наблюдатели» парада. Они находились здесь с 6 часов утра и занимали все свободные ряды. Позади и впереди каждого ряда правительственных служащих и гостей выстроились ряды сотрудников и сотрудниц ОГПУ. Таковы были чрезвычайные меры для обеспечения безопасности Сталина. Несколько минут спустя после того, как я расположился на трибуне, знакомый, стоявший рядом со мной, подтолкнул меня локтем и прошептал: «Вот идёт Тухачевский». Маршал шёл через площадь. Он был один. Его руки были в карманах. Странно было видеть генерала, профессионального военного, который шёл, держа руки в карманах. Можно ли прочесть мысли человека, который непринуждённо шёл в солнечный майский день, зная, что он обречён? Он на мгновение остановился, оглядел Красную площадь, наполненную толпами людей, платформами и знамёнами, и проследовал к фасаду Мавзолея Ленина — традиционному месту, где находились генералы Красной Армии во время майских парадов. Он был первым из прибывших сюда. Он занял место и продолжал стоять, держа руки в карманах. Несколько минут спустя подошёл маршал Егоров. Он не отдал чести маршалу Тухачевскому и не взглянул на него, но занял место за ним, как если бы он был один. Ещё через некоторое время подошёл заместитель наркома Гамарник. Он также не отдал чести ни одному из командиров, но занял место в ряду,

как будто бы он никого не видит. Вскоре ряд был заполнен. Я ревюлю на этих людей, которых знал как честных и преданных слуг революции и Советского правительства. Несомненно, они знали о своей судьбе. Каждый старался не иметь никакого дела с другим. Каждый знал, что он узник, обречённый на смерть, которая отсрочена благодаря милости деспотичного хозяина, и наслаждался тем немногим, что у него ещё оставалось: солнечным днём и свободой, которую толпы людей и иностранные гости и делегаты ошибочно принимали за истинную свободу.

Политические лидеры правительства во главе со Сталиным стояли на ровной площадке на вершине Мавзолея. Военный парад начался. Обычно генералы оставались на своих местах во время демонстрации трудящихся, которая следовала за военным парадом. Но на этот раз Тухачевский не остался. В перерыве между двумя парадными маршами вышел из ряда. Он всё ещё держал руки в карманах, шагая по опустевшему проезду прочь с Красной площади, и скоро скрылся из виду»¹⁴⁷.

«Записки» Кривицкого имеют выдающуюся ценность, так как он работал в военной разведке, близко знал Тухачевского и его сотрудников, а также самого Ежова и его окружение... Приводимый выше многозначительный и странный эпизод допускает лишь одно толкование: на 1 Мая 1937 года планировался военный переворот, к которому оппозиция приготовила свои силы. Тухачевский должен был лично произвести покушение на Сталина прямо на трибуне Мавзолея. Именно поэтому он и держал руки в карманах, где и лежало по заряженному пистолету со спущенными предохранителями. Противная сторона всё это знала — от своих тайных осведомителей. Ежов и Ворошилов приняли все меры предосторожности. Поэтому покушение сорвалось и выступление пришлось отменить, так как без предварительного «устранения» Сталина и Ворошилова шансы на успех считались ничтожными»¹⁴⁸.

Планы ликвидации И.В. Сталина порой принимали довольно экзотический характер. В июне 1938 года советскую границу с Манчжурией со стороны СССР нелегально пересёк начальник Дальневосточного Управления НКВД Г.С. Люшков. Он шёл к японцам. Помимо многих особоважных государственных секретов, известных ему по должности, он нёс за границу и детальный план физического устранения И.В. Сталина. Причём Генрих Самойлович не блефовал. Урождённый одессит, до Дальневосточного УНКВД и погранвойск возглавлял Азово-Черноморское Управление НКВД, в оперативное обслуживание которого входили правительственные здравницы в районе Большого Сочи, Абхазии и в Крыму. Обеспечивая их охрану, Люшков отлично знал точную дислокацию и особенности планировки здравниц, количественный состав охраны и расположение постов, технические средства и вооружённость охраняемых объектов, специфику и возможности их основного назначения. Исходя из всего этого богатейшего кладезя личных знаний, высокопоставленный изменник одесского розлива предложил японцам конкретный план физического устранения И.В. Сталина в Сочинском санатории во время принятия местных ванн, где вождь оставался один. Реальность предложенного плана показала убедительной. Подработали детали. Присвоили ему кодовое название «Медведь» и принялись за дело. Перво-наперво подыскивали исполнителей. Они нашлись быстро среди белогвардейских офицеров из «Союза русских патриотов». Отобрали из них 6 человек самых-самых. Поставили задачу проникнуть в СССР, где и совершить теракт. «В начале 1939 года группа отплыла на пароходе «Азия-Мару» в Неаполь. 19 января она прибыла в Стамбул»¹⁴⁹. В конце января, при нелегальном переходе русско-турецкой границы, спецгруппа террористов из далёкой страны Восходящего Солнца нарвалась на засаду, потеряв половину людей. Остальные ушли, как говорится, не солоно хлебавши. Есть подозрения, что была утечка информации, и террористов уже ждали. Но дошлые японцы не были бы японцами, если бы не подстраховались: наряду с «Медведем» они готовили свою акцию убий-

ства И.В. Сталина на трибуне Мавзолея специальной миной замедленного действия. Её предпологалось установить заранее и взорвать после начала парада, когда вождь будет на главной трибуне страны.

Завершая японскую эпопею, вернёмся к Люшкову. Генрих Самойлович фигура весьма примечательная. Являясь одесситом 1900 года рождения, он производил на окружающих прямо-таки жуткое впечатление. Сотрудничавший с ним работник разведки японского Генштаба Масаюка Сагуэса вспоминал: «В нём было что-то демоническое. Под его взглядом хотелось съжаться, спрятаться. Руки и ноги делались вялыми!»¹⁵⁰. В ВЧК-ОГПУ времён Дзержинского-Менжинского и Ягоды было много сотрудников и руководителей, активно занимавшихся оккультизмом. На этой основе завязывались теснейшие контакты с заграничными практиками, такими как немецкий геополитик Карл Хаусхофер. Являясь профессиональным разведчиком, он был ещё и матёрым оккультистом. Принял буддизм в Ахасе на Тибете. В довершение всего «состоял в целой куче тайных восточных обществ: «Зелёный дракон», «Общество реки Амур», «Чёрный океан», «Великое общество национального духа»! Живая связь у чекистско-гэпэушных оккультистов поддерживалась и с неизвестным художником Николаем Рерихом. Возможно, к оккультистам относился и Люшков. Японцы дали ему фамилию Ямогучи, а потом Маратов. В конце концов покончили с ним просто: перед Второй Мировой войной Люшкова-Ямогучи-Маратова пристрелили, а затем кремировали, чтобы и следа его не осталось на земле.

Даже в ходе Великой Отечественной войны, 6 ноября 1942 года, И.В. Сталина пытались убить в прошлом сын деревенского священника, а в момент совершения теракта — водитель грузовика 1-го зенитного полка ПВО Москвы, ефрейтор Савелий Дмитриев, 1910 года рождения. Взяв винтовку, он занял с ней позицию на Лобном месте Красной площади, объясняя, что является военным патрулём. В 14.30 дня, увидев выезжающий из Кремля кортеж автомобилей, Дмитриев открыл огонь по первому из них, полагая, что в нём И.В. Сталин. Но это оказалась автомашина А.И. Микояна. Вождь находился в одной из следующих.

В планах антисоветского военно-троцкистского заговора ключевую и изощренно-коварную роль в физическом устранении И.В. Сталина играл глава ОГПУ-НКВД, генеральный комиссар государственной безопасности, что соответствовало общевойсковому званию маршала, Генрих Григорьевич Ягода. Настоящее имя этого аптекаря-самоучки из Нижнего Новгорода было Енох Гершенович Иегуда. В ВЧК он был изначально, занимая только высшие посты: до последней должности, наркома внутренних дел СССР, Г. Ягода был замом В.Р. Менжинского, чью кончину ускорил своими «замечательными» снадобьями. О его «художествах» мы уже кое-что узнали, но интересно, как он оказался в руководстве главного карательного органа молодой Советской республики. Прибыл Генрих-Енох, как уже сказано, из Нижнего, где никакого образования, кроме самостоятельных аптекарских навыков не приобретал. Но зато активно занимался революционной деятельностью, как и два его брата. Одного за это пришибли в Сормове, а другого — расстреляли в армии. Карьеру в ВЧК-ОГПУ-НКВД Ягоде обеспечила удачная женитьба на родной племяннице Я. Свердлова Иде Авербах, дочери старшей сестры председателя ВЦИК, Софьи. Шурин Ягоды, пресловутый Леопольд Авербах, прославился издевательством над русской литературой и писателями, особенно над В.В. Маяковским, для чего в своё время покинул пятый класс Саратовской гимназии. Как и зятьёк, Леопольд Леонидович тоже был «генеральным», но только секретарём Российской ассоциации пролетарских писателей — РАППа — непрестанно подавлявшей всё русское. Время А.А. Авербаха с его журналом «На посту» было временем произвола и беспредела в советской литературе. Как раз тогда этот саратовский выродок самочинно сортировал писателей, определяя, кто из них «пролетарский», а кто «попутчик». И именно из-за него знамени-

тый «горлан-главарь» В.В. Маяковский говорил, мол, кому я попугайчик, когда никого рядом? Мощное покровительство Леопольду обеспечивал Л. Троцкий, вместе с кем он и стигнул, не оставив после себя ничего, кроме недоброй славы яркого русофоба. Сестра же, став женой Ягоды, впоследствии работала помощником Генерального Прокурора СССР. Узнав об её аресте, в Горьком тут же застрелился начальник УНКВД Матвей Погребинский, ходивший в приближённых Г. Ягоды. Безусловно, столь тесное родство этого палача и изувера с первым председателем ВЦИК обеспечило ему прочное положение в ВЧК-ОГПУ и абсолютную непоколебимость в советской правящей элите тех лет.

Как одного из главных заговорщиков, Г. Ягоду с головой выдаёт весьма примечательная фраза, сказанная им своему помощнику и ближайшему доверенному лицу, секретарю Коллегии ОГПУ П.П. Буланову: «Для осуществления этого переворота нужны будут все средства: и вооружённое выступление, и провокации, и даже яды»¹⁵¹. Входя в круг Я.Б. Гамарника и А.С. Енукидзе, Г. Ягода в деталях знал о заговоре. На банкете по случаю 60-летия М.И. Калинина он с лукавым намёком спросил Тухачевского: «Ну, как дела, главный из борцов?»¹⁵², — давая этим понять о своей полной осведомлённости в тайной деятельности заговорщиков. А во время парада на Красной площади 1936 года, доверительно обращая всё к тому же Тухачевскому, как к своему человеку, глава ОГПУ-НКВД тихо обронил: «В случае надобности военные должны иметь подбросить силы к Москве»¹⁵³. Находясь в центре заговора, Г.Ягода делал всё, чтобы обезопасить его главных участников и, в первую очередь, Тухачевского с Гамарником. Он же инициировал ложные процессы и сводил к частностям отдельные случаи провала участников заговора, чтобы ни в коем случае не поставить под удар его основные звенья и тем более весь заговор. Убийство И.В. Сталина требовало крайней осторожности, потому что такой вопиющий акт террора мог бы вызвать тогда взрыв негодования на фоне «народности сталинской диктатуры»¹⁵⁴, которую отметил А.Фейхтвангер. Он писал в то время, что «Сталин действительно является плотью от плоти народа... Он больше, чем любой из известных государственных деятелей, говорит языком народа...»¹⁵⁵. Поэтому-то и требовалось дезориентировать население слухами о его мнимой болезни, готовя убийство вождя. Но всё что-то никак не получалось, а поэтому надо было по-прежнему неутомимо подрывать строящееся советское здание. Для этого установили контакты с польской разведкой Дефензивой на западе и с японской на востоке, по поводу чего недавно недоверчиво иронизировал в своей телепередаче Генрих Боровик. Правда, уж не ему бы говорить. Но что ни сделаешь, чтобы быть на плаву!

Лично Тухачевский имел широкие контакты с высокопоставленными чиновниками рейхсвера, которые продолжались и с приходом к власти в Германии Гитлера уже с вермахтом. Например, находясь в начале 1936 года в Лондоне на похоронах короля Англии Георга V, кроме встреч с представителями нового главы РОВСа генерал-лейтенанта Е.К. Миллера, он общался с видным немецким генералом Карлом Рудольфом Герд фон Рунштедтом, выясняя у него, где следует готовить открытую границу СССР для будущего германского вторжения. Кроме того, были встречи по пути в Лондон и обратно: советский маршал делал остановки в Варшаве и Берлине. В последнем, кстати, на обратном пути ему была устроена весьма тёплая встреча, несмотря на то, что в это время в Германии разгоралась антирусская истерия. Но какое дело до неё было Тухачевскому, который всегда питал к немцам самые нежные чувства? Вспоминая те дни, генерал Карл Шпальке признавался, что в результате общения с маршалом среди военных рейхсвера появилось много таких, которые «не верили в то, что Сталин сможет удержаться у власти под объединённым напором оппозиционеров»¹⁵⁶.

Кто-то, как всегда следуя глупой наивности, может усомниться, считая это выдумками, злобными наветами на прославленного советского полко-

водца, который верно служил стране и народу и пострадал безвинно из-за злодея И.В. Сталина. Однако, его поведение и действия не оставляют никаких надежд для таких слепых почитателей «российского Бонапарта» или «нашего Бонапартика», как, повторим, называл его Ленин.

Тухачевскому доложили, что комдив Ю.В. Саблин передал польской разведке план Летичевского укрепрайона — ворота в Украину для внешнего врага. Аналогично, комкор М.И. Алафузо, представлявший организационный отдел Штаба РККА, передал германской и польской разведкам данные об авиации, механизированных соединениях, а также сведения об организации ПВО в Белорусском и Киевском ВО. Не отставал от своих сообщников по заговору и сам Михаил Николаевич. Вот как, например, представляла один из самых вопиющих актов его предательства парижская газета «Эхо де Пари», или «Эхо Парижа» 30 августа 1937 года: «...это был изменник... Доверенным лицом у него был доктор Эрнст Ханфштенгль, которому больше всего доверял канцлер Гитлер. Именно Ханфштенглю Тухачевский передал русский мобилизационный план. Ханфштенгль — молодой, чрезвычайно богатый, болтливый человек, открыто похвастался тем, что купил у Тухачевского... С другой стороны, Ханфштенгль вызвал неистовый гнев Гитлера. Для того, чтобы избежать ареста, он вынужден был спешно покинуть Германию. В то время как Тухачевский был расстрелян, Ханфштенгль — приговорён заочно к смерти, а его имущество конфисковано»¹⁵⁷. Именно этот факт постыдного предательства со стороны Тухачевского особенно возмутил И.В. Сталина. Выступая 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны СССР К.Е. Ворошилове, вождь, негодуя, говорил, что Тухачевский передал рейхсверу «святая святых», оперативный план, т.е. документ исключительной важности, доступ к которому крайне ограничен. Как раз, проверив, кто брал этот документ, и установили несомненную причастность и вину Тухачевского.

Нечто подобное произошло и на Дальнем Востоке. В ответ на сегодняшние ухмылки беспринципных боровиков-приспособленцев, способных адаптироваться в любых политических условиях, поподробнее остановимся на негласных контактах с японцами: «В этом заговоре принимал участие и советский посол в Японии К.Ю. Юренев, который был тайным троцкистом с 1926 года. По указанию своих неофициальных руководителей он установил связь с японской разведкой, в чём ему помог друг Троцкого Х. Раковский, бывший посол в Англии и Франции»¹⁵⁸. В сентябре 1934 года Х.Г. Раковский в составе советской делегации выехал в Японию на международную конференцию обществ Красного Креста. С ним был пакет Ю.Л. Пятакова для К.Ю. Юренева. На оборотной стороне обычного делового письма симпатическими чернилами извещалось о полномочиях Х.Г. Раковского в тайных переговорах с японцами. «Через день после приезда Раковского в Токио с ним установил контакт один из японских агентов, который заявил, что цели троцкистского движения «вполне совпадают» с целями японского правительства. Другой японский офицер изложил, какого рода секретную информацию Япония хотела бы получить от троцкистов: данные о состоянии колхозов; железных дорог, шахт и промышленных предприятий, главным образом, в восточных районах СССР. Раковскому сообщили различные коды и шпionские клички для использования при передаче информации. Связным между Раковским и японской разведкой стал доктор Найда, секретарь делегации Красного Креста»¹⁵⁹. А «20 февраля 1937 года токийская газета «Миако» опубликовала отчёт о секретном заседании «плановой и бюджетной комиссии» японского правительства. На этом заседании военный министр генерал Сугияма заявил, что его министерство располагает детальной информацией о пропускной способности Сибирской железной дороги. «В России, — продолжал генерал Сугияма, — есть элементы, находящиеся в оппозиции к нынешнему правительству, и именно от них мы получили эти сведения»¹⁶⁰. Вскоре газета была

оштрафована на крупную сумму за разглашение государственных тайн, а главный редактор был вынужден подать в отставку.

Масштабы заговора и реальная активность его участников вселили в Тухачевского такую уверенность, что он порой забывался. Так, в том же январе 1936 года, возвращаясь с похорон короля Англии, после контактов в Берлине, советский маршал остановился в Париже, где на официальном обеде в советском посольстве... изумил европейских дипломатов открытыми нападка на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Николаем Титулеску, Тухачевский говорил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере, в течение некоторого времени будет принадлежать гегемония на европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех». Слова Тухачевского были дословно записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Э.Шакананом Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. Были и другие свидетели тех немыслимых по вероломству откровений красного маршала. На банкете в советском посольстве в Париже, устроенном в честь Тухачевского, была и известная французская журналистка Женевьева Табуи, автор книги «Меня называют Кассандрой». В ней она рассказала о встрече с советским маршалом: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга VI. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром. Он только что побывал в Германии и рассыпался в похвалах нацистам. Сидя справа от меня, и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставал повторять: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружили голову сердечный приём, оказанный немецкими дипломатами, которым нетрудно было договориться с этим представителем старой русской школы? Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так»¹⁶¹. Обращают на себя внимание не только возмутительные антисоветские откровения Тухачевского, но и крайняя бестактность и невоспитанность хвалёного маршала, выходца из дворянской среды. Дело в том, что Женевьева Табуи оказалась на званом обеде далеко не случайно. Являясь родной племянницей знаменитых французских дипломатов, братьев Поля и Жюль Камбонов, она была своим человеком в дипломатической среде. Кроме того, она выросла в строгой католической семье, настроенной очень националистически. И каково ей было слушать из уст Тухачевского про «старую, конченную...Францию»? Да ещё в её столице!

Поведение красного маршала за рубежом было таким, что западные наблюдатели «считали, что к началу 1936 года Тухачевский потерял всякую осторожность»¹⁶². И надо признать, что потерять её было нетрудно, потому что Тухачевский прекрасно знал громадный размах заговора и его участников, большинство из которых были крупными военными в РККА. Но, пожалуй, больше всего вредил осторожности сам вождь оппозиции. Ненавидя всё патриотическое и национально-русское, Троцкий покинул СССР, лишь укореняясь в своей злобе. Турция, Франция, Норвегия, США и, наконец, Мексика, где известный художник Диего Ривера принял деятельное участие в судьбе изгнанника, которого не хотела иметь у себя ни одна страна. Ривера предоставил в распоряжение Троцкого и его семьи свою виллу на Койоакане, ставшую «белой крепостью» «демона революции» и местом его гибели. Но где бы Троцкий ни находил-

ся, он никогда не терял связи с Россией, отправляя туда свои руководящие директивы для оппозиции, что несло постоянную угрозу для СССР. По директивам Троцкого, например, его старый приятель И.Н. Смирнов стремился «дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов»¹⁶³. Через Пятакова Троцкий требовал «обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией»¹⁶⁴ и говорил «о вероятности отторжения от СССР Украины и Приморья»¹⁶⁵. Примерно в то же время, в 1935-1936 годах, в письме Радеку, он говорил «о необходимости секретного соглашения с германским и японским правительствами». Троцкий писал, что диверсионные акты отныне должны совершаться под прямым «наблюдением немецкого и японского верховных командований»¹⁶⁶, и перечислял уступки, без коих троцкисты не могли надеяться прийти к власти: «...нам придётся уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить её к эксплуатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан, и не мешать Японии в захвате Китая... Неизбежно придётся уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину»¹⁶⁷. Непосредственно Тухачевскому установки Троцкого шли разными путями. Не раз их передавал посредник Владимир Ромм, закордонник ОГПУ-НКВД, работавший в Германии под «крышей» журналиста. Троцкий сообщал через него своему «любимчику», что «активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются»¹⁶⁸. Кроме того, где-то в 1932 году, Троцкий передавал Тухачевскому, что «надеется на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью»¹⁶⁹.

В 1933-1934 годах В. Ромм передал Тухачевскому установку Троцкого, в которой тот «указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства...»¹⁷⁰ Почти одновременно аналогичную установку Троцкого передаёт Тухачевскому и Пятаков, где ставилась та же задача «обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; в частности, Пятаков сказал, что Троцкий ведёт решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерн. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране»¹⁷¹. Осенью 1935 года Тухачевскому поступает ещё одна «весточка» от наставника и покровителя. Ею была записка сына Троцкого, Льва Седова, написанная им от имени отца. Передал её хвалёному маршалу В.К. Путна. Обращаясь к своему протезе, Троцкий «настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развёртывании своей деятельности»¹⁷². Дополнительно В.К. Путна сообщил, «что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом, и что центру антисоветского военно-троцкистского заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии»¹⁷³.

Установить «непосредственную связь» с фашистами для Троцкого не составляло никакого труда, т.к. он и Гитлер были два сапога пара. Они давно симпатизировали друг другу, чему были и свои конкретные предпосылки, помимо германской разведки. Дело в том, что ещё в начале XX века наставник Троцкого, международный проходимец Израиль Лазаревич Гельфанд, больше известный у нас благодаря М. Горькому как

Александр Парвус, подвизался в правительственных кругах кайзеровской Германии с детальным планом разрушения Императорской России и расчленения её на части. Меморандум яркого русоненавистника, который в 1905 году вместе со своим способным учеником Лейбой Троцким провоцировал революционные события в Петербурге, очень приглянулся немцам. Гитлер же положил его в основу своей главной книги «Моя борьба», увидевшей свет в 1925 году. Те же идеи в полный рост и в новой окраске зазвучали в интерпретации талантливого ученика А. Парвуса (Гельфанда) Л. Троцкого в его книге «Моя жизнь», вышедшей из печати в 1930 году. Созвучность её названия с книгой фашистского фюрера не только очевидна, но как бы указывает и на один источник «вдохновения» — Израиля Гельфанда, являя собой, подобно круговороту воды в природе, круговорот антирусской идеи в политической мысли. Несомненно, Лейба Троцкий прекрасно знал книгу Гитлера. Но не меньшего внимания последнего удостоился и его собственный «труд»: «Адольф Гитлер прочитал биографию Троцкого... сразу же по её выходу. Биограф Гитлера Кондрат Гейден рассказывает в своей книге «Дер фюрер», что Гитлер в 1930 году изумил кружок своих друзей неумеренными похвалами «Моей жизни». «Блестяще, — кричал Гитлер своим собеседником, размахивая перед ними книжкой Троцкого, — меня эта книжка научила многому и вас она может научить...». Японская тайная полиция использовала её в качестве принудительного чтения для заключённых в тюрьмах японских и китайских коммунистов, рассчитывая таким образом сломить их боевой дух»¹⁷⁴. Примечательным итогом духовного единства двух фашиствующих лидеров, как установил автор книги «Возмездие», писатель Николай Кузьмин, стало то, что фюрер присвоил в 1934 году своему идейному другу и единомышленнику Троцкому, причём самому первому, звание «почётного арийца! Свыше десяти тысяч таких «арийцев» оказалось в советском плену в качестве захваченных вояк Вермахта Третьего Рейха!

Но вернёмся к заговору. В ответ на это Тухачевский заверил В.К. Путну, как было уже не раз, что «Троцкий может на него рассчитывать»¹⁷⁵. И Троцкий «рассчитывал». В начале 1937 года ещё один его связник, Н.Н. Крестинский, по письменной рекомендации И.П. Уборевича И.В. Сталину, лучший специалист по немецкой армии и Германии, всё время торопил Тухачевского с выступлением. Оно предполагалось ещё в декабре 1934 года, но помешало убийство С.М. Кирова, после которого руководством страны были приняты меры по усилению своей и общей безопасности. В Манифесте IV Интернационала Троцкий писал: «Подготовка революционного низвержения московской касты есть одна из центральных задач IV Интернационала. Это не простая и не лёгкая задача. Она требует героизма и жертв»¹⁷⁶. Имея в виду подрывную деятельность своей оппозиции, главный лжегерой и мракобес писал в 1936 году, «что если Германия развяжет войну с СССР, то ему не избежать поражения»¹⁷⁷. Потеряв ощущение реальности, а с ним и осторожность, Тухачевский и твердил о непобедимости Германии и что Гитлер — спаситель «нас всех», т.е. таких, как он с Троцким. Так что подробности воспоминаний Женевиёвы Табуи настолько красноречивы, что не дают ни малейшего повода для сомнений. Тем более, что с Германией, кроме плена, повторим, Тухачевского сроднил и Рапальский договор. Инициированный Троцким, он был заключён 16 апреля 1922 года в маленьком итальянском городке Рапалло, от которого и получил своё название. С советской стороны его подписал комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин. Германию представлял — министр иностранных дел Вальтер Ратенау. Таким образом, жертвы Версальского договора пошли на взаимовыгодное объединение. Вслед за рапальскими договорённостями последовали секретные соглашения в различных военных сферах. В частности, о сотрудничестве в авиационной области оно было подписано 15 апреля 1925 года. Благодаря этим секретным соглашениям, в Советской Рос-

сии того времени появились немецкие центры: по подготовке лётчиков в Липецке, бронетанковый — в Казани и по использованию химических отравляющих веществ — в Саратове. Каждый из них жил и действовал по-своему. Но как заключают исследователи, «Советский Союз превратился в полигон рейхсвера»¹⁷⁸, что привело к тесному сотрудничеству последнего с РККА, а «птенцы Троцкого» — Якир, Уборевич и многие другие — покатали в Германию осваивать азы военной науки с помощью Клаузевица, Мольтке и других немецких теоретиков вместе с коллегами из германской армии. Последствия этого советско-германского сотрудничества в военной области имели свои ощутимые плоды: «Без Липецка, — считал уже известный нам П.Карелл, — Гитлеру понадобилось бы ещё десять лет для того, чтобы создать современную авиацию»¹⁷⁹. «Чем стал Липецк для военно-воздушных сил, тем Казань стала для танкистов. Здесь, на Средней Волге, были заложены основы бронетанковых дивизий Гудериана, Гепнера, Гота и Клейста...»¹⁸⁰, — добавляет он.

Секретное военное сотрудничество СССР и Германии, курируемое Тухачевским, продолжалось не один год, а точнее, до прихода фашистов: «После прихода Гитлера к власти, отношения с Германией резко изменились, — свидетельствовал маршал Советского Союза А.М. Василевский. — Немецкие военные учебные центры на нашей территории были ликвидированы, отношения становились всё более враждебными»¹⁸¹. Так гениальное предвидение будущих событий на политической карте мира и Европы твёрдой рукой И.В. Сталина разрывало трогательно-нежную дружбу троцкистских военных заговорщиков с коллегами в Германии. В ноябре же 1939 года, в беседе с А.М. Коллонтай, вождь однозначно скажет, что надо готовиться к отпору в грядущей войне с Гитлером, а в 1940-м, в узком доверительном кругу самых близких людей, с поразительной точностью назовёт участников будущей антигитлеровской коалиции.

В отличие от И.В. Сталина бездарный полководец, такой же стратег и теоретик, кровавый бездушный каратель и палач Тухачевский говорил совсем другое: «Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической»¹⁸², «...территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий»¹⁸³, — упрямо твердил этот хваленый военный «гений». В общем «...картина, нарисованная Тухачевским, представляет собой полную противоположность тому, что было в СССР 1941 года в действительности»¹⁸⁴. Дружно возражая И.В. Сталину, видевшему главную угрозу для страны с запада, от Германии, военные заговорщики всячески настаивали на дальневосточных рубежах, называя их приоритетными. И именно Тухачевский навязал нам ложную доктрину войны малой кровью на чужой территории, которая с треском провалилась в первые же дни Великой Отечественной. И в то время, когда вся страна, все её многочисленные народы с энтузиазмом включились в масштабную работу по созданию собственной индустрии, могучей державы, Тухачевский активно искал себе союзников в борьбе с И.В. Сталиным. С этой целью ему была устроена тайная встреча с главой РОВСа генералом А.П. Кутеповым. Она состоялась с помощью ОГПУ в 1929 году, в Париже. Тухачевского сопровождал генерал Потапов, тоже находившийся на службе у Советов. Позднее он аналогично пытался установить связь с преемником А.П. Кутепова, генералом Е.К. Миллером. Сближению с А.П. Кутеповым невольно помешал сбежавший в 1927 году из России чекист, полиглот, знаток 14-ти языков. Эдуард Опперпут, который, до встречи Тухачевского с главой РОВСа, рассказал, что «Трест» — является блефом, хитрой ловушкой ОГПУ. После этого, естественно, у эмиграции возникло устойчивое недоверие к любым визитёрам из Советской России. Поэто-

му А.П. Кутепова не поверил Тухачевскому. Общение с последним дорого обошлось обоим генералам, руководителям РОВСа. Чтобы обезопасить Тухачевского, как главу военного заговора в СССР, от случайного провала и ненужных свидетелей, того и другого выкрали. А что оставалось делать, раз попытка троцкистской оппозиции наладить контакты с белогвардейским движением против Сталина потерпела неудачу?! В свою очередь, похищение А.П. Кутепова показало, что он ни о чём не договорился с Тухачевским, который в то время был весьма влиятельным лицом в военной иерархии СССР, и была разработана операция по его похищению, — заключают исследователи.

Похищение готовилось больше года с момента непосредственного и неудачного общения Тухачевского и первого главы РОВСа. Дерзкая по замыслу и исполнению операция состоялась 26 января 1930 года. А.П. Кутепова выкрали прямо в центре Парижа, когда генерал мирно направлялся в церковь. В операции участвовала целая группа закордонников ОГПУ. Среди них были — Гольдштейн, муж и жена Яновичи, Аренс, Гельфанд, Эльберт и другие. Всех их вскоре назовёт сбежавший на запад сотрудник советского полпредства Г.Беседовский (Ванштейн). Но шустрые парижские газетчики поразительно быстро выяснят многие обстоятельства этого преступления и сами. Поэтому столичные газеты вскоре запестрят интригующими заголовками с фотографиями исполнителей и жертвы. «Фигаро», например, на первой полосе дала крупные портреты супругов Яновичей, упоминавшихся выше сотрудников советского полпредства в Париже, а на самом деле опытных закордонников ОГПУ. Текст под ними предписывал: «Каждый честный французский гражданин, встретив этих международных авантюристов, обязан дать о них знать ближайшему ажану»¹⁸⁵. Помещённый там же фельетон «Какого же цвета был серый автомобиль?», обвинял чету Яновичей в похищении генерала А.П. Кутепова.

Под именами Владимира Борисовича и Александры Осиповны Яновичей в Париже тогда работали сотрудники ОГПУ — Захар Ильич Волович, он же Николай, он же Вилянский и т.д. и его жена, в девичестве Фаня Вольнская. Он заправляя Парижским подразделением ОГПУ, она же была его правой рукой во всех совершенно секретных делах: вела оперативные учёты, финансы, шифровала сообщения в Москву. Зоря, как звали Захара Ильича в своём кругу, в Гражданскую — комиссар полка, был матёрым закордонником и до Парижа представлял интересы ГПУ в Константинополе и Праге. При этом мало кто знает, что в Париже 1930-го года было осуществлено двойное похищение: сначала с центральной улицы французской столицы похитили русского генерала А.П. Кутепова, а потом из тюремной больницы — жену З.И. Воловича, Фаню, потому что она сразу же после похищения главы РОВСа оказалась за решёткой. По поводу этих похищений Л.Эльберт, побывавший до Парижа с такой же тайной миссией в Афинах, ехидничал в редактируемом Михаилом Кольцовым (Фридляндом) «Огоньке» над начальником парижской полиции: «Никаких виолончелей. После дела Кутепова вас погонят из полиции, господин Кияпп!»¹⁸⁶ Этой торжествующей фразой Лев Гилярович заканчивал свой небольшой очерк в знаменитом советском журнале.

По официальной версии А.П. Кутепов скончался на пароходе, на подходе к Новороссийску. Но вероятнее всего он был устранён физически. Эту мысль невольно навевают «скромные» ответы всё того же Лёвы Эльберта. Когда его полушутливо спрашивали в своём кругу:

— Признайтесь, Лёва, что вы украли Кутепова?

— Ну, что вы!.. Разве я похож на убийцу? — неизменно отвечал он, разыгрывая лёгкое смущение.

Как бы там ни было, общение с Тухачевским стоило жизни обоим руководителям РОВСа, т.е. двум виднейшим генералам белой эмиграции. Но был и третий, о котором чуть позже.

Как уже говорилось, возвращаясь с похорон короля Англии Георга V, Тухачевский проезжал Берлин, где, пользуясь случаем, вёл переговоры с видными представителями немецкого генералитета. «Он хотел, — пишет П.Карелл, — получить гарантию, что Германия не воспользуется революционными потрясениями в Советском Союзе в качестве предлога для того, чтобы начать поход на Восток. Самым главным для него была идея российско-германского союза после свержения Сталина»¹⁸⁷. В то же время, по глубокому убеждению П.Карелла, сведения о готовящемся заговоре военных уже давно стали известны НКВД. Тухачевский «отложил переворот на три недели, — говорит всё тот же П.Карелл. — Это было его роковой ошибкой»¹⁸⁸. Однако западногерманский историк сокрушался совершенно напрасно. При столь впечатляющих масштабах антисоветского заговора сохранить его в абсолютной тайне было совершенно невозможно. И сведения о нём непрерывно поступали из самых разных источников. Но вначале необходимо отвергнуть полностью надуманную версию о компрометации Тухачевского Берлином через президента Чехословакии Эдуарда Бенеша. Якобы через него передали сфабрикованное дело на советского маршала. Именно этой ложью оперировал на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущёв. Он врал, потому что прекрасно знал, что никакого дела в природе не существовало. Но кого и чего ему было тогда бояться?! Шёл 1961 год, а с внутрипартийной оппозицией он покончил ещё летом 1957-го, объявив «антипартийной группой» В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других. Истинная же история с Э. Бенешем носила совсем другой характер. Чехи вели довольно успешные переговоры с фашисткой Германией о налаживании дружеских, добрососедских отношений. Вдруг, совершенно неожиданно для них, переговоры приостановились в одностороннем порядке. Теряясь в догадках, обеспокоенный Э.Бенеш даёт поручение своему посланнику в Берлине В.Мастны выяснить причину прекращения переговоров со стороны немцев. 9 января 1937 года последний сообщил в Прагу: «Действительной причиной решения канцлера о переносе переговоров является его предположение, основывающееся на определённых сведениях, которые он получил из России, что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры»¹⁸⁹. 20 марта 1937 года В. Мастны новой телеграммой на имя министра иностранных дел Камилла Крофте повторил эту информацию. Располагая ею, а не выдуманными немецкими папками с компроматом на Тухачевского, Э. Бенеш стал ждать и молчал до июля 1937 года. Только тогда он поделился своей скромной информацией с советской стороной, ни словом не обмолвившись о Тухачевском! Да, собственно говоря, советское руководство и не нуждалось тогда ни в каких дополнительных услугах случайных посредников: «Мы и без Бенеша знали о заговоре, нам даже была известна дата переворота!»¹⁹⁰, — спустя годы признавался В.М. Молотов писателю Феликсу Чуеву. И Вячеслав Михайлович не лукавил, как некоторые, а говорил чистую правду.

В январе 1937 года И.В. Сталин получил письмо от собкора «Правды» в Берлине А. Климова, в котором тот сообщал, что в белоэмигрантских кругах за рубежом открыто циркулируют слухи о готовящемся военном перевороте в СССР и о связи немецких правящих кругов с руководством Красной Армии и лично с Тухачевским. 16 марта 1937 года полпред СССР во Франции В.П. Потёмкин шлёт телеграмму в Москву И.В. Сталину, В.М. Молотову и М.М. Литвинову, в которой сообщает о своей беседе с министром обороны Франции Эдуардом Даладье: «Из якобы серьёзного французского источника (разведки — В.Ц.) он недавно узнал о расчётах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством и из русских эмигрантских кругов...»¹⁹¹.

«...полпред очень сдержанно оценил французские данные, хотя, конечно, основной адресат Потёмкина — Сталин — вряд ли нуждался в комментариях»¹⁹², — замечает исследователь. В апреле всё того же 1937 года о военном заговоре в РККА доложил И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову начальник Главного разведуправления РККА комкор С.П. Урицкий. К Генсеку ЦК ВКП(б) действительно стекалось море подобной информации со всех сторон. Достаточно сказать, что только на ознакомление с данными разведки, по признанию В.М. Молотова, уходило до половины рабочего дня! Это к тому, как лукавая пресса спекулятивно играла на сообщениях из Японии Рихарда Зорге, обвиняя И.В. Сталина в том, что он де не послушал перед войной выдающегося советского разведчика. Несостоятельность таких обвинений вождя более чем очевидна хотя бы потому, что кроме сообщений о сроках начала войны была объемная информация, их отрицающая. Что же касается «22 июня», то И.В. Сталин знал о нём из шести разных источников, придавая всю серьезность этим сообщениям. Поэтому не случайно в канун войны в войска последовала директива Генштаба о приведении их в состояние повышенной боевой готовности. На флоте она действовала уже с 19 июня 1941 года! Выполнили её почти везде и в войсках. Один только оплакиваемый протеже И.И. Уборевича командующий Белорусским ОВО или Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов допустил преступную беспечность, потеряв, вдобавок, управление войсками, потерявшись и сам так, что его надо было искать. Но не только за это он был расстрелян вместе с начштаба генералом В.Е. Климовских.

Что касается заговора военных в СССР накануне Великой Отечественной войны, то с ним-то как раз всё ясно. Его питательной средой была огромная масса ставленников Троцкого в РККА, пропитанная одним духом ненависти к И.В. Сталину и строящейся им державе. Причём, она не очень-то осторожничала в своём круту, что вело к неперенной утечке секретнейшей информации. Немаловажную роль в разоблачении заговорщиков сыграла и глубоко законспирированная агентура, с частью которой работал и сам И.В. Сталин, из-за чего, в частности, в числе последних потерял доверие вождя и его неизменный секретарь А.Н. Поскребышев. Поразительно высокий уровень оперативной, а, значит, неафишируемой осведомлённости Иосифа Виссарионовича неудивителен, если учесть, что даже под боком у немецкого посла, графа фон Шуленбурга, очень эффективно действовал ценнейший агент ГРУ «ХВЦ» или сотрудник германского посольства Герхард Кёгель, обеспечивавший советское руководство редкостной информацией из первых рук. Он и другие источники оперативной информации в Германии, работавшие на Советский Союз, и позволили сегодня писателю и историку В.М. Жухраю, автору интересных книг о вожде и о том времени утверждать, что для И.В. Сталина секретов в фашистской Германии не было, чего не скажешь о немцах.

Исключительную ценность для СССР представляли негласные сотрудники во враждебной белоэмиграции. А их было немало. Наиболее известным является Н.В. Скоблин. ОГПУ склонило его к сотрудничеству в 1930 году. По секретным учётам он проходил как «Фермер». Николай Владимирович стал генералом в 27 лет. Командовал Корниловской дивизией. Был своим человеком в белоэмиграции. Знаком был с Тухачевским и даже выполнял его секретнейшее поручение. Оно заключалось в деловой встрече с В.К. Путной в Лондоне. Встреча состоялась в июле 1936 года под прикрытием жены Н.В. Скоблина, известной русской певицы Надежды Плевицкой. Последняя официально выступала с гастролями в Англии, а муж занимался своим делом: «...пока Плевицкая пела, Скоблин в доме титулованной дамы вёл тайные переговоры с Путной. Сподвижник Тухачевского, информированный троцкистской разведкой о том, кто такой Скоблин, считал его своим и был с ним полностью откровенен, поведав о том, что власти Сталина скоро конец, что вожди Красной Ар-

мии сговорились между собой и в недалёком будущем в России грядёт установление военной диктатуры...»¹⁹³. Факт этой встречи не ускользнул от внимания хорошо информированной эмигрантской прессы: «В заметке «Встреча Скоблина с Тухачевским и Путной» газета «Возрождение» писала 5 ноября 1937 года: «Путна был весьма близок к Тухачевскому, и последний, очевидно, вошёл в сношение со Скоблиным с его ведома и согласия... Путну, как известно, арестовали значительно раньше Тухачевского. Легко предположить, что чекисты, осведомлённые Скоблиным о его встрече с Путной и о переговорах, которые он с ними вёл, добились от Путны признания. Затем произошли расправы с Путной, Тухачевским и всеми другими генералами, которые действовали с ними заодно. Путна выдал Тухачевского»¹⁹⁴.

В свете этого более чем странно, с какой стати Г.Боровик «оплакивает» чекиста Орлова (Дейча), расстрелянного, как он говорит, под звук работающего двигателя автомашины на Лубянке! Ведь Орлов (Дейч) работал в Англии у Путны, являвшемся там военным атташе Советской Республики и... одним из главных военных заговорщиков, вина которых была более чем доказана. «2 июля 1937 года газета «Последние новости» опубликовала заметку «От СССР — к России. За что расстреляны Тухачевский и другие». «По имеющимся в Париже совершенно бесспорным сведениям, — писал автор, — целыми заговора были свержение диктатуры Сталина, отказ от коммунизма, уничтожение установленного Сталиным режима и переустройство СССР в построенное на национальных основах федеративное государство, которому снова должно быть присвоено историческое имя Россия. На первое время до полного успокоения должна быть установлена военная диктатура во главе с Тухачевским. В области социальной заговорщики предполагали восстановить мелкую крестьянскую собственность, но сохранить в руках государственную национализированную крупную промышленность...»¹⁹⁵. Н.В. Скоблин и стал тем третьим генералом, после Е.К. Миллера, устранённым ОГПУ из-за общения с Тухачевским. Тихую ликвидацию ставшего опасным в связи со сменой руководства ОГПУ-НКВД ценнейшего агента ИНО залегендировали под бомбёжку Барселоны, на которую ссылается и генерал П.А. Судоплатов. Спустя три года, так же загадочно погибла и Н. Плевицкая, будучи арестованной за похищение генерала Е.К. Миллера.

К сожалению, в числе многочисленных заслуг «Фермера» было и предостережение «готовящегося Миллером, Драгомировым, Харжевским и Фоссом убийства Троцкого»¹⁹⁶, черепу которого пришлось ждать до 20 августа 1940 года альпенштока (альпинистского ледоруба — В.Ц.) испанца Рамона дель Рио Маркадера, получившего за это звание Героя Советского Союза и тихо покоящегося на знаменитом Новодевичьем кладбище Москвы. Именно он блестяще завершил спецоперацию «Мать» по физическому устранению гнусного «демона революции». Правда, у последнего был хороший шанс погибнуть в ходе реализации аналогичной спецоперации «Конь», проведённой чуть раньше, в мае месяце того же 1940 года. Тогда «белую крепость» Троцкого Койоаукан в Мексике вместе с друзьями изрешетил пулями знаменитый мексиканский художник-монументалист Альфаре Сикейрос. Он, бедный, забыл, что автомат — не кисть, и при стрельбе его ствол поднимается вверх. Зато это хорошо знал Троцкий, вжавшись с женой и внуком в пол за дубовым столом, что и сохранило ему жизнь ещё на несколько месяцев до рокового августа.

В распоряжении И.В. Сталина находилась уникальная информация о заговоре советских военачальников во главе с Тухачевским и из парижского кружка бывшего депутата IV-й Государственной Думы, а в последующем — военного и морского министра Временного Правительства А.И. Гучкова, работавшего на немецкую разведку генерала Бредова, а после его гибели — на гестапо Генриха Мюллера. В недрах этого кружка работала на Москву дочь самого А.И. Гучкова, о чём не знал даже

упломявшийся ранее генерал В. Кривицкий. Как раз ему в мае 1937 года в Москве возбуждённо говорил заместитель наркома Н.И. Ежова М.П. Фриновский: «Мы только что раскрыли величайший заговор в армии, заговор неслыханный во всей истории!»¹⁹⁷. В конце 1937 года, испугавшись массовых арестов военных заговорщиков в СССР, генерал В.Кривицкий попросил политического убежища в США, где «в мае 1939 года в интервью одной американской газете он заявил, что в гучковском кружке были оригиналы всех документов, которые Сталин использовал против заговорщиков»¹⁹⁸. «Не возникало тогда сомнений и в том, что в руках Сталина находились неопровержимые доказательства виновности генералов-заговорщиков»¹⁹⁹. По мере поступления оперативной информации о заговоре военных и под нажимом И.В. Сталина Г. Ягоде пришлось вынужденно, скрипя сердце, приступить к негласной разработке отдельных заговорщиков в рамках дела оперативного учёта «Клубок». Однако, по вполне понятным причинам, он не проявлял ни активности, ни наступательности в негласном документировании преступной деятельности видных троцкистов из среды политических деятелей и военных для их скорейшего изобличения и обезвреживания. Этого следовало ожидать, ибо ещё «в 30-х годах из Германии по каналам внешней разведки НКВД стало известно, что в Красной Армии зреет заговор во главе с генералом Торгуевым. Выяснилось, что под этой фамилией ездил инкогнито в Германию 1931 года Тухачевский, но... когда наркому внутренних дел Г. Ягоде доложили эту информацию, он приказал сдать её в архив»²⁰⁰.

Для того, чтобы обезопасить ряды военных заговорщиков, начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник и начальник Управления по учёту её командных кадров Б.М. Фельдман «изобрели» так называемый «особый учёт», куда стали определять по самым вольным мотивам командный состав РККА, лояльный руководству вооружённых сил страны и лично к И.В. Сталину. С пресловутой пометкой «О.У.» были уволены из РККА К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов и многие другие военачальники и командиры. В то же время ведомство Г.Ягоды, руководствуясь пометкой об «особом учёте», проводило массовые аресты командных кадров и уголовное преследование их с использованием всевозможных жестокостей: они же были чужими. А потому их нещадно избивали, вымогая нужные показания, а по признанию К.А. Мерецкова, управлялись прямо на голову. Да и о какой активности Г. Ягоды в деле разоблачения подлинных преступников можно было говорить, когда другая связка: Г.Ягода — А.Енукидзе и Я. Гамарник, представляла тогда смертельную угрозу в первую очередь для самого И.В. Сталина? Кстати, он вскоре подверг резкой критике порочную практику массовых увольнений из армии, высказав серьёзные замечания в адрес К.Е. Ворошилова и его помощников. В результате, уже к январю 1938 года 11 тысяч уволенных командиров были возвращены в войска. Многие из них вернулись туда прямо из заключения. Конечно, деятельность Г. Ягоды в создавшихся условиях не могла удовлетворять руководство страны и лично И.В. Сталина. Поэтому последовало решение о его замене на посту наркома внутренних дел СССР: «Вечером 25 сентября 1936 года из Сочи Сталин и Жданов послали Кагановичу, Молотову, Ворошилову и Андрееву шифровку за № 1360/ш о необходимости замены Ягоды», который «явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года...»²⁰¹ На место Г.Ягоды предлагался секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов с оставлением его в этой должности и в качестве председателя Комиссии партийного контроля ЦК, что указывало на чрезвычайную важность этого назначения и неизмеримо поднимало роль нового наркома и наркомата внутренних дел СССР в целом, значительно облегчало и расширяло их возможности в борьбе с врагами советского строя и страны в то крайне опасное для них время.

Н.И. Ежова принято малевать только чёрными красками, представлять его в виде ужасного страшилища и кровавого злодея. Причём фальсификаторов и ненавистников нашей истории можно понять. Но совершенно непонятно, как в эту крайность впадают, в общем-то, патриотически настроенные и объективные исследователи. Думается, что здесь много несправедливости, и что последние напрасно подпевают чужим, враждебным нашей Родине голосам. По совести говоря, Н.И. Ежов стал жертвой того страшного времени, выполнив тяжелейшую, можно сказать, непосильную задачу. Она-то и стала виновницей непрекращающейся клеветы на сталинского наркома, из которого сделали пугало на всё оставшееся время. Причем, как всегда искусственно, выдавая белое за чёрное и наоборот! «Чекисты знали жестокость Ежова»²⁰², — живописует Владимир Некрасов, автор очень лукавой книги «Тринадцать железных наркомов», как будто Николай Иванович до этого дни и ночи палачествовал в подвалах ВЧК-ОГПУ. Особенно поусердствовал в этом направлении червонный казак Илья Дубинский, вдохновлённый на писательский труд печально знаменитой хрущёвской «оттепелью». «В витринах магазинов, на афишных щитах, на стенах вокзалов висел жуткий плакат: «Ежовые рукавицы». Героем дня стал карлик телом и душой, жестокий садист Ежов»²⁰³. Многие авторы будто бы сговорились в тождестве уничтожающих характеристик Н.И. Ежова. Ну, дубинских понять можно и ждать от них объективности не приходится. Но зачем, повторим, им подпевают и вроде бы трезвомыслящие авторы, не склонные к надуманным обвинениям? Дело в том, что ложь, тем более изощрённая, очень ядовита. И, как известно, отравления с трудом поддаются в медицинской практике. Ещё труднее они врачуются в отравленном сознании людей. Если же серьёзно поразмыслить, обратиться к конкретным фактам, то всё очень быстро встаёт на свои места. Потому что вовсе не в ежовские времена произвол ВЧК отличался исключительной жестокостью и откровенным садизмом в отношении широких слоёв населения Росси. Далеко не при Н.И. Ежове сажали на кол ни в чём неповинных людей, пилили им живым кости, так же с живых сдирали кожу, вырезали звёзды, забивали гвозди в голову и прибывали ими к плечам погоны. Не при Н.И. Ежове изобрели так называемое «революционное причастие», т.е. вливали в рот жертвы расплавленное олово. Не при нём катали несчастных в бочках, утыканных гвоздями. И не «ежовские рукавицы» расплющивали тысячам жертв «красного террора» головы, отрезали им половые органы. Всё это, вызывавшее восторг у Л.Троцкого, вытворялось на нашей земле до Н.И. Ежова. При его предшественниках — «железном Феликсе» Дзержинском, В.Р. Менжинском и Г.Г. Ягоде, который сыпал угрозами даже из-за решетки.

Сам прирождённый русофоб и циник Ф.Э. Дзержинский прекрасно знал цену своему аппарату. В 1923 году он по-приятельски говорил Карлу Радеку, которого по странному недоумению причисляют к выдающимся деятелям русского и немецкого рабочего движения, а не к отпетым проходимцам: «Только святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня и я остаюсь с негодьями»²⁰⁴!!! Роль этих «негодяев» предельно ясно была определена в не менее циничном откровении В.Р. Менжинского Г.В. Чичерину: «ОГПУ обязано знать всё, что происходит в Советском Союзе, начиная от Политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей»²⁰⁵. Не случайно, как В.Р.Менжинский, так и Г.Г. Ягода подолгу, порой годами, игнорировали коллегиальные решения руководства страны, инициированные И.В. Сталиным! Нам всячески рисуют последнего безраздельным диктатором, а в действительности он сам-то находился под колпаком ОГПУ, почему весь 1937 год троцкисты чуть ли не ежедневно ждали его смерти. Разумеется, насильственной. Поэтому абсолютно прав генерал П.А. Судоплатов, сказавший по этому поводу: «Жизнь показала, что ненависть Сталина и руководителей ВКП(б)

к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть была оправданной...»²⁰⁶ К сожалению, ОГПУ было напичкано далеко не «политическими перерожденцами», а конкретно определёнными людьми, которые составляли подавляющее большинство в главном карательном ведомстве страны, во многом действовавшем бесконтрольно. «С уходом Ягоды и его ближайшего окружения из НКВД и приходом туда Ежова ситуация в органах мало чем изменилась. Она и не могла измениться — ведь аппарат остался тот же»²⁰⁷, о чём в первую очередь говорил его зам М.П. Фриновский, бывший «ягодинский любимец»!

Вопреки навязываемому мнению, Н.И. Ежов был крупным государственным и партийным деятелем советского государства сталинской эпохи и абсолютно честным человеком, сам став невинной жертвой того сурового времени. Возглавив НКВД в период острой борьбы с громадной троцкистской оппозицией, процессы над которой начались с разматывания «Клубка» ещё при Г. Ягоде, он резко изменил направление работы карательного ведомства, сосредоточив все его усилия и возможности на борьбу с главной опасностью, грозившей государству. Кроме того, по существу только с Н.И. Ежова НКВД, являясь прямым наследником ВЧК и ОГПУ, стал утрачивать своё надгосударственное положение, которое ему было присуще с Ф. Дзержинского до Г. Ягоды, и постепенно входить в подчинённое положение партии и служить интересам государства и социалистического строительства. Но есть и ещё одно очень важное и тщательно замалчиваемое обстоятельство, которое по существу и решило трагически судьбу сталинского наркома. На одном из крупных оперативных совещаний наркомата Н.И. Ежов впервые поставил перед руководителями его отделов и служб небывалую задачу — борьбы с сионизмом. Такого ещё эти очень специфичные органы — ВЧК, ОГПУ и НКВД — отродясь не знали, да и знать не могли по многим причинам, которые нетрудно увидеть невооружённым глазом, обратившись к кадрам, поступившим под начало нового наркома. «В середине 30-х годов видными работниками ОГПУ-НКВД, — пишет писатель Станислав Грибанов, — считались: Л. Залин, М. Трилиссер, Л. Мейер, З. Кацнельсон, Ф. Курмин, Л. Вуль, С. Розенберг, А. Минкин, Ф. Кац, А. Шапиро, Л. Шпигельман, М. Патер, Н. Френкель, С. Гиндин, А. Дорфман, М. Берман, В. Зайдман, Я. Вольфзон, Я. Дымент, Г. Абрампольский, И. Вейцман, М. Вейцман, Б. Гинзбург, В. Баумгарт, Е. Володарский, А. Абрамович, А. Ванштейн, Л. Кудрик, М. Лебель, И. Путилик, К. Гольдштейн, М. Госкин, М. Курин, М. Иезуитов...»²⁰⁸ К ним необходимо добавить заместителя Г. Ягоды Янкея Шевелева Шмаева Агранова, уроженца местечка Чечерск Рогачёвского уезда Гомельской губернии. Сына владелицы бакалейной лавки Хаи-Иты Аграновой, урождённой Файншмид. Это «кровавейший следователь ВЧК Яков Агранов, — пишет о нём писатель Роман Гуль, — эпилептик с бабьим лицом, не связанный с Россией выходец из Царства Польского, ставший палачом русской интеллигенции. Он убил многих известных общественных деятелей и замечательных русских учёных: профессора Тихвинского, профессора Волкова, профессора Лазаревского, Н.Н. Щепкина, братьев Астровых, К.К. Черносвитова, Н.А. Огородникова и многих других. Профессора В.Н. Таганцева, не желавшего давать показания, он пытал, заключив его в пробковую камеру, и держал его там 45 дней, пока путём пытки и провокации не добился нужных показаний. Агранов уничтожил цвет русской науки и общечеловечности, посылая людей на расстрел за такие вины, как «по убеждениям сторонник демократического строя» или «враг рабочих и крестьян» (с точки зрения убийцы Агранова). Это же кровавое ничтожество является фактическим убийцей замечательного русского поэта Н.С. Гумилёва...»²⁰⁹ и В.В. Маяковского, добавим мы! Известный в кругах ОГПУ как Яков Саулович Агранов, а в литературоведении — Сорендзон, дошёл до самого верха, став в ОГПУ вторым после Г. Ягоды и комиссаром государственной безопасности 1-го ранга. Они и жили-то вместе, занимая весь второй этаж

прекрасного старинного особняка по улице Мархлевского Москвы. Чтобы скрыть подлинное происхождение этого отпетого палача и изувера, Юлиан Семёнов (Ляндрес) в начале 80-х годов минувшего века в явно заказном постыднейшем пасквиле «Версия-4» использовал весь свой литературный талант, превращая негодяя Янкеля в благообразного поляка Янека, закадычного друга великого поэта. Но, как говорится, чёрного кобеля не отмоешь до бела. Так и с кровавым садистом Аграновым: неоднократные обращения дочери палача о его посмертной реабилитации пока, слава Богу, остаются без удовлетворения.

В этом списке нет и парикмахера из Будапешта К.В. Паукера. Поданный Австро-Венгрии, он угодил на фронт Первой Мировой. Там попал в русский плен. И прямо из него совершил невероятный прыжок в главный карательный орган Советской Республики. Да не куда-нибудь на периферию, а в центральный аппарат! К концу своей удивительной чекистской карьеры необыкновенный парикмахер стал начальником оперативного отдела ОГПУ, ответственным за охрану высших руководителей страны. На этом высоком государственном посту он вместе с Г. Ягодой, Я.Гамарником и А.Енукидзе вынашивал планы убийства И.В. Сталина. Общими усилиями они предусмотрели четыре варианта задуманного. Кстати, К. Паукер не одинок в своей сногшибательной карьере. Точно такой же путь повторил другой, 33-летний австриец Отто Штейнбрюк. Он возглавил одно из подразделений центрального аппарата ОГПУ на Лубянке. В заместители к О. Штейнбрюку призвали ещё одного пленного австрийца, Карла Салли. И снова невероятный прыжок из русской неволи прямо в верхотуру ВЧК-ОГПУ! И это были не случайности, а продуманная до мелочей система подбора нужных кадров карателей для подавления сопротивления русского народа. В помощь многочисленным паукерам и штейнбрюкам в ВЧК-ОГПУ для выполнения чёрной работы мобилизовались солидные по численности отряды латышей, венгров, румын, китайцев и других кровавых наёмников мирового интернационала, всегда ратовавшего за свободу произвола. Отсюда пытки, применявшиеся «доблестными» чекистами времён «благородного» Феликса и его наследников к своим жертвам, не поддаются человеческому осмыслению. Это была подлинная вакханалия нелюдей: «У каждого провинциального отдела «Че-Ка» были свои излюбленные способы пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки»²¹⁰. «В Воронеже сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали, выжидали на лбу пятиконечную звезду..., а священникам одевали венки из колючей проволоки»²¹¹. «В Царицыне и Камышине пилили кости пилой»²¹². «В Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Полтаве таким образом были посажены на кол 18 монахов и сожжены на колу восставшие крестьяне»²¹³. «В Екатеринославе распинали и добивали камнями»²¹⁴. «В Одессе офицеров жарили в печи и разрывали лебёдками пополам»²¹⁵. «В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо, потом через полчаса откапывали»²¹⁶. «В Екатеринодаре, например, пытки производились следующим образом: жертва растягивается на полу застенка. Двое дюжих чекистов тянут за голову, а двое за плечи, растягивая таким путём мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьет тупым железным орудием, чаще всего, рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идёт кровь. Жертва терпит невероятные страдания... В одиночной камере истязали учительницу Домбровскую за то, что наши у неё чемодан с офицерскими вещами, оставленными случайно приехавшим офицером, её родственником... Её предварительно изнасиловали, а потом пытали. Насиловали по старшинству чина. Первым насиловал чекист Фридман, затем остальные. После её подвергли пыткам, допытываясь, где у неё, якобы, спрятано золото. Сначала у голой надрезали тело ножом, затем железными щипцами, плоскогубцами отдавливали конечности пальцев... вечером её расстреляли»²¹⁷.

Имена чекистских палачей и садистов были общеизвестны и вселяли нечеловеческий ужас в жителей всех окрестностей. В Вологде, а затем в Архангельской губернии, например, свирепствовала чекистка Ревекка Майзель, бывшая фельдшерица и жена видного чекиста Кедрова. В Вологде она лично расстреляла более 100 человек. Но ещё шире чекистка-палач развернулась в Архангельске. «Газета «Голос России» в 1922 году сообщила, что Майзель-Кедрова расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателей, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера»²¹⁸. В Одессе её юная коллега Дора Евлинская, которой не было даже и двадцати лет от роду, лично, не дрогнувшей рукой, расстреляла 400 офицеров царской армии. Сохранилась фотография этого палача-чудовища из мрачного Одесского ЧК, донося до нас образ чело-веческих нелюдей, которых родники маниакальная ненависть ко всему русскому. И эти страшные картинки чекистских «будней» творились повсеместно. Огромное их количество потом было представлено между-народному суду в Лозанне, где выступали многочисленные свидетели преступных злодеяний ВЧК в России после 1917 года. Только «Таймс» в марте 1922 года сообщила о гибели «28 епископов, 215 священников, 6775 профессоров и учителей, 8800 докторов, 54 650 офицеров, 260 000 солдат, 10 500 полицейских офицеров, 48 500 полицейских агентов, 12 950 помещиков, 355 250 представителей интеллигенции, 193 350 рабо-чих, 815 000 крестьян»²¹⁹. И это только в одном районе страны, где рабо-тала Комиссия генерала А.И. Деникина! Чекистами же количество этих преступлений всячески занижалось. Например, Лацисом.

Деяния «солдат Дзержинского» и его соратников типа Ягоды были на-столько вопиющи, что рабочий Скворцов, принимавший участие в об-следовании Госполитуправления в начале 1923 года в качестве ревизора правительственной Комиссии, не выдержав ужасных реалий, застрелил-ся, оставив кричащее письмо к чекистам: «Товарищи! Поверхностное знакомство с делопроизводством нашего главного учреждения по охра-не завоеваний трудового народа, обследование следственного материа-ла и тех приёмов, которые сознательно допускаются нами по укрепле-нию нашего положения, как крайне необходимые в интересах партии... вынудили меня уйти навсегда от тех ужасов и гадостей, которые при-меняются нами во имя высоких принципов коммунизма и в которых я бессознательно принимал участие, числясь ответственным работни-ком Компартии. Искушая свою вину, я шлю вам последнюю просьбу: опомнитесь, пока не поздно...»²²⁰. Конечно, среди чекистов имелись и честнейшие люди, которым были совершенно не свойственны звериная психология и дела палачей русского народа. Например, в числе близ-ких друзей В.В. Маяковского был порядочнейший человек и профес-сиональный чекист Валерий Михайлович Горожанин. А другой, такой же честный чекист, рискуя собственной жизнью, спас от верной гибели М.А. Шолохова, чего добивался крупный деятель Ростовского Губчека Коган. Но это были лишь редкие проблески в море палаческого безза-кония ВЧК-ОГПУ при Дзержинском-Менжинском и Ягоде. Вот куда по-пал сугубо кабинетный аппаратный работник ЦК ВКП(б) и его секретарь Н.И. Ежов, ведавший там кадрами.

Ясно, что решать многие задачи наркомата с такой «гвардией» было никак не возможно. Требовалась серьёзная чистка аппарата, полный пересмотр и ревизия деятельности ведомства, на что не было ни вре-мени, ни сил. «В целом, 325 чекистов Ягоды были расстреляны или по-сажены во внутреннюю тюрьму»²²¹, — причитает В.Некрасов. «Ежов положил руку, — продолжает он с рыданиями, — и на самых близких друзей своего предшественника: его первого помощника, старого че-киста Прокофьева, Лурье, Островского, Фельдмана, барона Стейгера (доверенное лицо Ягоды)»²²². Сердобольный В. Некрасов явно пытается вызвать наше сочувствие за якобы невинно пострадавших чекистов, хотя для масштабов НКВД того времени это была капля в море. Во

многим, благодаря оставшимся «гвардейцам» Дзержинского и Ягоды, НКВД больше компрометировало себя, чем оперативно и грамотно выполняло свои непосредственные задачи, выдвинутые временем. В результате, например, из 52 372 арестованных органами внутренних дел в 1938 году, осуждено лишь 2 731 человек, а расстрелян за контрреволюционную деятельность только 121 преступник. При этом подавляющее количество арестованных — 49 641 человек — были оправданы судами и освобождены из-под стражи. И совсем не впечатляющие цифры «всплывают» при внимательном изучении истинного положения дел в пресловутом и многократно проклятом 37-ом году, т.е. тоже в период деятельности Н.И. Ежова. Осуждено в нём было всего 841 человек, а расстреляно — 89!!! Зато воя и стонов на многие тысячи! Вдобавок всем навязали «37-ой год» в качестве нарицательного понятия в советской истории, которое многие бездумно повторяют, не вникая в суть, а лишь слепо доверяя на слово. Но кому доверять-то?! Фальсификаторам?! Которые изолгали всю нашу историю?! Поэтому ряд современных учёных и исследователей, разобравшись в блефе, были вынуждены признать, что репрессий, как таковых, в эти злополучные годы не было! И это надо было сказать давным-давно, но...

Естественно, что видимость борьбы, неоправданные, к тому же пустячные, аресты людей кадрами Дзержинского-Менжинского и Ягоды не могли пройти бесследно и вызывали нарекания. С одним из таких серьёзных протестов против незаконного уголовного преследования людей выходил к руководству страны первый секретарь Курского обкома ВКП(б) Пескарёв. Вот что он рассказал об этом в своём выступлении на Октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года: «Судили по пустякам, а когда мы, выяснив это, что незаконно многих судили, поставили вопрос в Центральном Комитете, товарищ Сталин и товарищ Молотов крепко нам помогли, направив для пересмотра этих дел за эти годы бригаду работников Верховного Суда и Прокуратуры»²²³. Однако совсем не это погубило Н.И. Ежова, как нам вдалбливают в головы фальсификаторы истории, а одна из больших подлостей Лаврентия Павловича: «Подстрекаемые Берией, два начальника областных управлений НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских торжеств. Акция по компрометации Ежова была успешно проведена. Через несколько недель Ежов был обвинён в заговоре с целью свержения законного правительства. Политбюро ЦК специальной резолюцией объявило высших должностных лиц НКВД «политически неблагонадёжными»²²⁴. 19 ноября 1938 года Ежов был снят с должности, а в декабре 1938-го во главе карательных органов официально воцарился, погубивший его, Берия. Тогда же при загадочных обстоятельствах умерла и жена Н.И. Ежова Е.С. Хаютина-Файгенберг.

Несмотря на трагический конец, Н.И. Ежов успел сделать очень много. Он обезопасил советское государство от большинства троцкистских заговорщиков, а, главное, — от предательской банды советских военачальников во главе с Тухачевским, прославившихся лишь уничтожением нашего народа в Гражданскую войну, затем безоружных мужиков и баб, за ними заключённых ГУЛАГа, и активно готовивших поражение СССР в предстоящей войне с фашистской Германией. Воевать с ней, вопреки разглагольствованиям никулиных-ольконицких, парновых, рыбаковых и шахмагоновых они не собирались, т.к. выполняя жёсткие установки Троцкого, всячески помогали ей и её будущим сателлитам, да и вообще искренне симпатизировали рейхсверу-вермахту, взахлёб нахваливая его генералов. Поэтому, обращаясь к столь сложной и ответственной теме, великому и героическому периоду становления могучей советской державы, нельзя так откровенно, как некоторые, подпадать под «обаяние» «Большого террора» Р.Конквиста и повторять бредовые цифры «сталин-

ских репрессий», так обожаемые вольными интерпретаторами советского прошлого.

И если уж говорить о «коминтерновской мафии», то на деле она была не более чем клоака, обременительный дармоед и нахлебник СССР, существовавший по инерции. Никакой первенствующей роли и основополагающего влияния на события ей не принадлежало, ибо всё было в руках ЦК ВКП(б). Отсюда главе Коминтерна Осипу Пятницкому во время проведения одного из пленумов ЦК партии только и оставалось, что с большой осторожностью зазывать к себе «на чай» нужных людей и тихо-нечно, таясь, обговаривать с ними антисталинскую тактику поведения на нём. Чем это закончилось, вспоминать не будем, потому что до сих пор воют, испепеляя И.В. Сталина своей злобой. Вот уж поистине пожалеешь, что 2,6 мифических миллиона арестованных с 860 тысячами расстрелянных, о которых упоминал как-то академик РАЕН Владимир Прокопенко, не реальность!

Но вернёмся немного назад. Воочию столкнувшись с гигантским масштабом антисоветского военно-троцкистского заговора, заглавная роль в котором, повторим, принадлежала отнюдь не «коминтерновской мафии», якобы подмявшей под себя всех и вся, как это неверно утверждают некоторые, Н.И. Ежов поставил перед руководством страны вопрос о продлении чрезвычайных полномочий НКВД, предоставленных органам после злодейского убийства С.М. Кирова. Тогда, в тот же день, 1 декабря 1934 года, был принят специальный Закон СССР об ускоренном рассмотрении уголовных дел об особо опасных государственных преступлениях без участия защиты у подсудимых и немедленном исполнении приговоров в отношении их, не судившихся никакому обжалованию. Этот вынужденный Закон, безусловно, свидетельствует о чрезвычайных обстоятельствах, возникших в стране. В соответствии с ним молодое Советское государство было вправе защищать себя любыми возможными мерами, вплоть до самых жесточайших. Это-то лукавая братия фальсификаторов отечественной истории как раз и пытается выдать за сталинский произвол и беззаконие, которых не было и близко, в чём лично убедился самый взыскательный Генеральный Прокурор РФ А. Казанник, признавшийся: «К своему ужасу... Я убедился, что тогда законность в строгом смысле слова не нарушалась»²²⁵. Да уж, сталинское время — это не нынешний правовой произвол и беспредел, при которых попирается всё, и после которых так удивился А. Казанник. Вот как ложь может извращать сознание человека, что правда воспринимается как сенсация!

Что касается периода очищения страны, то и спустя годы В.М. Молотов с прежней убеждёностью говорил: «1937 год был необходим... Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны»²²⁶. Причём, точно такого же мнения придерживался большой и искренний друг СССР, видный политический деятель и дипломат США Джозеф Эдвард Дэвис. С августа 1936 до лета 1938 годов он был послом в СССР, затем им же в Бельгии и одновременно посланником в Люксембурге. В январе 1940 года Д.Э. Дэвис становится специальным помощником государственного секретаря США, а в 1941 году — главой Комитета при Президенте США по объединению деятельности всех организаций, занимавшихся вопросами помощи союзникам во время Второй Мировой войны. Кроме того, он выполнял функции посла США по отдельным поручениям и принимал деятельное участие в подготовке Потсдамской Конференции глав держав антигитлеровской коалиции в качестве личного посланца Президента США Гарри Трумэна. «Основываясь на своём знании Советского Союза, Дэвис через два дня после нападения гитлеровской Германии на СССР заявил, что «мир будет удивлён размерами сопротивления, которое окажет Россия». Он настойчиво требовал открытия второго фронта в Европе. Разоблачая реакционеров, клеветавших на СССР, Дэвис указывал, что «Советское

правительство не стремиться навязать свою волю другим народам и выступать только против Гитлера и против тех, кто хочет поработить человечество»²²⁷. Не обошёл тогда своим вниманием Д. Дэвис и заговорщиков внутри СССР: «В России не было так называемой «внутренней агрессии», действовавшей согласованно с немецким верховным командованием... Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые, в своё время, казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменнических элементов. В России в 1941 году не оказалось представителей «пятой колонны» — они были уничтожены. Чистка навела порядок в стране и осободила её от измены»²²⁸.

К сказанному Д. Дэвисом остаётся привести слова верного сталинского телохранителя Н.С. Власика, ошельмованного Берией подобно Н.И. Ежову: «Сталин был непримирим к врагам, но никогда ничего не делал из личных побуждений. Им руководило одно чувство любви к Родине, её благополучию и процветанию»²²⁹. Причём, по данным советского вождя, приведённым им на расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны СССР К.Е. Ворошилове 2 июня 1937 года, было арестовано всего лишь «человек 300-400 по военной линии», а не навязываемые нам тысячи командармов, комиссаров и командиров! «Ещё в своей полемике с Троцким Сталин выступал против вывода, что успех русской революции будет зависеть от поддержки её революциями на промышленном Западе. Как русский националист, Сталин выступал против предполагаемой зависимости. Россия создала свою собственную культуру и цивилизацию, взяв от других стран то, что ей было необходимо, но никогда не зависела от них. Русская культура, цивилизация считалась выше любой другой. А роль России — управлять миром и быть ведущей страной — была заложена в русской традиции и передавалась из поколения в поколение»²³⁰. В точном соответствии с этим «...Сталин выражал национальные интересы страны, — подтверждает современный историк Ю.Н. Жуков. — Он был по-настоящему великим государственным деятелем»²³¹. Причём «Сталин никогда не был единоличным правителем»²³², — уточняет Юрий Николаевич. «Ежовский террор 1937 года, — заключают и современные исследователи, — не был сумбурной кровавой вакханалией, вызванной преступной страстью маньяка или просто тирана. Репрессии были в неمالой степени оправданы соображениями государственной безопасности»²³³. И если молодая Советская страна только недавно представляла собой «рай для шпионов», которые в ней буквально кишели и хозяйничали, особенно немецкие, то после принятых мер с ним было покончено. П. Карелл был вынужден горько констатировать по этому поводу: «Как обстояло дело с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы. Ответ — в двух словах: очень мало!.. Оно ничего не знало о военных тайнах русских...»²³⁴

Поразительные перемены произошли во всей системе народного хозяйства страны, которые спустя годы с удивлением обнаружил внук И.В. Сталина Е.Я. Джугашвили: «...вы не можете не быть поражены следующим фактом: из 47 наркомов большинство составляют русские, белорусы, украинцы. То есть еврейских наркомов образца 1934-1935 годов сменили славяне образца 1938-1940 годов... Просто при Сталине некомпетентные евреи вынуждены были уйти со своих постов, а те, кто был сторонником Троцкого и плёл заговоры, были посажены в концлагеря или уничтожены. Ведь терять свои посты и привилегии они не хотели. Поэтому и шло яростное сопротивление. Они теряли власть над Россией»²³⁵. Ещё лаконичнее по этому поводу выразился один из современных патриотических публицистов Роман Перин: «Готовясь к войне, Сталин... был вынужден менять левинсонов на ивановых»²³⁶.

Вопреки затасканной лжи о внезапности нападения фашистской Германии на СССР советское руководство все годы после Ленина внимательно следило за любыми внешними угрозами для страны. Ещё где-то в 1927 году почти все представители правительств европейских государств специально собирались для согласования вопроса об агрессии против молодой Советской Республики. Активную подготовку к нападению на СССР вела панская Польша, всё время зарившаяся на исконно русские земли и с упоением вспоминая издевательства над Россией в Великую Смуту начала XVII века. И абсолютно прав Ю.Н. Жуков говоря, что «Сталин думал о стране, он знал, что главная цель Гитлера — Drang nach Osten» — сокрушить Советский Союз, расчленить его...»²³⁷ Отсюда приходится только удивляться виртуозной политике советского вождя, свернувшего в своё время сотрудничество с рейхсвером Германии, наажённое по инициативе Троцкого и курируемое Тухачевским после Рапалло, чтобы не работать на усиление её военного могущества, что, разумеется, несло угрозу СССР. Потом руками всё той же Германии раздавить своего беспокойного соседа, Польшу, получив благодаря этому дополнительные территории, а, главное, отодвинув государственную границу СССР на 200-300 км дальше на запад. Поэтому со второй половины 20-х годов руководство страны делало всё возможное, чтобы хоть как-то укрепить молодое советское государство. Благодушеествовать, как пытаются представить фальсификаторы истории, было некогда, а распускать нюни было нельзя. К тому же на сей счёт достаточно независимых и трезвых суждений, проливающих истинный свет на ситуацию. «Россия знает грозящую её опасность, — писал в 1936 году Г.П. Федотов. — Правящий слой делает усилия, чтобы встретить войну не только технически, но и морально подготовленным. Восстанавливается частично, кусками старая русская культура. Делаются попытки примирить массы с властью...»²³⁸ «В условиях неотвратимо приближавшейся новой мировой войны советского вождя всё чаще тревожил призрак «лоскутной Австро-Венгрии, развалившейся в результате предшествовавшего политического катаклизма...»²³⁹, — считал уже другой автор.

Найдутся такие, кто может заявить, что «доблестный» «создатель» Красной Армии Лейба Бронштейн, являясь наркомвоенмором и главой Реввоенсовета, ко времени всевозможных внешних угроз для СССР уже обрёл «несокрушимую» и «легендарную», готовую дать достойный отпор любому агрессору. Но не торопитесь, потому что у этого деятеля были совершенно другие цели и задачи: «В начале 1924 года комиссия ЦК РКП(б) обследовала состояние вооружённых сил и пришла в ужас. «Красной Армии, как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем виде Красная Армия небоеспособна»²⁴⁰. К такой, прямо скажем, убийственной констатации, которую, кстати, охотно поддержал и Тухачевский, пришли члены Комиссии ЦК по расследованию дел в армии — Г. Орджоникидзе, К. Ворошилов, В. Куйбышев, И. Уншлихт, А. Андреев, Н. Шверник, М. Фрунзе, С. Гусев и А. Бубнов. Естественно, что после этого пришлось гнать в шею Эфраима Скаянского, заменив его М.В. Фрунзе, для последующего удаления и «создателя» Красной Армии «агрессивного демагога» Троцкого. К сожалению, это-то и стоило жизни Михаилу Васильевичу. Но возникает вопрос, так чем же всё-таки занимался Лейба Бронштейн несколько лет со своей необъятной и жуткой властью в Красной Армии и РСФСР?! Это выяснили американские исследователи Майкл Сайерс и Альберт Кан, авторы книги «Тайная война против Советской России», изданной у нас в 1947 году издательством «Иностранная литература» с предисловием секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова (Фогельсона). Труд этот отличается обилием фактического материала, неопровержимой аргументацией, непредвзятостью и объективностью исследователей. Троцкий сумел изумить и их. В итоге Майкл Сайерс и Альберт Кан в один голос назвали его самым вели-

ким шпионом всех времён и народов, из орудовавших в Советском Союзе!!! Троцкий-Бронштейн организовал или участвовал в организации против РСФСР одиннадцати войн и кампаний!!! Ещё лучше сатанинская рожа «демона революции» была высвечена в документальном фильме о нём, дважды показанном на ТВ в марте 2007 года.

Наряду с множеством объективных трудов, посвящённых военному заговору в сталинском СССР, есть и такие, которые множеством совсем ненужных подробностей пытаются заслонить главное и таким образом дезавуировать истину. Умысел подобных авторов на сокрытие правды очевиден, потому что важнейшие моменты заговора вдруг выпадают, не достаиваясь никакого внимания. Поэтому «глубокомысленные» выводы, например, С.Минакова: «Думаю, обвинения в «измене Родины», предъявленные М.Тухачевскому и другим и ставшие основанием для их расстрела, вряд ли выдерживают ныне серьёзную критику»²⁴¹ или «Можно считать, что М.Тухачевский не является в жёстком смысле «креатурой» кого-либо из партийно-политических вождей»²⁴², способны лишь вызвать улыбку. Столь сомнительные резюме откровенно пытаются навести тень на плетень, и наилучшим образом показывают ангажированность автора, его явную необъективность. Документы Центрального архива ФСБ убедительно свидетельствуют о прекрасной осведомлённости И.В. Сталина о самых сокровенных планах заговорщиков ещё в начале 1935 года. Он знал, что комендант Кремля Р.А. Петерсон с секретарём ЦИК СССР А.С. Енукидзе при поддержке командующего войсками Московского ВО А.И. Корка по причине полного расхождения со Сталиным в вопросах внутренней и внешней политики составили заговор с целью отстранения от власти И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и Г.К. Орджоникидзе. Заговорщики намеревались создать своеобразную военную хунту, выдвинув на роль диктатора замнаркома обороны СССР Тухачевского, что приводит и Ю.Н. Жуков. «Арест высшего руководства страны предполагалось осуществить силами кремлёвского гарнизона по приказу Петерсона на квартирах «пятёрки», или в кабинете Сталина во время какого-нибудь заседания, или, что считалось наилучшим вариантом, в кинозале, на втором этаже Кавалерского корпуса Кремля»²⁴³. Причём ОГПУ располагало сведениями о заговоре военных ещё в самом начале 30-х годов. Знало оно и об участии в нём Путны, Корка, Эйдемана, Е.Сергеева, Фельдмана и других, в чём вынуждены были признаваться руководящие работники центрального аппарата ОГПУ на Лубянке Артузов (Фраучи), Штейнбрюк, Прокофьев и другие. Острейшая борьба не на жизнь, а на смерть между И.В. Сталиным и антисоветской троцкистской оппозицией к 1937 году, повторим, достигла такого накала, что заговорщики весь этот год со дня на день ждали гибели вождя. Поэтому затягивались суды, исполнение приговоров, этапирование. В лагерях троцкисты содержались отдельно, в облегчённом режиме, умудряясь получать 70 руб. в месяц вместо 6 руб.25 коп., как остальные зеки.

24 мая 1937 года, будучи уверен в успехе физического устранения И.В. Сталина, Троцкий-Бронштейн открыто заявил журналистам о советском вожде: «Его политические дни сочтены»²⁴⁴. В этой крайне сложной обстановке смертельно-опасной борьбы двух непримиримых сторон Генсек ЦК ВКП(б) вёл себя очень хладнокровно, исключительно уверенно, неизменно твёрдо и решительно. «Сталин явно воспринимал действия против оппозиции, как войну»²⁴⁵, — отмечает исследователь. Поэтому попытка отдельных авторов, вроде червоного казака Ильи Дубинского, представить И.В. Сталина запуганным и деморализованным военачальниками, абсолютно несостоятельна и насквозь лжива. Как раз наоборот, советский вождь отличался удивительной, причем, врождённой смелостью. Он был, пожалуй, единственным человеком, кто ни при каких условиях не терял самообладания и присутствия духа, потому что сила его позиции заключалась в безусловной правоте дела, которому он

посвятил свою жизнь. Поэтому в качестве вразумления враждебной оппозиции И.В. Сталин открыто и во всеулышание заявил с трибуны Февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года: «В рядах Красной Армии есть шпионы и враги государства»²⁴⁶. Немного позднее, на званом обеде в честь памятного Первомая 1937 года, вождь повторно, со всей определённою, заявил, что эти «враги будут разоблачены, партия их сотрёт в порошок»²⁴⁷. Это ли были не грозные слова предупреждения всем, кто встал на путь предательства и измены?! Это ли была не возможность одуматься и покаяться?!.. Тем более, что И.В. Сталин не раз прощал, казалось бы, самых отпетых своих противников! В том же 1937 году прокатилась волна арестов военных заговорщиков, внося в их ряды дезорганизацию и страх, смятение и тревогу. Первые же аресты состоялись ещё в 1936 году.

Лукавые борзописцы, извращая события тех дней, перенесли страх перед возмездием троцкистских оппозиционеров, которым было чего бояться, на весь советский народ. На самом же деле он полностью доверял И.В. Сталину и его верным соратникам, требуя самых суровых мер для презренных предателей и приветствуя заслуженную кару. Это народное настроение прорывается из строк Демьяна Бедного:

*Гнездо шпионское раскрыто,
Шпионы преданы суду!
Все эти фельдманы, якиры, примаковы,
Все тухачевские и путны — подлый сброд.*²⁴⁸

Такое настроение в народных массах было не искусственно создано партийными инстанциями или телеграммой И.В. Сталина, направленной на места накануне приговора военной заговорческой верхушке, а царило там, сформировавшись вполне самостоятельно. Это хорошо показывает дневниковая запись академика В.И. Вернадского от 7 июля 1937 года: «Среди интеллигенции ясно слышится и распространено убеждение, что политика Сталина-Молотова — русская и нужна для государства. Их партийные враги — враги и русского народа, если брать его государственное выражение»²⁴⁹. Упомянутые великим учёным «партийные враги» давно всё поняли. Ещё после убийства С.М. Кирова им нужно было опасаться за свою жизнь. Здесь весьма выразительна реакция на теракт в Ленинграде одного из лидеров «правых», Н.И. Бухарина, которого Троцкий презрительно называл Коля Балаболкин. Она приведена в воспоминаниях Ильи Эренбурга: «На нём не было лица. Он едва выговорил: «Вы понимаете, что это значит. Ведь теперь он сможет делать с нами всё, что захочет... И будет прав»²⁵⁰. «Сталин нанёс упреждающий удар по своим противникам, развязав настоящий государственный террор, — заключают исследователи. — Если бы он этого не сделал, то, пожалуй, был бы осуществлён подобный террор против его сторонников»²⁵¹. Несомненность заговора была очевидной: А.С. Енукидзе, арестованный 11 февраля 1937 года в Харькове, а Р.А. Петерсон немного позднее, 27 апреля, в Киеве, дали абсолютно идентичные показания о нём. При этом они оба независимо друг от друга привели четыре варианта переворота, упомянутые выше. Наиболее совестливый, Р.А. Петерсон, «уже во время обыска написал покаянное письмо Ежову о добровольном признании, где сообщил о своём участии в заговоре против Сталина, назвав соучастников»²⁵², — Енукидзе, Корка, Тухачевского и Путну. Не видал он и потом. И на предварительном следствии, и в закрытом судебном заседании, а оно вопреки изолгавшемуся романисту А.Н. Рыбакову и не могло быть иным из-за государственных секретов, Р.А. Петерсон «признал себя виновным во всех предъявленных ему обвинениях»²⁵³, назвав ещё 16 человек участников заговора.

Будучи арестован 15 мая 1937 года, Б.М. Фельдман также «уже 19 мая написал заявление на Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана и ряд других командиров»²⁵⁴. Этому способствовали отнюдь не надуг-

манные реабилитаторами избиения, а неопровержимые доказательства вины, которых оказалось так много, что упорствовать было абсолютно бессмысленно. Поэтому Б.М. Фельдман просил следователя передать руководству НКВД буквально следующее: «...я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать всё, что знаю о военном заговоре»²⁵⁵. Именно после дружных обличений Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова и В.К. Путны Тухачевскому, как говорится, деваться было некуда. И пошло запоздалое излиянное покаяние на 143 страницах собственноручно аккуратно написанного текста. И зря в данном случае А. Колпакиди и Е. Прудникова настаивают на избиении арестованных. Здесь побои были без надобности, потому что всем военным заговорщикам нашлось, в чём признаваться. И их не отвлекали. Лупили и издевались над Рокоссовским и такими же как он, но об этом уже говорилось. Даже «свои», т.е. ближайšie сотрудники Г.Я.годы — Г.Е. Прокофьев, М.И. Гай и З.И. Волович, быстро смекнули, что дело серьёзное и заператься бесполезно. Под давлением множества улик все они вынуждены были давать подробные показания об антисоветском военно-троцкистском заговоре. И никто иной, как Зоря Волович 27 апреля 1937 года «прямо заявил, что Тухачевский — из числа самых видных руководителей заговора и что он должен обеспечить ему вооружённую поддержку»²⁵⁶.

Мало того, что заговорщики сознавались в своих преступлениях, они охотно и безо всякого сожаления назвали множество известных им соучастников военного заговора. Только Примаков с Фельдманом назвали их каждый по 40 человек! Правда, пытаюсь уйти от ответственности, и дезориентировать политическое руководство страны и НКВД, некоторые пытались прикрыться обличительным потоком в адрес идейного вдохновителя и вождя заговоров: «Главный организатор этой банды и её дел Троцкий уже пригвождён историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата»²⁵⁷, — метал молнии Карл Радек! Точно так же театрально распаялся и Г. Пятаков, уже одним названием статьи требуя: «Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей»²⁵⁸. Это «требование» напечатали сразу несколько советских газет того времени.

Нет нужды приводить полную хронологию арестов и поведения заговорщиков. Важно, что всё для них закончилось неизбежным крахом, к которому они шли осознанно и вполне добровольно, не желая понимать, что сами себе роют яму. А ведь это были далеко не мальчики. Причём страна вознесла их на вершину славы и почёта. Возможно, кто-то из них понял свою непоправимую ошибку и искренне сожалел о содеянном. Во всяком случае, запоздалое покаяние Тухачевского, Якира и Примакова стало хоть каким-то светлым пятнышком в конце их трагической биографии: «...заявляю, — говорил перед приговором Тухачевский, — что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его»²⁵⁹. «...мои преступления безмерно велики и подлы, — продолжал он, — поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занимались предательством, диверсией, шпионажем и изменяли родине...»²⁶⁰ «Я не могу больше скрывать свою преступную антисоветскую деятельность и признаю себя виновным, вина моя огромна; я не имею никакого права на снисхождение»²⁶¹, — вслед за Тухачевским линчевал себя Иона Якир.

Перед ними, после долгих месяцев упорного запирательства, 8 мая 1937 года взялся за письмо Н.И. Ежову «Будённый» Троцкого, Примаков: «В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошёл до такой наглости, что даже на Политбюро перед тов. Сталиным продолжал заператься и всячески уменьшать свою вину. Тов. Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, заператься в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930

году, я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания»²⁶².

Интересно, что мастер художественного вымысла на потребу времени И.В. Дубинский представил В.М. Примакова в суде нестигаемой стоической личностью, бросившей в лицо палачей своё последнее обличение: «Граждане судьбы! Что я вам скажу? Сегодня вы судите нас, а завтра точно так же будут судить вас»²⁶³. На самом же деле Виталий Маркович в своём «последнем слове» говорил совсем другое, что полностью соответствовало его позиции, занятой на заключительной стадии предварительного следствия, после 9-месячного молчания: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре... Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, всё, что было контрреволюционного в Красной Армии, собрались под фашистское знамя Троцкого»²⁶⁴. Тем же мужеством и стойкостью Илья Владимирович наделил перед гибелью Тухачевского и Якира, намеренно скрыв предсмертные слова любви последнего к И.В. Сталину: Н.С. Хрущёву и армии его реабилитаторов нужно было всё, кроме правды. С этой задачей Дубинский справился, как нельзя лучше, забыв о том, что история по истечении времени всё расставляет по своим законным местам, с которых ничего невозможно сдвинуть и трактором. Отсюда знаменитый философ древности Сократ был отравлен по приговору ядом цикуты, а не полоснул себя бритвой по горлу или венам, как завлекательно живописует наш удивительный романтик от публицистики, явно вспоминая собственные лагерные будни, с которыми он познакомился, наверно, не зря. Таких завлекательных моментов, рассказанных на оттопыренные уши наивных простаков, у дубинских находится немало.

Но вернёмся к нашему повествованию, потому что у него более серьёзный подход и интересы. Осведомлённая «Эко де Пари» в статье «Что происходит в России?», опубликованной 30 августа 1937 года, писала: «Измена Тухачевского неопровержима». Её интересовали лишь мотивы этой измены. Газета заключала в итоге: «В России много заговоров, и Сталин не успевает даже наказывать»²⁶⁵. «В.Л. Бурцев, белоэмигрант, публицист и издатель журнала «Былое» в царской России, в связи с процессами 30-х годов над врагами народа в СССР выпустил книгу..., в которой писал о подсудимых: «Историческая Немезида карала их за то, что они делали в 1917-1918 годах и позднее...»²⁶⁶ Здесь, думается, добавить нечего. Сказано предельно ясно и вполне справедливо.

С мыльным пузырьком полководческой славы подпоручика с маршальской звездой и замашками фельдфебеля мы уже достаточно познакомились. И не мы одни. Замечательно сказано по этому поводу, что если кто-то утверждает, что Тухачевский — стратег и военный теоретик, то этот «кто-то» и не военный, и не историк, даже если он академик АН по отделению истории и генерал-лейтенант в придачу! Тем не менее, энциклопедические словари, как мы говорили, дружно утверждают, что этот псевдополководец и никудышный стратег «сыграл важную роль в техническом перевооружении Красной Армии. Труды Тухачевского оказали значительное влияние на развитие военной науки и практику военного строительства»²⁶⁷? «Сомневаюсь я, однако», — не раз повторял незабвенный персонаж одного художественного фильма. Но, чтобы народ не сомневался, угодничая перед Н.С. Хрущёвым, ему хорошо помог в деле Тухачевского маршал Советского Союза С.С. Бирюзов. В феврале 1964 года он на всю страну «сокрушался, что гений М.Н. Тухачевский ещё в 1927 году написал письмо Сталину и изложил в нём программу глубокой реорганизации Красной Армии и развития авиации, артиллерии, воздушно-десантных и танковых войск...»²⁶⁸ Из уст столь крупного военного авторитета советского прошлого всё это звучит вроде очень солидно и весомо. Но, к сожалению, время Н.С. Хрущёва отмечено большой ложью и невозполнимыми потерями для государства. Да и в деятельности

нашего псевдогероя мы до сих пор не обнаружили ничего путёвого. Не нашлось его при ближайшем рассмотрении у Тухачевского и на высоких постах начальника военной Академии Генштаба, заместителя, а затем начальника Штаба РККА, в дальнейшем начальника вооружений армии и первого зама наркома обороны СССР. Везде, превознесённый до небес незаслуженной, искусственно созданной славой, на которую троцкистские-бронштейны великие мастера, Тухачевский только вредил, вставляя палки в колёса становлению вооружённых сил Советского Союза. А к вранью энциклопедий и другой нашей справочной литературы пора бы привыкнуть и относиться к ней с большой осторожностью.

Что касается вредоносной деятельности Тухачевского, то в этом легко убедиться, едва познакомившись с его пребыванием на высоких армейских постах. «...летом 1921 года комфронта Тухачевский переступил порог Академии Генерального Штаба, сделав очередной зигзаг своей сюрреалистической карьеры»²⁶⁹. «Всего полгода терпела Академия Тухачевского. После того, как он учинил в ней основательный разгром (для чего, вероятно, и был послан)...»²⁷⁰, — пишут Александр Колпакиди и Елена Прудникова. Комментировать здесь нечего. Что мог принести новый начальник Академии, вчерашний подпоручик, высокомерный и капризный, избалованный дугой славой и вниманием, и вконец испорченный всеильным покровительством наркомвоенмора Троцкого, профессорско-преподавательскому составу?! Абсолютно ничего, кроме ненависти ко всем старым кадрам, которых он не переносил маниакально.

В 1924 году этот несносный человек становится заместителем, а в 1926-ом — начальником Штаба РККА. На новом посту «его хватало на то, чтобы самому изготавливать скрипки, на то, чтобы выдрессировать мышонка и научить его разным фокусам. Но побывать на фронтах войн, которые велись в то время в мире, или хотя бы расспросить участников, или хотя бы вникнуть в сообщения и попытаться представить себе, как люди воюют и как будут воевать — на это его не хватало»²⁷¹. И вот такой бездельник «разрабатывал» перспективные планы и вооружал нашу армию! А как он мог это делать?! В декабре 1927 года, это как раз то, о чём говорил маршал Советского Союза С.С. Бирюзов, Тухачевский предложил И.В. Сталину за один только 1928 год изготовить для Красной Армии 50-100 тысяч лёгких быстроходных танков. Но И.В. Сталин — не Тухачевский. Он тут же отправил последнего в Ленинград командовать округом. Однако тот не оставил свои бредовые идеи и там, продолжая «бомбардировать Кремль предложениями» такой же сумасбродной ценности, прибавив к любимым танкам ещё 40 тысяч самолётов. «И снова невольно возникают сомнения в психической полноценности автора»²⁷², — замечают исследователи. Достоинства предложений Тухачевского подробно разобрал современный исследователь Ю.Е. Козенков: «Даже первого сентября 1939 года, когда Гитлер начал Вторую Мировую войну, — отмечает Юрий Евгеньевич, — Германия имела всего 2937 танков, причём построены они были не за один год. Более того, за весь военный период с 1939 по 1945 год, используя экономическую мощь всей покорённой Европы, Германия сумела произвести 24241 танк. Что уж говорить о том, что даже для производства 2000 танков Советский Союз не имел тогда не только танковых заводов, но и тяжёлого машиностроения, моторостроительных и прочих производств. Кроме этого, танковый экипаж тогда состоял из 3-х человек, т.е. только танкистов надо было сразу 150-300 тысяч иметь уже к началу 1929 года. Это что же, в танк посадить колхозного конюха или заводского слесаря? — резонно спрашивает исследователь. — Надо было построить военные училища, необходимо было время для подготовки такого огромного количества танкистов, более того, иметь гигантскую инфраструктуру необходимую для танковых войск, от ремонтных мастерских до огромного количества обслуживающей техники, бензовозов, цистерн с горюче-смазочными материалами и т.д. А танкам ведь нужны многие миллионы снарядов

и патронов, саперы, прокладывающие им путь, войска охраны, войска поддержки и т.д., что для 150-300 тысяч танкистов выливалось ещё в 1800000-2400000 военнослужащих, 20000-30000 тракторов и столько же орудий и 200000-300000 автомобилей. Думаю, читателю теперь более ясна «гениальная» заумь Тухачевского. И, главное. Чтобы запустить в производство большую серию даже в несколько тысяч единиц, необходимо иметь достойный образец. Но в 1928 году ни у кого в мире ещё не было стоящего образца танка будущего. Были клепанные машины. Например, в Красной Армии в 1928 году был на вооружении танк МС-1 с мощностью двигателя 35 лошадиных сил. Это машина «Запорожец» советских времён. Танк этот был на заклёпках и имел максимальную скорость 16 километров в час. А теперь представим себе, что по нашим заказам весь земной шар наклепал бы нам 50000 таких танков, то что бы мы стали с ними делать через несколько лет, когда стали бы появляться первые серьёзные образцы танков. Более того, от одних затрат на производство такого количества танков Советский Союз разорился бы и рухнул ещё в 1928 году, обрекая народ на вымирание...»²⁷³

Между прочим, И.В. Сталин так и сказал, что выполнение предложения Тухачевского ведёт к свёртыванию социалистического строительства и милитаризации экономики. Такую же оценку получило и более позднее «предложение» Тухачевского по модернизации РККА. 23 марта 1930 года И.В. Сталин написал по поводу его К.Е. Ворошилову: «Осуществить такой «план» — значит наверняка загубить хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции...»²⁷⁴ Вот так «трудился» на благо Родины «генерал-вундеркинд!» Слушай после этого бирюзовых в маршальских погонах!

В общем, 50 тысяч танков делать не стали. Да и не смогли бы, не говоря уж о 100! Тем не менее, танки Тухачевского в ограниченном количестве всё же появились, являясь зеркальным отражением сущности своего заказчика. Его детищем стал тяжёлый танк Т-35 весом 54 тонны, с пятью башнями, тремя пушками, четырьмя пулемётами и экипажем в 11 человек! Это чудовище «украшало» все парады на брусчатке Красной площади, но не могло взять крохотную горку и вылезти из лужи на полигоне. Им невозможно было эффективно командовать, а на поле боя страшноватый монстр становился лёгкой добычей любой заурядной пушконки! Другим детищем Тухачевского был средний танк Т-28 с тремя башнями. Их собрали 500 единиц. Ю.И. Мухин, разбирая танковые новации «абстрактного болтуна с задатками, бесценными для жандарма»²⁷⁵, назвал их, как и все танки хвалёного маршала, «смертью танкиста». «Добавим, — говорит Юрий Игнатъевич, — что по заказу Тухачевского промышленность с 1933 года ещё произвела около 4 тыс. единиц плавающих танков, вооружённых пулемётами, и с бронёй в 6-8 мм!» Практически любой из немецких танков на 22 июня 1941 года «мог справиться с этой армадой металлолома, задуманной Тухачевским. С воздуха простым пулемётом её могло расстрелять всё, что летало»²⁷⁶.

Но вернёмся к Ю.Е. Козенкову, который для нас разобрал ситуацию и с самолётами: «Танковый бред мы уже рассмотрели, пройдемся теперь по самолётам. Авиационный полк — это 30-40 самолётов, значит, как минимум 1000 полков. Для каждого полка надо иметь один основной и пару запасных аэродромов, значит, всего надо иметь 3000 аэродромов со всей инфраструктурой, плюс их оборона зенитной артиллерией. А сколько необходимо лётчиков, военных лётных училищ, школ и соответственно преподавателей. Сколько необходимо парашютов, меховых курток, радиостанций, десятки тысяч единиц автомобильной техники для обеспечения горючим, боезапасом, запчастями, ремонтных баз и т.д. А где взять десятки тысяч техников? А чем расчищать тысячи аэродромов от снега и т.д. и т.п. То же самое с 50 артиллерийскими дивизиями. Всего Тухачевский предлагал в мирное время иметь 310 стрелковых, кавалерийских и артиллерийских дивизий. Это более чем в 25 раз

приказывает то, что имела тогда Германия»²⁷⁷. Мало того, «Тухачевский приказал отменить вооружение пехоты миномётами, чтобы заменить их неэффективными мортирами, которые, к счастью, так и не были запущены в производство...»²⁷⁸, — дополняют «плодотворную» деятельность Тухачевского по разоружению Красной Армии уже Р. Баландин и С. Миронов. Эти же исследователи указывают, что «он собирался снять с вооружения ствольную артиллерию, заменив её аэродинамическими пушками, которые так и не были взяты на вооружение. Фактически, Тухачевский мог оставить Красную армию без артиллерии, обрекая её, таким образом, на поражение в грядущей войне. Только личное вмешательство Сталина спасло страну»²⁷⁹.

Создатель знаменитой 76-мм пушки В.Г. Грабин вспоминал: «Хрущёв сказал, что мы не готовились к войне. А я все свои пушки сделал до войны. Но если бы послушали Тухачевского, то их бы не было. Я попросил Тухачевского выставить на смотре нашу пушку. Тот наотрез отказался. Тогда я сказал, что заявляю в Политбюро. Эта пушка оказалась самой лучшей в войну. Сталин сказал 1 января 1952 года: «Ваша пушка спасла Россию...»²⁸⁰ В этом небольшом эпизоде не видно, сколько крови попортил знаменитому конструктору Тухачевский, возглавляя Главк вооружений РККА. А посмотреть стоит. Вот что пишет по этому поводу сам Василий Гаврилович: «Наконец, пушка Ф-20 была собрана и испытана стрельбой на заводском полигоне. Во время испытаний приехал начальник вооружения Красной Армии Тухачевский, с ним его заместитель Ефимов и другие работники Артиллерийского управления. Они обратили внимание на то, что гусеничный поворотный механизм работает с большим усилием. Других замечаний не было. Не было и восторга, хотя пушка полностью удовлетворяла тактико-техническим требованиям Артиллерийского управления и даже весила на 200 килограммов меньше заданного. Пушку доставили на заводской полигон. После первого выстрела Тухачевский повращал маховики наведения и, ничего не сказав, отошёл. Сопровождавшие его по очереди подходили к орудию и работали на маховиках механизмов, открывали и закрывали затвор. И так же, как Тухачевский, ничего не говорили. Было сделано ещё 10 выстрелов, и после каждого выстрела Тухачевский подходил к орудию и молча осматривал его. Я не мог заметить на его лице никаких признаков удовлетворения или неудовлетворения... Потом в его вагоне за ужином, который продолжался до поздней ночи, много было всяких разговоров, но только не о пушке»²⁸¹. Как это непохоже на пытливого заинтересованность И.В. Сталина, однажды забросавшего В.Г. Грабина множеством вопросов по пушке, отличавшихся прекрасным знанием дела. Вместо неё Тухачевский мучительно искал, к чему бы придраться. На следующий день, после продолжения испытания пушки, Василий Гаврилович не выдержал и спросил большого начальника:

— Скажите, пожалуйста, может ли наша пушка удовлетворить современным требованиям Красной Армии?

Я ожидал прямого ответа, но услышал другое:

— Вам надо ещё поработать над ней и постараться уменьшить вес.

— Пушка на двести килограммов легче, чем задано в тактико-технических требованиях Артиллерийского управления.

— Это хорошо, но нужно ещё снизить вес.

— Хотелось бы знать предел, к которому мы должны стремиться.

— Чем меньше, тем лучше, — ответил начальник Вооружения.

На этом наша беседа закончилась, — говорит В.Г. Грабин.

Поведение Тухачевского указывает на сознательное вредительство, а не желание служить делу. Он даже позакрывал все КБ и прекратил, как сказано, работу по ствольной артиллерии. Слава Богу, ненадолго. И это ещё не всё: «Тухачевский ратовал за тяжёлые бомбардировщики, тогда как немецкие асы господствовали в небе Европы на истребителях и пикирующих бомбардировщиках, — продолжают свой анализ Р. Баландин

и С. Мидонейтов. — У них широко использовались самолёты-разведчики, взаимодействовавшие с артиллерией. Об этом Тухачевский не думал!»^{282!} Выполняя установки Троцкого, он думал о другом: как бы подставить защитников Родины под вражеский удар, сделать их всё той же лёгкой добычей противника. В случае с бомбардировщиками это очевидно. «Что было бы, — вопрошают исследователи, — если бы гитлеровская Германия воевала с Красной Армией, вооружённой согласно предложениям Тухачевского? Маршал заказывал промышленности только танки, поскольку считал, что в Красной армии их должно быть более 10 тысяч и совсем не обращал внимания на сопровождающую технику. А немцы, имея всего 2 тысячи танков, в 1940-1941 годы захватили половину Центральной и Западной Европы. Их танковые части и соединения были насыщены бронетранспортёрами, вездеходами, передвижными ремонтными мастерскими, грузовиками, мотоциклами»^{283.}

И, последнее. Вы когда-нибудь слышали слова и выражения «полема-стратегия», «декавилки», «внеуплотняющая завеса», «гармоника расчленения сил»?! А ещё «концентрическое наступление», о котором мы уже упоминали выше?! Это всё — словесные перлы сиятельного маршала. Последним выражением он оперировал по молодости лет ещё где-то в 1918-1919 годах. Скорее всего, оно означает наступление по внутренним стенкам труб гигантского диаметра, которые должны были, видимо, по буйной фантазии Тухачевского появиться в будущем. Но наступал-то он с войсками «концентрически» уже тогда. Поэтому, что означает сие выражение, как и все остальные, остаётся только гадать. И тихохонько вкрадывается мыслишка, что это просто дурь обыкновенного невежды, кем, как мы основательно убедились, и был блистательный советский маршал-блеф, сотворённый Троцким. В этом убеждают и кое-какие дополнительные свидетельства, сохранённые для нас, потомков. Вот, например, каким неподдельным восторгом переполнены воспоминания о живом выступлении Тухачевского бывшего слушателя Академии имени М.В. Фрунзе, Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова: «На наш выпуск неизгладимое впечатление произвёл двухчасовой доклад начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского на тему «Будущая война в свете выполнения нашей пятилетки». Этот доклад дал нам наглядный урок, как заглядывать в будущее, опираясь на марксистско-ленинскую теорию...»^{284!} И вот ещё как «прекрасно» ораторствовал «наш Бонапартик» в 1921 году, только что назначенный начальником Академии Генерального Штаба, т.е. той же самой Академии имени М.В. Фрунзе: «Наши русские генералы, — уверенно глаголил Тухачевский, быстро забыв сокрушительное поражение в польской кампании, — не сумели понять Гражданскую войну, не сумели овладеть её формами... Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию Гражданской войны, т.е. создать классовую стратегию. Пока что опыт Гражданской войны в Академии не анализируется и зачастую даже сознательно игнорируется старыми генералами»^{285.} Те самые «генералы» и другие старшие офицеры, ещё царской вьучки, шокированные несусветной чушью своего нового начальника, с первых же его слов поняли, кто перед ними. Поэтому и «терпела» Академия Тухачевского, как упомянуто выше, всего лишь полгода. Зато он не остался в долгу: «В 1930, в самый разгар операции «Весна»,... Тухачевский и Ягода пачками хватали бывших царских офицеров, служивших в Красной Армии»^{286.}

Не надо подозревать автора в тенденциозности подхода, в какой-то намеренности, злом умысле, потому что повода к этому не даёт сам Михаил Николаевич, отличаясь удивительной верностью себе. Вот, например, как «великолепно» он выступал в 1934 году на XVII съезде ВКП(б): «Товарищи! Я уверен, что мы сумеем овладеть чертёжным и контрольно-измерительным хозяйством и правильным, дисциплинированным техническим контролем... И я не сомневаюсь, что под напором нашей партии, под напором Центрального Комитета, под ру-

ководящим и организационным воздействием товарища Сталина, мы эту труднейшую задачу выполним и в случае войны сумеем выдвинуть такие гигантские технические ресурсы, которыми обломаем бока любой страны, сунувшейся против нас»²⁸⁷. Позволю напомнить невнимательным, что это выступал крупный советский военачальник Тухачевский, а не представитель Палаты меры и весов. И не сомневайтесь, что этому выступлению дружно аплодировали. Или забыли, какими долго не смолкающими аплодисментами, да ещё стоя, однажды встречали Тухачевского?!

Кстати, об аплодисментах, которые так любимы актрисой Людмилой Гурченко. На XXII съезде КПСС в 1961 году, где вспомнили про Тухачевского со товарищи, а также решали, как бы побыстрее выбросить И.В. Сталина из Мавзолея, выступила «старая большевичка Дора Лазуркина, лично знавшая Ленина. И заявила она следующее: «Вчера я советовалась с Ильичём, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии»²⁸⁸. Тот, кто решит, что бабушке позвали психиатра, крупно ошибётся. Реакцией зала, как зафиксировала стенограмма, были «бурные, продолжительные аплодисменты!» Единственным, наверное, кто тогда сохранил трезвомыслие, был В.М. Молотов: «Просто, по-моему, ведьма какая-то», — возмущённо сказал он в адрес Доры Лазуркиной, нисколько не смутившись её знакомством с «вождём мирового пролетариата». Полагаю, что после всего перечисленного, говорить о Тухачевском, как о выдающемся военном теоретике и практике нашего советского прошлого, тем более брать в руки его «труды», в которых мы всегда угадаем чьё-то соавторство, явно не стоит. Такого же мнения придерживаются и исследователи, заявив в итоге: «Как стратег и полководец, он вообще себя не проявил, поскольку поднимался с головокружительной быстротой по служебной лестнице, благодаря протекции Троцкого, Енукидзе и умению угодить начальству»²⁸⁹. А поэтому закроем тему, как полностью исчерпанную и доведённую до абсолютной ясности, дабы не быть игрушкой в руках многочисленных фальсификаторов истории. Они, как известно, не сидят, сложа руки, о чём мы скажем в заключение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пытаясь дезавуировать громадный антисоветский военно-троцкистский заговор против СССР во главе с Тухачевским, утопить правду о нём в новом потоке лжи, эквилибристы пера со времён недоброй памяти Н.С. Хрущёва обрушили на советских людей нескончаемый вал самых разнообразных фальсификаций. Небезызвестный, например, творец «Треста», писатель Лев Никулин (Ольконицкий) в своей книге о Тухачевском, где он представлен как прославленный военачальник и невинный мученик сталинских репрессий, в числе первых провокационно намекнул, «что репрессированные военачальники могли бы выиграть эту войну быстрее и с меньшими потерями...»²⁹⁰! Его последователь, Ю.Рубцов, уже не осторожничал, благо пресловутая «перестройка» позволяла всё: «Последствия вопиющих беззаконий были настолько страшны, — изощрялся он, — что они, безусловно, сказались самым роковым образом на трагедии Красной Армии летом 1941 года. А ведь не будь их — вся война могла быть иной, не столь длительной и кровопролитной»²⁹¹. «Процессы 1936-1938 годов, смерч террора, который обрушил на советских людей Сталин»²⁹², — так энергично раскручивал свой словесный смерч вранья некто Ф.И. Фирсов. «Та, первая, проскрипция охватывала... Триста командиров, закалённых, обученных, которых партия воспитывала почти два десятилетия. Золотой запас! Ценный капитал!»²⁹³ — рыдал сердобольный «червонный казак» И.В. Дубинский. «Многочисленная страна, поющая, орущая, проклинаящая вымышленных врагов и прославляю-

щая своих палачей»²⁹⁴, — устами своего героя выдавал чёрное за белое искушённый романист Анатолий Рыбаков. «Ужас, — продолжал он. — Писатели, актёры, режиссёры, академики, художники, рабочие, колхозники требуют расстрела Тухачевского и других военачальников»²⁹⁵. «...авторитарно-деспотический режим, — утверждали А.А. Гордон и Э.В. Клопов, — выступал в качестве главного средства поддержания необъятной личной власти И.В. Сталина»²⁹⁶. «... конкретные формы тиранической и репрессивной власти И.В. Сталина, какие она приобрела со второй половины 30-х годов, — взахлёб продолжали они, — эти формы никогда не отвечали потребностям общества: они с самого своего возникновения были извращением и деформацией политической системы социализма ради удовлетворения личных интересов, личного властолюбия И.В. Сталина и его окружения»²⁹⁷.

Вопреки очевидной ангажированности авторов ни личных интересов, ни личного властолюбия у советского вождя не было никогда. Его всегда интересовало только одно — «жила бы страна родная»! Но за эту страну он имел полное право спросить со всей суровостью с кого угодно, не взирая на лица. Тем более, если это подлые заговорщики. Между прочим, уже хорошо известный нам Пауль Карел (Шмидт) не зря подозревал, что ОГПУ-НКВД давно уже всё знает о военном заговоре. Но на всякий случай о нём своевременно узнал и И.В. Сталин. «Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим»²⁹⁸, — говорил Иосиф Виссарионович 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета. Он продолжал далее: «Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия»²⁹⁹. Здесь же И.В. Сталин сказал, что «мы, человек 300-400 по военной линии арестовали»³⁰⁰. Как раз эти цифры подтверждает и Илья Дубинский. Позднее, клеветники и борзописцы превратили эти скромные цифры в десятки тысяч репрессированных. Так, наследник Я.Б. Гамарника, генерал А.А. Епишев, долгое время возглавлявший Политуправление Вооружённых Сил Советского Союза, говорил уже о 40 тысячах, пострадавших от ужасного И.В. Сталина.

Конечно, такое серьёзное дело, как антисоветский военно-троцкистский заговор против СССР, не могло ограничиваться лишь тремя сотнями военачальников, указанных на Военном Совете. Тем более, что они, порой, называли до 40 своих соучастников по заговору. Но и то астрономические данные фальсификаторов очень сомнительны. Чтобы убрать всякие сомнения, на этом попроще безбрежной фальсификации старательно потрудились Ласло Белади и Тамаш Краус. По их безудержной фантазии «обыденное мышление людей пронизывал страх»³⁰¹. «Атмосфера постоянного террора и подозрительности отравляла человеческие взаимоотношения»³⁰². А уголовно-политические процессы второй половины 30-х годов прошлого века, большинство из которых проходили гласно и подробно освещались в печати, были для этих лукавых фантазёров чем-то другим. Они смотрели на них через зеркала «комнаты смеха» городского парка культуры и отдыха, а потому соответствующе заявляли, что «фарсы судебных процессов представлялись многими правдоподобными»³⁰³, а «Сталин испытывал особый страх по отношению к высшему командному составу армии»³⁰⁴. Мобилизованный Ласло Белади и Тамашем Краусом, Константин Симонов, в тон им слезливо подпевал: «... Погибли не они одни. Вслед за ними и в связи с их гибелью погибли сотни и тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии. И не просто погибли, а в сознании большинства людей (!!!) ушли их жизни с клеймом предательства»³⁰⁵. Вот уж, поистине, шила в мешке не утаишь! И популярный писатель невольно сам же и признаётся, что репрессии как раз не затрагивали всё советское общество! То есть, как ни изворачивались и не ловчили предприимчивые фальсификаторы, а подавляющее большинство советского народа не заблуждалось! Оно

правильно воспринимало происходящее, клеймя коварных военных заговорщиков печатью вечного позора.

Нагоняя нездоровый ажиотаж вокруг 1937 года, пытаясь, во что бы то ни стало сделать его нарицательным фактом советской истории, известные силы настолько переусердствовали, что достигли противоположного эффекта. Обратившись к нему, Р. Баландин и С. Миронов были вынуждены констатировать: «В народной памяти ничего кошмарного и рокового не было связано с 1937 годом. Напротив, вся вторая половина 30-х годов для советского народа (исключая руководящие круги) представлялась временем больших успехов, улучшения жизненного уровня, веры в лучшее будущее»³⁰⁶. Из сказанного исследователями явствует, что хитроумные авторы от лукавого, а вместе с ними и энциклопедии, рассказывая о Тухачевском и его подельниках по тяжкому антигосударственному уголовному преступлению, выдают их позорное чёрное предательство и измену воинской присяге в виде передачи иностранным разведкам секретнейшей информации оборонного значения, а также активной подготовки поражения СССР в Великой Отечественной войне за «вклад» в военное строительство?! Тут невольно вспомнишь народную мудрость, предостерегающую от излишней доверчивости: доверяй, да проверяй! В данном случае «проверять» надо особенно тщательно, потому что вовсе не зря сказал И.В. Сталин на Военном Совете в июне 1937 года: «Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь я, надеюсь, никто не сомневается»³⁰⁷.

Предатели и изменники всегда и везде вызывали законное презрение и негодование. Их нещадно истребляли, порой без суда и следствия. У нас же их имена «украшают» улицы городов, почётно множатся в книгах, продолжая издеваться над народом и его исторической памятью. Рыбаковы, парновы и беки строчат толстенные романы, где, злоупотребляя возможностями жанра, исподволь оболванивает людей. Причем, их книги издаются баснословными тиражами, заполняя полки библиотек. Это не что иное, как продолжение войны с русским народом-победителем и его священным прошлым, где должна стоять наша сегодняшняя неприступная Брестская крепость, потому что мира со злом, в какие бы одежды оно ни рядилось, не может быть никогда! На том стояла, стоит, и стоять будет Русская Земля, о чём ещё сотни лет назад сказал наш святой благоверный Великий князь Александр Невский!

ЛИТЕРАТУРА

1. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 45.
2. Там же.
3. Там же, стр. 46.
4. «Суровая драма народа». Ученые и публицисты о природе сталинизма. Издательство политической литературы. Москва. 1989, стр. 323.
5. Анатолий Рыбаков «Страх». Роман (тридцать пятый и другие годы). Книга вторая. Библиотека «Дружба народов», «Известия». Москва. 1990, стр. 350.
6. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 233.
7. Там же, стр. 248.
8. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 66.
9. Советский энциклопедический словарь. Издание третье. «Советская Энциклопедия». Москва. 1984, стр. 1361.
10. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 228.
11. Там же, стр. 366.
12. Ю.В. Емельянов «Сталин на вершине власти». Серия «Досье без ретуши». «Вече». Москва. 2003, стр. 116.

13. Алексей Полянский «Ежов». История «железного» сталинского наркома. Серия «Особый архив». «Вече», «АРИА-АиФ». 2001, стр. 160.
14. Г.М. Дейч «Ленинские эскизы к портретам друзей и противников». Лениздат. 1990, стр. 151.
15. Там же, стр. 147.
16. Там же, стр. 150.
17. Н.Валентинов (Н.Вольский) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина». Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. «Современник». Москва. 1991, стр. 260.
18. Владимир Карпов «Генералиссимус». Книга первая. «Янтарный сказ». 2002, стр. 155.
19. Андрей Дикий «Евреи в России и в СССР». Исторический очерк. Издание 2-е (первое в России). «Благовест». Новосибирск. 1994, стр. 183.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 148.
24. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 67.
25. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Роман. Серия «Тайны великих». Издательский Дом «Нева». 2005, стр. 197.
26. И.Сталин. Сочинения в 13-ти томах. Том 13, июль 1930 — январь 1934. Главполиграфиздат. Москва. 1952, стр. 39.
27. Н.Валентинов (Н.Вольский) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина». Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. «Современник». Москва. 1991, стр. 359.
28. Ф.М. Ваганов «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром» (1928-1930 гг.). Издательство политической литературы. Москва. 1970, стр. 17.
29. Там же, стр. 259.
30. Там же, стр. 27.
31. Там же.
32. Там же, стр. 25.
33. Там же, стр. 30.
34. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 96.
35. Юрий Козенков «Схватка за власть». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Сталина до Ельцина. Серия «Гологофа России». «Фонд национальных перспектив». Москва. 2003, стр. 40.
36. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 201.
37. В.Клушин «Малоизвестное о Троцком». «Карающая десница революции» перед судом времени. (К истокам метаморфоз «философии истории» Л.Д. Троцкого). Ленинград. 1997, стр. 21.
38. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 164.
39. В.Клушин «Малоизвестное о Троцком». «Карающая десница революции» перед судом времени. (К истокам метаморфоз «философии истории» Л.Д. Троцкого). Ленинград. 1997, стр. 21-22.
40. «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи». Серия «Сталиниана». ЭКСПО «Алгоритм». 2002, стр. 326.
41. Роман Перин «Гильотина для бесов». Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934-2000 гг. Серия «Потерянные ключи». «ЛИО Редактор». Санкт-Петербург, 2001, стр. 46.
42. Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х книгах. Книга 11. АПН. Москва. 1989, стр. 191.
43. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 252.
44. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 187.
45. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 241.
46. Там же.
47. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 332.
48. Там же, стр. 333.
49. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 251.
50. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 333-334.

51. Там же, стр. 334.
52. Там же, стр. 239.
53. Н. Молчанов «Генерал де Голль». «Международные отношения». Москва. 1980, стр. 51.
54. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Власик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 101.
55. П.Ф. Билый «Заговор» или заговор». «Дуэль», № 36-37. 2002.
56. Там же.
57. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 209.
58. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 246.
59. Там же, стр. 247.
60. Там же, стр. 245.
61. Ив Бреэре «Казак». Исторический очерк. Военное издательство. Москва. 1992, стр. 228.
62. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 245.
63. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 161.
64. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 247.
65. Там же, стр. 169.
66. Там же, стр. 154.
67. Там же, стр. 246.
68. Там же, стр. 248-249.
- 69-71. Там же, стр. 249.
72. Там же, стр. 249-250.
73. Там же, стр. 250.
74. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 254.
75. Там же, стр. 251.
76. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 251.
77. Там же.
78. Там же.
79. Там же, стр. 252.
80. Там же, стр. 253.
81. Там же, стр. 253-254.
82. Там же, стр. 254.
83. Там же, стр. 255.
84. Там же, стр. 256.
85. Там же.
86. Там же.
87. Там же, стр. 257.
88. Там же.
89. Там же, стр. 259.
90. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 256.
91. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 268
92. Там же, стр. 176.
93. Там же.
94. Там же.
95. Станислав Грибанов «Сталин и евреи». В мыслях и суждениях собственных, их современников, а также полвека спустя. Москва. 2000, стр. 69.
96. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 176.
97. Там же, стр. 177.
98. Там же, стр. 287-288.
99. Там же, стр. 289.
100. П.Ф. Билый «Заговор» или заговор», «Дуэль» № 36-37. 2002.
101. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия ««Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 294.
102. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 45-46.

103. Владимир Карпов «Генералиссимус». Книга первая. «Янтарный сказ». 2002, стр. 148.
104. Там же.
105. Феликс Чуев «Молотов». Полудержавный властелин. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 491.
106. Там же.
107. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 346.
108. Феликс Чуев «Молотов». Полудержавный властелин. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 491.
109. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Роман. Серия «Тайна великих». Издательский Дом «Нева». 2005, стр. 220.
110. Там же.
111. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 197.
112. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 168.
113. «Историко-революционный календарь. 1939». Табель календарь на 1939. Государственное социально-экономическое издательство. Москва — 1939, стр. 39.
114. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 169.
115. Там же.
116. Там же.
117. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 262.
118. Там же.
119. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 126.
120. Феликс Чуев «Каганович. Шепилов». Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2001, стр. 104.
121. Ф.М. Ваганов «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром» (1928-1930 гг.). Издательство политической литературы. Москва. 1970, стр. 258.
122. Феликс Чуев «Каганович. Шепилов». Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2001, стр. 55.
123. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 189.
124. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Роман. Серия «Тайны великих». Издательский Дом «Нева». 2005, стр. 169.
125. Ласло Белад, Тамаш Краус «Сталин». Издательство политической литературы. Москва. 1990, стр. 202.
126. Там же, стр. 204.
127. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 268.
128. Там же, стр. 269.
129. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 187.
130. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Роман. Серия «Тайны великих». Издательский Дом «Нева». 2005, стр. 115.
131. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 187.
132. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 298.
133. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Властик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 98-99.
134. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 306.
135. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Властик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 99.
136. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 123.
137. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Роман. Серия «Тайны великих». Издательский Дом «Нева». 2005, стр. 203.
138. Там же.
139. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 110.
140. Там же, стр. 215.
141. Там же, стр. 214.
142. Евгений Гусляров «Сталин в жизни». Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. Серия «Биографические хроники». «ОЛМА-ПРЕСС», Москва. 2003, стр. 267.
143. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 235.

144. Там же, стр. 244.
145. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Власик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 193.
146. Ю.В. Емельянов «Сталин на вершине власти». Серия «Досье без ретуши». «Вече». Москва. 2003, стр. 375-376.
147. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 375-376.
148. Там же, стр. 376-377.
149. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 292.
150. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 340.
151. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 263.
152. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 98.
153. Там же.
154. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 249.
155. Там же, стр. 250.
156. Там же, стр. 241.
157. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 198.
158. А.Климов «Ядовитые рыбы». (Сионисты и масоны в Японии). Москва. 1992, стр. 20.
159. Там же.
160. Там же, стр. 20-21.
161. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Власик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 102.
162. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 68.
163. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 91.
164. Там же, стр. 101.
165. Там же, стр. 101-102.
166. А. Климов «Ядовитые рыбы». (Сионисты и масоны в Японии). Москва. 1992, стр. 19.
167. Там же.
168. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 88.
169. Там же.
170. Там же, стр. 91-92.
171. Там же, стр. 95.
172. Там же, стр. 101.
173. Там же.
174. В. Клушин «Малоизвестное о Троцком». «Карающая десница революции» перед судом времени. (К истокам метаморфоз «философии истории» Л.Д. Троцкого). Ленинград. 1997, стр. 26.
175. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 360.
176. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 319.
177. В.Клушин «Малоизвестное о Троцком». «Карающая десница революции» перед судом времени. (К истокам метаморфоз «философии истории» Л.Д. Троцкого). Ленинград. 1997, стр. 26.
178. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 56.
179. Там же, стр. 57.
180. Там же.
181. Евгений Гусляров «Сталин в жизни». Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. Серия «Биографические хроники». «ОЛМА-ПРЕСС», Москва. 2003, стр. 289.
182. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 161.
183. Там же.
184. Там же.
185. Валентин Скорятин «Тайна гибели Владимира Маяковского». Новая версия трагических событий, основанная на последних находках в секретных архивах. Серия «XX век: Лики. Лица. Личины». «Звонница-МГ». Москва. 1998, стр. 158.

186. Там же, стр. 66.
187. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 62.
188. Там же, стр. 65.
189. Там же, стр. 68.
190. Там же, стр. 341.
191. Там же, стр. 69.
192. Там же, стр. 70.
193. Там же, стр. 124.
194. Там же, стр. 125.
195. Там же, стр. 125-126.
196. Там же, стр. 121.
197. Там же, стр. 127.
198. Там же, стр. 126.
199. Там же, стр. 127.
200. Там же, стр. 371.
201. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 304.
202. Владимир Некрасов «Тринадцать «железных» наркомов». История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щёлокова. 1917-1982. Издательство «Версты» Государственной фирмы «Полиграфресурсы». Москва. 1995, стр. 189.
203. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 213-214.
204. Роман Перин «Гильотина для бесов». Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934-2000 гг. Серия «Потерянные ключи». «ЛИО Редактор». Санкт-Петербург, 2001, стр. 41.
205. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 159.
206. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 300.
207. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 332-333
208. Станислав Грибанов «Сталин и евреи». В мыслях и суждениях собственных, их современников, а также полвека спустя. Москва. 2000, стр. 7.
209. Валентин Скорятин «Тайна гибели Владимира Маяковского». Новая версия трагических событий, основанная на последних находках в секретных архивах. Серия «XX век: Лики. Лица. Личины». «Звонница-МГ». Москва. 1998, стр. 148.
210. Юрий Козенков «Завоеватели». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Петра I до Сталина. (1700-1924). Серия «Голгофа России». Москва. 2001, стр. 283.
211. Там же.
212. Там же.
213. Там же, стр. 283-284.
214-216. Там же, стр. 284.
217. Там же, стр. 297-298.
218. Там же, стр. 299.
219. Там же, стр. 284.
220. Там же, стр. 301.
221. Владимир Некрасов «Тринадцать «железных» наркомов». История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щёлокова. 1917-1982. Издательство «Версты» Государственной фирмы «Полиграфресурсы». Москва. 1995, стр. 189.
222. Там же.
223. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 309.
224. Там же, стр. 299-300.
225. П.Ф. Бильяй «Заговор» или заговор». «Дуэль» № 36-37. 2002.
226. Феликс Чув «Молотов». Полудержавный востеалин. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 464.
227. Дипломатический Словарь. В трёх томах. Том I «А-И». Государственное издательство политической литературы. Москва. 1960, стр. 484.
228. Владимир Логинов «Тени Сталина». Генерал Ваасик и его соратники. Серия «Под грифом «секретно». «Современник». Москва. 2000, стр. 104.
229. Там же.
230. Ян Грей «Сталин. Личность в истории. Лев Троцкий «Сталин». Серия «История в лицах. Диктаторы», «ИнтерДайджест». Минск. Москва. Смоленск. Берлин. Калининград. 1995, стр. 90-91.
231. Александр Кондрашов «Подлинная история Иосифа Сталина». «Литературная газета» № 8, 27 февраля-6 марта 2007.
232. Там же.
233. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 304.

234. Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет. Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва. 1978, стр. 14.

235. Евгений Гусляров «Сталин в жизни». Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. Серия «Биографические хроники». «ОЛМА-ПРЕСС», Москва. 2003, стр. 289-290.

236. Роман Перин «Гильотина для бесов». Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934-2000 гг. Серия «Потерянные ключи». «ЛИО Редактор». Санкт-Петербург, 2001, стр. 72.

237. Александр Кондрашов «Подлинная история Иосифа Сталина». «Литературная газета» № 8, 27 февраля-6 марта 2007.

238. Г.В. Костырченко «Тайная политика Сталина». Власть и антисемитизм. Библиотека Российского Еврейского Конгресса. Институт российской истории Российской Академии Наук. «Международные отношения». Москва. 2001, стр. 164.

239. Там же.

240. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 262.

241. С. Минаков «Сталин и его маршал». Серия «Русские тайны». «Яуза-Эксмо». Москва. 2004, стр. 626.

242. Там же, стр. 119.

243. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 223.

244. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 44.

245. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 201.

246. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 64.

247. Там же, стр. 343.

248. Роман Перин «Гильотина для бесов». Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934-2000 гг. Серия «Потерянные ключи». «ЛИО Редактор». Санкт-Петербург, 2001, стр. 54.

249. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 266.

250. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 199.

251. Р. Баландин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 288-289.

252. Там же, стр. 228.

253. Там же.

254. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 150.

255. Там же, стр. 150-151.

256. Там же, стр. 40.

257. Ласло Беладя, Тамаш Краус «Сталин». Издательство политической литературы. Москва. 1990, стр. 193.

258. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 164.

259. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 151.

260. Там же, стр. 157.

261. Там же, стр. 144.

262. Там же, стр. 41.

263. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 218.

264. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 17.

265. Валентин Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 67

266. Юрий Козенков «Завоеватели». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Сталина до Ельцина. Серия «Голгофа России». «Фонд национальных перспектив». Москва. 2003, стр. 113.

267. Советский Энциклопедический Словарь. Издание третье. «Советская Энциклопедия». Москва. 1984, стр. 1361.

268. Юрий Козенков «Схватка за власть». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Сталина до Ельцина. Серия «Голгофа России». «Фонд национальных перспектив». Москва. 2003, стр. 84-85.

269. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 20.

270. Там же, стр. 21.

271. Ю.И. Мухин «По следам Тухачевского» (Продолжение. Начало в № 11) — «Дуэль» № 12 за 17 июня 1997 г.

272. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 266.

273. Юрий Козенков «Схватка за власть». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Сталина до Ельцина. Серия «Голгофа России». «Фонд национальных перспектив». Москва. 2003, стр. 86-87.

274. С. Минаков «Сталин и его маршал». Серия «Русские тайны». «Яуза-Эксмо». Москва. 2004, стр. 415-416.

275. Ю.И. Мухин «По следам Тухачевского» (Продолжение. Начало в № 11) — «Дуэль» № 12 за 17 июня 1997 г.

276. Там же.

277. Юрий Козенков «Схватка за власть». Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России от Сталина до Ельцина. Серия «Голгофа России». «Фонд национальных перспектив». Москва. 2003, стр. 87-88.

278. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 290.

279. Там же.

280. Станислав Грибанов «Сталин в жизни». Москва. 2001, стр. 44.

281. В.Г. Грабин «Оружие победы». Воспоминания. Издательство политической литературы. Москва. 1989, стр. 95-96.

282. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 290.

283. Там же.

284. Военная Академия им. М.В. Фрунзе. История военной орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознамённой, ордена Суворова Академии. Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва— 1980, стр. 10.

285. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 246.

286. Там же, стр. 226.

287. Там же, стр. 240-241.

288. Александр Бушков «Сталин. Схватка у штурвала». Серия «Тайны великих». Издательский Дом «Нева». Санкт-Петербург. 2005, стр. 89

289. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 240.

290. «Кровавый маршал». Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Серия «Рождённые революцией». Составитель Г.В. Смирнов. Издательство «КОРОНА принт». Санкт-Петербург. 1997, стр. 4.

291. Юрий Рубцов «Alter ego Сталина». Книга написана по рассекреченным документам архива ФСБ». Серия «XX век: Лики. Лица. Личины». «Звонница-МГ». Москва. 1999, стр. 109.

292. История и сталинизм. Издательство политической литературы. Москва. 1991, стр. 191.

293. И.В. Дубинский «Особый счёт». Серия «Военные мемуары». Военное издательство. Москва. 1989, стр. 22.

294. Анатолий Рыбаков «Страх». (Тридцать пятый и другие годы). Роман. Книга вторая. Библиотека «Дружба Народов», «Известия». Москва. 1990, стр. 365.

295. Там же, стр. 363.

296. Л.А. Гордон, Э.В. Клопов «Что это было?». Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. Политиздат. Москва. 1989, стр. 250.

297. Там же, стр. 259

298. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 379.

299. Там же.

300. Там же.

301. Ласло Беладди, Тамаш Краус «Сталин». Издательство политической литературы. Москва. 1990, стр. 204.

302. Там же.

303. Там же, стр. 214.

304. Там же, стр. 271.

305. Там же, стр. 272.

306. Р. Баладин, С. Миронов «Заговоры и борьба за власть». От Ленина до Хрущёва. Серия «Эпоха Сталина». «Вече». Москва. 2003, стр. 265.

307. А. Колпакиди, Е. Прудникова «Двойной заговор». Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. Серия «Досье». «ОЛМА-ПРЕСС». Москва. 2000, стр. 370.